

ПЛЕННИКИ

НАЦИОНАЛЬНОЙ

ИДЕИ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт славяноведения и балканистики

ПЛЕННИКИ
НАЦИОНАЛЬНОЙ
ИДЕИ

Политические портреты
лидеров Восточной Европы
(первая треть XX в.)

Сборник статей

Москва 1993

Книга издана при содействии
Международного рекламного-информационного агентства
"РУССКАЯ ПРЕСС СЛУЖБА"
и Банка "ДЕЛОВАЯ РОССИЯ"

Редакционная коллегия:

М.Н.Бобрик, Р.П.Гришина,

М.Д.Ерещенко (отв.ред)

Рецензенты:

А.И.Пушкаш, доктор исторических наук

Е.Ф.Фирсов, кандидат исторических наук

ПРЕДИСЛОВИЕ

В жизни народов и стран бывают особо сложные, драматические периоды, когда общество как бы рождается заново, ломая старый уклад, прорывается к новым идеям в поисках обновленного пути своего самоопределения. В эти переломные моменты на подмостках истории появляются персонажи, характер и деяния которых олицетворяют приоритеты своего времени. Проследивая эволюцию цивилизаций, начиная с античности, советский философ А. Гулыга отметил насыщенность истории реальными человеческими судьбами, через которые и раскрывается нравственный потенциал эпохи и общества. В книге "Эстетика истории" он пишет: "И тот, кто исследует историю, и тот, кто ею только интересуется, не может быть равнодушен к материалу: история повествует о людских свершениях... За каждым фактом — судьба человека, интерес к истории — это интерес к человеку. Читая жизнеописания римских цезарей, средневековые хроники, историю войн, революций, науки и искусства, мы видим перед собой людей, их устремления, борьбу, заблуждения и страсти, мы переживаем их судьбу".

Подчиняя ход истории классово-партийному принципу, официальная историография эпохи реального социализма небезуспешно стремилась подменить человеческое "начало", драматическое столкновение людей и идей в истории идеологизированными схемами взаимодействия "объективного и субъективного факторов", "вождя и массы" в почти анонимном процессе "смены социально-экономических формаций". Так XX век в историческом сознании нескольких поколений социалистического периода лишился десятков и сотен видных личностей, деятельность, мировоззрение и заслуги которых замалчивались либо искажались в угоду политическим пристрастиям власть предержащих.

Воспримем этот урок и попытаемся ныне приоткрыть завесу исторической драмы того поколения политиков, которым выпал "звездный час" стоять у истоков создания самостоятельных государств и национального объединения народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Перед нами предстает плеяда государственных и политических лидеров, взявших на себя управление восточноевропейским экспрессом, стартовавшим с символического рубежа 1918 года в новейшую историю XX века. Это монархи стран балканского региона — царь Борис III в Болгарии, король Румынии Фердинанд Гогенцоллерн, король бывшей Югославии Александр Карагеоргиевич, главы правительств Греции Э. Венизелос и Югославии Н. Пашич, первый президент чехословацкого государства Т. Г. Масарик, национальный лидер воссоединенной Польши Ю. Пилсудский, регент Венгрии адмирал М. Хорти, руководитель хорватского крестьянского движения С. Радич.

Есть одна общая особенность в судьбах этих людей — в исторической памяти своих народов их имена и политика оказались связанными с национальной идеей, идеей создания единого государства, объединения нации. Родившись на закате феодальной Европы, национальная идея с ее революционно-романтическим пафосом освобождения и объединения наций предопределила поворот в развитии XIX в., когда ход событий на политической арене старого континента стал определяться не столько военными баталиями, сколько мощными восстаниями вроде греческого, сербского, польского, венгерского. Борьба за объединение Дунайских княжеств увенчалась успехом в 1859 г.: на карте Восточной Европы, наряду с Грецией и Сербией, стало существовать румынское государство, пока еще сохранявшее зависимость от Османской империи. В условиях русско-турецкой войны 1877—1878 гг. добились независимости Болгария и Румыния, Сербия и Черногория. Но сложившееся геополитическое равновесие великих держав на рубеже XIX—XX вв. лишало надежды угнетенных малых народов, находившихся в составе трех империй — Османской, Габсбургской и Российской — на мирное обретение своей государственности.

Известное предупреждение Бисмарка о том, что "если в Европе случится еще одна война, она произойдет из-за какой-ни-

будь идиотской глупости на Балканах", трагически сбылось в 1914 г. Военная катастрофа, приведшая к крушению кайзеровской Германии, Австро-Венгрии, Османской империи, распад Российской монархии под ударами революций 1917 г. пробудили активность национальных движений и их лидеров. Ожившая на исходе войны национальная идея стала той отдушиной, в которую устремилась десятилетиями скованная огромная социальная энергия масс. Это был как бы прорыв к надежде, что объединенная нация, создав собственное государство, способна будет обеспечить рывок вперед и в экономической сфере, в демократических преобразованиях, занять достойное место в послевоенной обновляющейся Европе. Так национальная идея парадоксальным образом объединяла в себе мифы и реальность: мифы о единстве национально-государственных интересов, о приоритете этнической общности доминирующей нации приходили в неизбежное противоречие с реальной пестротой национально-этнической карты восточноевропейского региона. И противоречие это, освященное политическим лозунгом революционной эпохи о "праве наций на самоопределение", в реалиях Центральной и Юго-Восточной Европы изначально закладывалось в основу политической нестабильности и грядущих межнациональных конфликтов.

Памятный 1918 г. стал годом рождения Чехословакии и Венгрии, образовавшихся на развалинах Габсбургской империи, годом восстановления государственной независимости Польши, объединения югославянских земель в Королевство сербов, хорватов и словенцев (будущее государство Югославия); объединение Трансильвании с Румынией и присоединение к последней Бессарабии, всей Буковины и Добруджи привело к созданию в 1918 г. "Великой Румынии". Поражение Центральных держав с окончанием войны обернулось в 1918 г. национальной трагедией для Болгарии и Венгрии, потерявших часть своих территорий, значительную долю населения и материальных ресурсов. Политическая карта региона была произвольно перерезана новыми границами, этнические и государственные контуры которых не совпадали. Версальские "миротворцы" — представители победивших держав, утвердив мирными договорами безрассудный передел территорий в этом регионе, породили проблему границ, что явилось источни-

ком подогревания межгосударственных противоречий и реваншистских устремлений побежденных наций. Во всем регионе не было ни одного государства, которое бы не имело претензий в отношении границ к другой стране или даже ко всем соседям сразу.

Стремление к реализации идеи "великой" страны, будь то образованная с благословения западных союзников "Великая Румыния" (заслуги которой в подавлении революции в Венгрии и интервенции против русской армии и революционного движения в Бессарабии были поощрены согласием лидеров Антанты на присоединение соседних территорий) или вождельные мечты о создании "Великой Венгрии", "Великой Болгарии" и др. жестко программировали политику правящих кругов каждого из этих государств на отстаивание своих "национальных интересов". Что в свою очередь порождало нестабильность положения всех стран в системе международных отношений. Во-первых, противопоставление "своих интересов" в ущерб безопасности соседей было чревато несоблюдением статус-кво каждого государства и региона в целом; во-вторых, малые страны оказывались в опасной зависимости от покровительства великих держав, противоборствующих между собой за влияние в Центральной и Юго-Восточной Европе.

Оглянувшись в прошлое и оценивая внешнеполитические результаты реализации концепции "великой национальной идеи", можно заметить, что международное положение стран этого региона всегда было полем наибольшего напряжения. Лидеры этих стран на протяжении межвоенного периода постоянно лавировали, пытаясь найти равновесие в геостратегической ситуации. И становились заложниками в политике великих держав, искусно игравших на болезненной чувствительности восточноевропейских лидеров к идее национального величия своей страны и их эгоистически "национальных интересах".

Уязвимость этой узконационалистической стратегии правящих верхов стран Центральной и Юго-Восточной Европы подтвердилась накануне и в ходе второй мировой войны, когда выявился полный крах внешнеполитического курса государств данного региона. Распад Чехословакии, передел румынских границ, в результате которого сразу три страны — Румыния, Венгрия и Болгария оказались привязанными к колеснице военной агрессии гер-

манского рейха, крушение единой Югославии знаменовали собой поражение принципов национальной государственности, сложившейся в контурах национальной идеи и регионального миропорядка после первой мировой войны.

Если события, происходящие ныне, в эпоху посттоталитарных реформ в Восточной Европе рассматривать в исторической ретроспективе, то это, вероятно, — второй крах государств-наций. Вновь явственно проступили проблемы старых территориальных и этнических противоречий, которые отягощали межгосударственные и внутривнутриполитические отношения этих стран. Как и прежде начинает доминировать ориентация на сильного западного покровителя и противопоставление национальных интересов друг другу.

Избрав объектом своего внимания государственных деятелей — героев первого поколения новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы, авторы стремились отразить через их жизнь и политику процессы развития новых государств во всем многообразии обстановки того времени. Предметом особо пристального анализа является проблема вхождения во власть новых лидеров, которые должны были учитывать последствия революционных перемен у ближайшего соседа — Советской России, пример которой оказался заразительным и для Венгрии, Словакии, Болгарии. Избранный послевоенными политиками путь реформаторского обновления общества, политической демократизации системы власти позволил балканским монархиям сохранить как самому властному институту. Печальный урок крушения царского режима в России был хорошо усвоен младшими королевскими дворами Гогенцоллернов, Кобургов, Карагеоргиевичей.

Однако не менее интересен материал о становлении режима буржуазной демократии в республиканской Чехословакии с приходом Т.Г. Масарика и авторитарной диктатуры М. Хорти в Венгрии вследствие поражения Советской Венгерской Республики. Портреты этих деятелей высвечивают судьбу их государств: демократическая Чехословакия, основанная на иллюзии возможного построения централизованного унитарного государства при сохранении двух равнозначных наций — чехов и словаков и множества этнических меньшинств, не смогла противостоять германскому диктату; хортистский режим, в свою очередь, наглядно показал, как произошла страшная коррупция национальной идеи, ле-

жавшей в основе образования новых государств после первой мировой войны. Если для поколения начала века она означала освобождение нации, чтобы возвысить ее и возродить национальную государственность, то скатывание общества к диктатуре тоталитарного типа исказило сущность национальной идеи, превратило ее в пропагандистскую ересь "жизненного пространства". Этот лозунг "жизненного пространства" логически привел хортистскую Венгрию в объятия фашистского блока, втянув ее во вторую мировую войну на стороне германского агрессора.

К объектам своего исследования авторы стремились подходить критически, дистанцируя собственное видение личности того или иного деятеля от его политической позиции. В представленных портретах удалось уловить, пожалуй, главные характерные черты, объединяющие именитых героев повествования. Во-первых, это привязанность или любовь к отечеству, служению которому они посвятили свои силы, пытаясь по своему разумению принести "благо народу", вывести страну на арену европейского развития; во-вторых, парадоксально, но как раз тогда, когда национальные политики, казалось бы, достигали главных целей своей жизни, тут-то их и подстерегало поражение. Монархии скатывались к диктатуре, выход из политического кризиса авторитарных режимов Хорти и Пилсудского приводил к усилению репрессивности системы, которая приобретала черты фашизма. Экономическая модернизация стран региона оказывалась неустойчивой и недолговечной. На заключительном этапе властвования рассматриваемых политиков их личная роль в управлении государством явно угасала или насильственно прерывалась.

Так что же — национальные "герои-объединители" уходили в небытие? Авторам хотелось проявить в каждом политическом портрете личность лидера и живого человека, будь он королем, президентом, премьером или партийным руководителем. Они попытались осторожно, с учетом времени очистить личностный портрет своего героя от прежних идеологических наслоений предшествующей историографии.

Наконец, эта книга далека от того, чтобы сказать все об избранных деятелях и описываемых событиях. Она приоткрывает российскому читателю путь к познанию исторической правды, которая является источником опыта для нынешнего поколения по-

литиков. Потому что национальные проблемы, потрясающие на исходе текущего столетия Восточную Европу, уходят своими корнями в прошлое и прорастают в пока еще непредсказуемое будущее следующего века. Каждому поколению приходится заново открывать, а то и переписывать историю. И в периоды смуты, нависшей опасности мы вдруг обращаемся к хроникам былого, чтобы найти ответы на вопросы сегодняшнего дня. Мы спешим познать опыт прошлых поколений, которые также искали выход из сложностей своего времени, добивались воплощения своих надежд, являлись пленниками своих иллюзий и ошибок. И все-таки общество продвигалось вперед, благодаря усилиям, воле и разуму своих активных творцов.

Перед нами галерея портретов лидеров Восточной Европы периода между двумя мировыми войнами, вошедших в пантеон национальной истории. Откроем ее страницы...

М.Д. Ерещенко

БОЛГАРИЯ

Р.П. Гришина

ЦАРЬ БОРИС III. 1894—1943

3 октября 1918 г. болгарский царь Фердинанд Саксен-Кобург-Готский вынужден был отречься от престола: столь велико было общественное негодование против него, как руководителя внешней политики страны, главного инициатора участия Болгарии в первой мировой войне на стороне Германии, Австро-Венгрии и Турции, заканчивавшейся для Болгарии так плачевно. Разгром болгарской армии на Салоникском фронте и уже несомненное общее поражение в войне блока Центральных держав воспринимались в Болгарии как новая национальная катастрофа. Ибо десятилетиями пестовавшийся национальный идеал — так называемая Сан-Стефанская Болгария — становился недостижимым.

Этот национальный идеал был рожден обстоятельствами победы России в ее очередной войне с Турцией, закончившейся Сан-Стефанским миром 3 марта 1878 г. Согласно его условиям для освобождавшегося из-под власти Турции Болгарского княжества (хотя еще сохранялась его вассальная зависимость), в его состав должны были войти обширные области Балканского полуострова, в том числе преобладающая часть македонских земель. Сан-Стефанская Болгария "просуществовала" всего 102 дня: соперничавшие с Россией за влияние на Балканах Англия и Австро-Венгрия настояли на пересмотре условий мира. Россия в силу ряда обстоятельств вынуждена была уступить, в том числе в вопросе о территории Болгарского княжества, которая, согласно статьям Берлинского трактата 1878 г., резко сокращалась. Но образ Сан-Стефанской Болгарии (от Дуная на севере до Эгейского моря на юге, от Черного моря на востоке до Охридского озера на западе), возникший в момент освобождения болгар из-под иноземного владычества и озаривший рождение их собственного от-

дельного государства, оставил глубокий след в народном сознании.

И как нередко случается, естественный процесс консолидации болгарской нации, стремление к национальному объединению* стали сопровождаться формированием в правящих кругах страны агрессивных, захватнических планов. Носителем идеи "Великой Болгарии" стал царь Фердинанд, добившийся окончательной ликвидации в 1908 г. вассальной зависимости Болгарии от Турции и провозгласивший Болгарское княжество царством, а себя царем. Среди преследуемых им целей была и такая, как установление гегемонии Болгарии на Балканах.

Однако силовая политика успеха не гарантировала. Правда, объединившись, Болгария, Сербия, Греция и Черногория добились в войне против Турции (1912 г.) освобождения, наконец, почти всех балканских территорий из-под турецкого владычества (кроме территорий восточнее линии Энез-Мидье). Но победители не сумели поделить между собой македонские земли. Началась новая война, теперь уже между бывшими союзниками (1913 г.); в которой Болгария потерпела страшное поражение (так называемая первая национальная катастрофа). И вот теперь — на исходе мировой войны — новая национальная катастрофа. Поражения 1913 и 1918 гг. стали свидетельством того, что силовым способом Болгария ни сама, ни в составе могущественного Четверного союза решить свои национально-территориальные проблемы не в состоянии. Крах силовой политики стал и личным крушением царя Фердинанда, который в погоне за мечтой о Великой Болгарии слыл большим болгаринном, чем сами болгары. Теперь на его удалении с трона настаивали при подписании 29 сентября 1918 г. перемирия с Болгарией и представители Антанты. Поэтому когда явившийся во дворец премьер-министр А. Малинов поднес Фердинанду акт об отречении, отступить царю было некуда: он должен был не только подписать этот акт, но и покинуть страну.

*Хотя население македонских земель в этническом отношении отличалось большой пестротой, освободительная борьба здесь в конце XIX в. происходила в русле болгарского национального движения.

Две его дочери — княгини Евдокия и Надежда — уехали еще раньше, младший сын — принц Кирилл отправлялся в изгнание вместе с отцом — дважды вдовцом. Старший же сын — наследный принц Борис — решил, несмотря на уговоры отца уехать, остаться в его пользу и был передан царский трон.

Чем руководствовался 24-летний наследник, принимая такое решение? О чем думал, возвратившись после проводов родителя и брата, в опустевший полутемный дворец? О какой судьбе мечтал, оставаясь в стране, где только что был подавлен солдатский бунт, руководители которого отвергли монархию и провозгласили республику? Биографы царя Бориса связывают его решение с исключительно высоким пониманием своего долга: в трудную минуту он должен был быть со своим народом¹. Но думается, что принимаемый наследником риск в большей степени питался желанием молодого человека быть лично самостоятельным, вырваться из-под власти деспотического отца. Предложенные судьбой обстоятельства могли быть использованы для этого.

Будущий царь Борис III родился 18/30 января 1894 г. в Софии. В его родословной переплелись знатные аристократические и королевские ветви Европы: Саксен-Кобург-Готская, Орлеанская, Бурбонская, Пармская. Рано оставшись без матери (умерла в 1899 г.), мальчик находил душевное отдохновение в компании своих младших брата и сестер. От величественного отца-монарха дети не слышали ласкового слова, не ждали родственной близости. Он никогда не кричал на них, редко повышал тон, но говорил холодно-саркастически, постоянно напоминая детям, что они — "его создание", что они существуют только по его милости². Так пишет Ст. Груев, сын начальника личной канцелярии царя Бориса, имевший возможность близко наблюдать дворцовую жизнь. "Даже в 24 года, — продолжает он, — Борис не чувствовал себя свободно в присутствии Фердинанда, не мог позволить себе показать свои чувства и слабости, обсудить волнующие его дела... Их отношения ограничивались рамками обучения, понятиями долга и интересами династии"³.

Дворцовый быт, отличавшийся при Фердинанде широким размахом, роскошными приемами на европейский манер, что диссонировало с общим фоном жизни в отсталой и бедной стране, бес-

конечные интриги, придворная лесть — все это усиливало природную мнительность мальчика-наследника, учило его лукавству и притворству. Ощущение внутренней неустроенности мог породить и отрыв его от общей религиозной атмосферы в семье: крещенный при рождении по католическому обряду (с именем Борис-Луи-Роберт-Пи-Станислав), в двухлетнем возрасте Борис был перекрещен по политическим соображениям (ввиду восстановления дипломатических отношений между Болгарией и Россией) в православную веру. Его крестным отцом стал российский император Николай II (представлял последнего при совершении обряда граф Голенишев-Кутузов). От великолепного набора имен осталось только одно — Борис. В результате перекрещивания маленький Борис оказался оторванным от остальных детей царской семьи в такой интимной сфере, как религия. С происшедшим до самой своей смерти не могла примириться его мать. Не приняли этого акта и европейские родственники болгарских Кобургов, являвшиеся ревностными католиками⁴.

Обучение престолонаследника было поручено болгарским учителям⁵. В их числе — молодой тогда, блестящий филолог с большим научным будущим М. Арнаудов⁶. Поражение Болгарии в Балканской войне 1913 г. помешало князю Борису продолжить образование в европейских университетах, но его имя открыло список слушателей только что созданного в Софии нового учебного заведения — Военной академии⁷. Подобный шаг — вполне в духе времени: атмосфера вокруг престолонаследника была насыщена разговорами о войнах — прошлых, настоящих, будущих. Уже в четыре года на него впервые надели офицерский мундир. Вскоре он начинает "посещать" военные лагеря, присутствует на парадах, марширует со своей ротой, ест солдатскую похлебку, спит в походной палатке. С 15 лет князь живет в лагерных условиях "на общих основаниях", учится командовать отделением, взводом, ротой, полком. Военная судьба не обошла его ни во время Балканских войн, ни во время первой мировой. И если вначале он служит офицером связи при штабе, то позже принимает непосредственное участие в нескольких боях. Следуют награды, в том числе врученные лично кайзером Вильгельмом, почести, повышение в чине⁸. Он часто посещает различные войсковые соединения, его

фигура хорошо известна фронтовикам. В 1917 г. князь сопровождает главнокомандующего во всех его передвижениях по участкам фронта, присутствует на совещаниях. А летом 1918 г. становится очевидцем прорыва Салоникского фронта войсками Антанты и кровавого разгрома болгарской армии, бегства солдат из окопов.

Убитые, раненые, брошенные несчастные люди, кровь, грязь, отчаяние. Сколько всего перевидал князь Борис за последние шесть лет. Гнетущее впечатление оставило и посещение им в 1916 г. западноевропейского фронта, где он задержался при Вердене, а здесь коса смерти гуляла особенно широко. Эйфория первоначальных военных побед болгарской армии сменялась сомнениями в непогрешимости внешней политики отца-монарха. Провал планов Фердинанда, стоивший Болгарии двух национальных катастроф и огромных человеческих потерь, сформировал в Борисе, утверждают его биографы, убеждение: решение болгарского национально-территориального вопроса должно быть переведено исключительно в область политики и дипломатии. Его "верую" стало: болгарин никогда больше не будет воевать вне своих пределов⁹.

Но в 1918 г. в потрясенной стране надо было еще утвердиться на троне, положение которого было крайне неустойчивым. Вспомним, что случилось с коронованными владельцами — недавними союзниками Фердинанда: в июле 1918 г. внезапно умирает свергнутый Мухаммед V; распадается Австро-Венгрия, император Карл V отправляется в изгнание; в ноябре 1918 г. в Германии перестает существовать династия Гогенцоллернов.

Нет ничего странного, что восшествие Бориса на престол было обставлено без всякой помпезности. Церемония происходила в софийском храме "Св. Неделя", куда Борис, произведенный отцом при отречении в высший чин генерал-майора, явился в солдатской шинели, подпоясанный солдатским ремнем. Но — с орденом за храбрость и с большим крестом ордена "Кирилл и Мефодий" (высший тогда в Болгарии). Крупный, с горбинкой фамильный нос — и бледное истощенное лицо, ссутулившаяся спина. Он старался быть незаметным, держался позади премьер-министра

Малинова, в свою очередь сломленного вихрем драматических событий. На церемонии не было ни одного иностранного гостя, не послали своих представителей даже ближайшие родственники из многочисленных ветвей Кобургов и Орлеанских. Никаких парадов и всенародных торжеств. Современники отмечали отсутствие радости во время молебна на лице Бориса¹⁰. Его мучали сомнения, неуверенность в своем положении, неопределенность грядущей судьбы Болгарии. Первым указом нового царя стал указ о демобилизации армии.

События первых лет царствования Бориса III определили рамки его возможностей как правителя страны. Они оказывались довольно узкими. Важнейшим в этом смысле фактором стали условия подписанного Болгарией 29 ноября 1919 г. Нейиского мирного договора. Во время его подготовки болгарское правительство, как бы реабилитировавшее себя в глазах мирового общественного мнения изгнанием Фердинанда, спешило продемонстрировать свою уверенность в основательности болгарских притязаний на Македонию. Ссылаясь на провозглашенный победителями этнический принцип определения границ в послевоенной Европе, Болгария настаивала на присоединении к ней всей Македонии. Ее представители были готовы и на решение этого вопроса путем плебисцита. Но все эти проекты мало интересовали победителей¹¹.

Составленный ими текст мирного договора был вручен правительственной делегации Болгарии без права его обсуждения. По существу это был ультиматум, откровенный диктат. Именно так оценивало Нейиский мир общественное мнение в поверженной стране.

Согласно мирному договору Болгария теряла 11 тысяч квадратных километров (1/10 часть территории), в пользу Югославии отходили Парибродская околия, часть Кюстендилского края и некоторые другие части так называемых западных окраин. Граница между Болгарией и Грецией сохранялась по ее состоянию на 1913 г., т.е. после поражения Болгарии во второй балканской войне. Закреплялось также владение Румынией болгарской Южной Добруджей*. Раздел III Нейиского договора ("Политические

* Единственно благоприятным для Болгарии условием было обещание предоставить ей в будущем выход в Эгейское море. Победители не выполнили его: в 1920 г. спорная зона была передана Греции.

условия") обязывал Болгарию отказаться от всех прав на отнятые у нее земли. Живущим на них болгарам предоставлялось с 18-летнего возраста право определить свое подданство, и в случае принятия болгарского подданства они должны были в течение 12 месяцев покинуть родные места и переселиться в собственно Болгарию.

Кроме того, договор предписывал сокращение болгарской армии до 20 тыс. человек, ликвидацию воинской повинности и переход на наемный принцип формирования войска. Устанавливался и определенный уровень вооружения, а все, что его превышало, подлежало изъятию. Болгарии предписывалось также вы платить большие репарации. В итоге договор лишал болгарскую сторону всякой надежды на сколько-нибудь удовлетворительное решение вопроса о национальном объединении, так остро вставшем в начале XX в. И оставшемся в результате "висящим", ибо эта надежда оставалась в тайниках народного сознания, ею руководствовались болгарские политики в последующие десятилетия. Нейский договор трактовался не иначе как несправедливый, а следовательно нуждающийся в пересмотре. Когда? — Бог весть.

Ситуация определила и главное для Бориса внутреннее противоречие: сохранение в повестке дня внешней политики Болгарии задачи решения национально-территориальных проблем, с одной стороны, и формирование ориентации на отказ добиваться этого средствами войны, с другой стороны; это противоречие стало для Бориса III как главы государства и человека, поистине роковым. Поскольку Болгария, фактически единственная из балканских государств, не имела покровителя в лице какой-либо из крупных европейских держав, относившихся, как и ее ближайшие соседи по полуострову, настороженно к бывшей союзнице Германии, и, следовательно, не могла реально сопротивляться диктату, особенно в первые годы, установленный победителями порядок в большой степени задавал внешнеполитический курс Болгарии на будущее. От нее требовалось миролюбие, действительно добрососедские отношения с пограничными государствами, что внутри страны оценивалось по-разному. С одной стороны, в Болга-

рии было немало политиков-приверженцев именно курса на добрососедство. Но с другой стороны, политику, направленную на улучшение отношений с соседями, особенно с Югославией, многочисленные группы давления подвергали острым нападкам, как политику предательства национальных интересов*.

Другим ограничителем возможностей нового монарха был многосторонний послевоенный политический кризис. Приход к власти Болгарского Земледельческого Народного Союза во главе с А. Стамболийским и его радикальная реформаторская деятельность оценивались отторгнутыми от руля государственного управления "старыми" партиями, как "оранжевый большевизм" (по цвету партийного знамени). В "рабочем порядке" "земледельцы" значительно урезали функции царя Бориса по сравнению с тем, чем располагал в свое время его отец. Сам Борис понимал как будто, что унаследованный от Фердинанда механизм самодержавной монархии, где все держалось на личной власти, не может быть сохранен в полной мере, что он должен быть реформирован. Но решение этой задачи "земледельцы" взяли на себя.

* Нельзя не заметить известного различия в реакции на диктат победителей в Болгарии и Венгрии. Здесь следует учесть, что подписание Нейского договора Болгарией происходило от имени правительства Болгарского Земледельческого Народного Союза (БЗНС), лидер которого А. Стамболийский был как раз сторонником мирного урегулирования на Балканах и еще в 1915 г. открыто противостоял политике Фердинанда на вступление Болгарии в войну, за что и был наказан тюремным заключением. В 1919 г. Стамболийский, уже возглавляя правительство, считал, что устранить несправедливость Нейского мира можно с помощью "новой политики мира и лояльности" в отношении соседей и гибкого, но настойчивого отстаивания тех небольших прав, что предоставляет Болгарии мирный договор¹².

В Венгрии же кампания 1919-1921 гг. на срыв положений Трианонского мирного договора опиралась на готовность некоторых политических кругов идти напролом (и на еще не разоруженную и боеспособную армию), что сближало их тактику с тактикой части правящих кругов Германии, ориентировавшихся в начале 20-х годов на "политику катастроф", т.е. на сознательное обострение положения, чтобы таким образом добиться ревизии Версальского договора¹³.

В результате монарх был устранен от формирования кабинета министров, фактически утрачивал контроль за деятельностью парламента, перестал представлять страну на международной арене и т.п. Формула "царствует, но не управляет" ближе всего подходила к тому положению, в каком оказался молодой царь Борис. Находясь в политически нестабильной стране, в условиях, когда по всей Европе прокатилась революционная волна, царь жил под постоянной угрозой потери трона.

Правда, республиканизм "земледельцев" пока что не приобрел характера необратимости: им молодой царь не казался опасным. Стамболийский даже испытывал определенную симпатию к нему и своим авторитетом поддержал просьбу Бориса, с которой тот обратился к парламента разрешить вернуться в Болгарию в 1922 г. сестрам царя, а позже и князю Кириллу. (Кстати, несмотря на неоднократные просьбы Фердинанда позволить ему приехать в Болгарию, Борис до конца своей жизни так и не пошел отцу навстречу, постоянно ссылаясь на неблагоприятные обстоятельства).

В сложившейся обстановке становление Бориса как монарха затягивалось, порождая в нем неуверенность, беспокойствие, с одной стороны, а с другой стороны, обостряя в нем скрытность, подозрительность, двуличие. Главной линией поведения становилось выжидание и — по необходимости — постоянное тщательное наблюдение за меняющейся обстановкой в стране и за ее пределами. Борис получал газеты всех направлений, следил за международной прессой (он свободно говорил на немецком и французском языках, неплохо владел английским, итальянским, венгерским, русским¹⁴). Опору для своей власти он искал в армии. Но положение офицеров, бывших "любимых чад монархии", резко переменялось: сильное сокращение армии по условиям мирного договора выбрасывало офицеров из привычной колеи; ломались человеческие судьбы, принудительно менялся менталитет.

По своим последствиям изменение статуса офицера стало, пожалуй, одним из главных факторов дестабилизации внутреннего положения в Болгарии в межвоенный период. Ибо именно испытавшие крах карьеры офицеры, создавая для профессиональной самозащиты сначала легальные, а потом и тайные организации, постепенно втягивались, теперь уже организованно и потому очень опасно, в политическую борьбу.

Возникшая в 1919 г. Военная лига (ВЛ) после долгих блужданий относительно программы своих действий пришла к заключению о необходимости насильственного устранения правительства БЗНС, "проюгославскую политику" которого офицеры считали предательской с точки зрения традиционно понимаемых национальных интересов Болгарии и интересов самого офицерского корпуса. Организаторы ВЛ не скрывали, что испытывают, кроме того, страх перед возможностью захвата власти коммунистами, как это имело место в 1917 г. в России, а позже в Венгрии, при отсутствии уверенности в том, что политики могут помешать этому¹⁵. Настроения членов ВЛ во многом совпадали с настроениями царя, резко негативно относившегося к большевистской России, к коммунистическому движению, к деятельности Болгарской коммунистической партии (БКП), взявшей на вооружение лозунги диктатуры пролетариата и советской власти и связавшей себя тесными узами со штабом мировой революции – Коминтерном. Да и режим БЗНС, все более тяготевший к партийной диктатуре, не переставал быть источником опасности для царя. Стамболийский не скрывал, что работает над проектом новой конституции. Останется ли там место для монарха?

Так навсегда и осталось тайной, действительно ли царь имел конспиративные контакты с военным министром И. Вылковым как с руководителем тайной Военной лиги, подготовившей и совершившей 9 июня 1923 г. государственный переворот против правительства БЗНС. Неизвестно также, имел ли Борис свою долю участия в том, что поутру 9 июня Стамболийский оказался без связи с Софией из-за повреждения его радиостанции. Достоверно лишь, что накануне царь вместе с сестрами и в сопровождении офицерской свиты приезжал в гости к Стамболийскому на его виллу, расположенную в 150 км от Софии, где Стамболийский в уединении работал как раз над проектом новой конституции. Встреча была теплой, гости привезли хозяину в подарок раннюю дыню, выращенную в царских оранжереях.

Свержение режима БЗНС происходило под лозунгами восстановления норм прежней конституции. Но смена власти не привела к стабилизации внутривластного положения в стране. Наоборот, стремление к реваншу отторгнутых от управления "земледельцев" было использовано болгарскими коммунистами, кото-

рым руководство Коминтерна, посчитавшее обстановку в Болгарии после государственного переворота благоприятной для реализации тезиса о наступлении второй волны революции в Европе, навязало курс на вооруженное восстание. Плохо подготовленное восстание, проходившее под лозунгом "За рабоче-крестьянское правительство", было подавлено за несколько дней, но с необыкновенной жестокостью. Одна из причин ожесточения властей — их страх, что вооруженная антиправительственная борьба коммунистов в союзе с "земледельцами", беглое Заграничное представительство которых находилось в Югославии и пользовалось поддержкой югославской администрации, вызовет интервенцию со стороны западной соседки. В этом отношении характерно разъяснение, которое дал в декабре 1926 г. болгарский посланник в Берлине Г.В. Чичерину в ходе их частной встречи: "Если болгарское правительство, — доносил в Софию посланник о заявленной им позиции, — решилось в 1923 г. на этот шаг (речь идет о разгроме Российской миссии Красного Креста, сопровождавшемся убийством некоторых ее членов.—*Р.Г.*), в котором Вы видите столь сильное ущемление достоинства России, наверное, оно имело определенные резоны для этого; а возможно исполнение принятого решения нижними чинами просто приняло крутые формы, что не входило в намерения болгарского правительства. Никакое правительство Болгарии не допустит большевистской революции в нашей стране, так как это означало бы оккупацию Болгарии нашими соседями (в согласии с некоторыми западными великими державами) под предлогом необходимости разгромить большевистское гнездо, которое, основательно или нет, но считалось бы угрожающим безопасности других государств"¹⁶.

Репрессии болгарских властей, продолжавшиеся в течение месяца после подавления очагов восстания, затронули и сотни не причастных к нему людей. Запрещенная БКП, уйдя в подполье, стала готовить новое вооруженное восстание. В горах орудовали четы — отряды партизанского характера, осуществлявшие террор в отношении "классового врага". Некоторые из них промышляли разбоем. Частью четы подчинялись БКП, порой возникали самолично. Их набеги и расправы держали полицию в постоянном напряжении.

В свою очередь, "неизвестные" одного за другим истребляли выстрелами из-за угла сторонников единого фронта БКП и БЗНС. Ожесточение между администрацией и ультралевыми нарастало. Уровень его могут характеризовать слова премьер-министра А. Панкова, относящиеся к сентябрю 1924 г.: "Гражданская война продолжается. В ней борются две стороны и одна из них должна быть уничтожена"¹⁷.

14 апреля 1925 г. в парламент вносится законопроект о дополнениях закона о защите государства — теперь почти каждая статья исключительного закона должна получить окончание: "карается смертью". В тот же день в 10 часов утра на горном перевале Арабоконак открытую машину царя обстреливают из-за кустов. Борис и часть сопровождающих его лиц сумели выскочить из автомобиля и добежать до автобуса, который они незадолго до этого обогнали. Автобус помчался в обратную сторону. На дороге осталось тело убитого энтомолога царских музеев.

Вечером того же дня в центре Софии тремя выстрелами был убит генерал запаса К. Георгиев. А 16 апреля при отпевании генерала в софийском соборе "Св. Неделя", на котором должна была присутствовать вся "головка" государства, была запущена "адская машина". От взрыва большого количества взрывчатки, загодя вносившейся в церковь частями, пострадало в основном мирное население. Из-под обломков было извлечено больше 100 трупов. Царь, случайно опоздавший на церковную службу, и на этот раз избежал насильственной смерти.

За террористической акцией, исполненной военной организацией БКП, последовала новая волна репрессий со стороны правительства, которое теперь уже не оглядывалось ни на какие законы. Арестованных расстреливали на гарнизонных стрельбищах, душили специальными удавками в полицейских подвалах, избивали, тела сжигали в топках паровых котлов; сбрасывали десятками во рвы. Происходящее в Болгарии вызвало возмущение либеральной общественности стран Запада. Мечта Бориса о спокойном царствовании в "нормальном" конституционном государстве, о повышении его собственного международного репутации была теперь едва ли не дальше, чем при режиме БЗНС.

Внутреннее напряжение в стране поддерживалось и национально-патриотическими организациями — Внутренней македонской революционной организацией (ВМРО) и подобными ей Фракцией (ВФРО) и Добруджанской (ВДРО), для которых национально-территориальные проблемы оставались самыми животрепещущими, а обстоятельства послевоенного существования Болгарии казались неприемлемыми. Наиболее активная из них ВМРО располагала не только легальными земляческими организациями, но и разветвленной вооруженной нелегальной сетью, которая действовала на территории как Болгарии, так и соседней с ней Югославии, осуществляя террор в отношении "предателей национальных интересов". Мирные действия официальных болгарских органов, равно как и самой ВМРО, а именно: обращение в Лигу Наций и к великим державам с меморандумами и апелляциями, в том числе по поводу положения болгарского меньшинства в соседних балканских государствах, практических результатов не приносили. Тем большее значение нелегалы придавали шумным акциям со стрельбой, взрывами, убийствами.

Единой концепции решения национально-территориального вопроса в ВМРО не существовало. Имевшиеся точки зрения видоизменялись, в том числе по мере того, как со временем все больше испарялись иллюзии о возможности решения македонского вопроса как "чисто болгарского". Но сложившиеся в ВМРО фракции "автономистов" и "федералистов", т.е. сторонников автономии Македонии (часть из них все-таки не оставляла мысли о присоединении к Болгарии) и сторонников решения македонского вопроса в рамках югославянской федерации, вступили в кровавую вражду между собой. Эта вражда получила дополнительный импульс после попытки лидеров ВМРО установить контакты с Коминтерном (1924 г.), в свою очередь стремившегося использовать "национальный фактор" на Балканах для создания здесь "единого национально-революционного фронта" при обещании его участникам решить вопрос в рамках Балканской советской социалистической федерации. В результате внутренних "разборок" один из лидеров ВМРО Т. Александров был убит, затем последовала физическая ликвидация "левицы" ВМРО.

Не оставлял своим вниманием ВМРО и Борис. Известны, например визиты Т. Александрова в царский дворец через задние двери, его разговоры с монархом с глазу на глаз. Конечно, террористическая деятельность ВМРО, особенно на территории Югославии, отнюдь не способствовала повышению международного авторитета Бориса III, но болгарские власти и, несомненно, сам Борис, лишь для проформы санкционировавшие время от времени репрессии против ВМРО, считали нужным сохранить организацию для постоянного поддержания тонуса национальной борьбы.

Раздираемая внутренними противоречиями и вмешательством внешних сил ВМРО двигалась к своему вырождению. Ее лозунг "Свобода или смерть" приобрел в конце концов зловещее звучание: поскольку свободы, как она понималась "македонствующими", в ближайшее время не предвиделось, смерть стала наступать каждого, кто расходился с точкой зрения узкого состава руководителей ВМРО. Едва ли не ежедневно в конце 20-х гг. на улицах болгарских городов, да и за пределами Болгарии падали жертвы пристрастия того или иного способа решения национального вопроса, включая членов высшего руководства организации. Считается, что царь также прикладывал руку к внутренним интригам в ВМРО¹⁸. Только в 1934 г. под давлением международных обстоятельств организация была распушена.

В постоянно бурлящей стране Борис постепенно терял опору в армии, на которую хотел рассчитывать более всего. Офицерство продолжало активно вмешиваться в жизнь общества. Часть его принимала участие в политических репрессиях 20-х годов. Попытки монарха убрать армию в казармы к успеху не приводили. В конце этого десятилетия в противовес Военной лиге, совершившей государственный переворот 1923 г. и считавшейся креатурой царя, офицеры создали новую тайную организацию. Среди ее членов получили распространение республиканские идеи, а в руководстве оказались некоторые из заговорщиков 1923 г., уже обладавшие конспиративным опытом. 19 мая 1934 г. военные произвели новый государственный переворот, направленный на этот раз против режима многопартийности, как не могущего обеспечить политической стабильности в стране, но также и против царя. Однако Борис быстро смирился с тем, что правительство заговорщиков

ликвидировало партийную систему в стране и установило авторитарный режим, и смирился, видимо, не только потому, что другого выхода в тот момент у него не было. Теперь 40-летний и достаточно умудренный политически, он посчитал, что ситуацию можно использовать для укрепления собственной власти и положения трона. Незадолго до этого (в 1930 г.) царь женился на дочери итальянского короля Джованне (Иоанне, как ее стали звать в Болгарии), время было думать о наследнике. Путем политических манипуляций и правительственных перестановок Борис буквально через год сумел сформировать полностью лояльный ему кабинет министров. В дальнейшем режим его личной власти лишь укреплялся. Как отмечают некоторые болгарские исследователи, с Борисом III, взявшим в 1935 г. в свои руки непосредственное управление страной, не мог сравниться по объему власти ни один монарх в тогдашней Европе¹⁹. Египетская диктатура осуществлялась с помощью приближенных чиновников и советников. Для укрепления "беспартийного режима" царь разрешил восстановить деятельность парламента, в стране вновь стали проводиться выборы. Но запрет на функционирование партий сохранялся²⁰.

При этом царь остался в народной памяти как демократичный в обращении с простыми людьми человек, чему немало способствовала пропаганда. Его дворцы не знали той роскоши, какой славился быт Фердинанда. Для проведения свадебного ритуала Борису пришлось обращаться к отцу в Кобург с просьбой о драгоценностях для наряда невесты, причем жених не был уверен, что получит желаемое. Будучи страстным охотником и туристом, царь не раз делил простую трапезу с встречавшимися в горах крестьянами и пастухами. Выходы на природу давали отдохновение душе. Особенно любил Борис горные восхождения, в том числе на высшую точку Болгарии — вершину "Мусала".

Другое хобби царя было связано с интересом к технике. Он хорошо водил автомобиль и даже железнодорожные локомотивы. Испытывал Борис и передавшийся от отца интерес к изучению флоры и фауны, поддерживал заведенные при Фердинанде исследовательские учреждения этого профиля, создавал новые. В 1927 г. им были основаны "Известия на царските природо-научни институти", по его инициативе снаряжались зоологические и ботанические экспедиции²¹.

После восшествия на престол лишь в 1926 г. ситуация позволила монарху выехать за границу. И тогда, и в последующие годы он любил путешествовать инкогнито. Установление контактов с царственными родственниками и с ведущими политическими лидерами Запада при всем их политесе не обнадеживали царя Бориса относительно решения национально-территориальных проблем Болгарии или хотя бы улучшения ее внешнеполитического положения.

Однако возвращение Германии к сильной политике, постепенное отбрасывание ею ограничений Версальской системы не могло не способствовать оживлению ревизионистских ожиданий в Болгарии. С начала 30-х гг. экономические позиции Германии в Болгарии стали быстро усиливаться и вскоре она заняла первое место среди других государств. Сами обстоятельства, казалось, толкали Болгарию к союзу с Германией.

По мере того, как положение в Европе усложнялось и новая война все настойчивее стучалась в двери, в болгарских политических кругах стали обсуждаться варианты предпочтительной позиции страны. Борис по-прежнему считал, что главным приоритетом для Болгарии и ее верховным национальным интересом является сохранение мира на Балканах. Его мучила противоречивость складывающейся ситуации. С одной стороны, он понимал, что именно новая мировая война взорвет Версальскую систему договоров, обрекшую Болгарию на столь трудное существование. С другой стороны, — не желал отступить от данного когда-то завета: не вести войн во имя объединения. Видимо, слишком ярким было личное впечатление от военной катастрофы 1918 г., когда Болгария выступала в союзе с Германией. Но теперь снова Германия маячила в качестве возможного союзника. Что это — судьба? Конечно, можно использовать феномен "Дядо Ивана" — образ России-освободительницы пользуется в народе популярностью — и попытаться опереться на СССР, но это грозит распространением большевизма в собственной стране, что страшнее холеры.

Близкие к царю люди отмечали усиление его набожности в эти годы. Монарх чаще стал встречаться с Л. Лулчевым, членом "Белого братства" П. Дынова. Дынов, сохраняя приверженность христианству, "дополнял" его большой дозой мистицизма и оккульт-

тизма, проповедовал учение о карме, перерождении "невидимого мира", универсальной любви, ясновидении. Лулчев передавал царю его пророчества, чаще всего, отмечает биограф Бориса, туманные. Правда, сам Борис заявлял: "В XX веке государство не управляется на основании оккультных данных, полученных от пророков, астрологов и хиромантов"²², но суеверно не любил число 13, боялся плохих предзнаменований. И именно Лулчев стал одним из неофициальных и наиболее близких советников царя накануне второй мировой войны.

В сентябре 1938 г. Борис испытал себя в новом качестве. Всегда осторожный, бегущий от прямых решений, он вдруг включился в большую и рискованную европейскую игру, взяв на себя роль посредника в противостоянии руководителей Англии и Франции, с одной стороны, и Германии — с другой стороны, в вопросе о судьбе Чехословакии. Борис, уяснив при посещении Англии и Франции, что в случае нападения Германии на Чехословакию военное вмешательство западных стран неминуемо, отправился в Берлин. Поочередно встречаясь с Герингом, Гитлером и Риббентропом, он убеждал каждого из них, что для Германии было бы сумасшествием вызвать войну, так как это настроит против нее весь мир и приведет к тому же результату, что и в 1918 г. Военные действия в Чехословакии, предупреждал он, вызовут вмешательство Англии, а Британская империя до сих пор не терпела поражения в большой войне и, безусловно, избежит его, если вступит в войну сейчас. Борис предлагал действовать с помощью переговоров.

Трудно сказать, какое влияние оказало его вмешательство в действительности, но вопрос о Чехословакии был решен именно путем компромисса, а не войны, чем и стала мюнхенская сделка. Характерный нюанс при этом заключался в том, что действия Бориса преследовали цель не только избежать войны, но и помочь западным странам преодолеть внутренние противоречия и сплотиться перед лицом СССР с его "красным Петром Великим"²³.

Летом 1939 г., окончательно убедившись, что войны в Европе не избежать, Борис сосредоточил свои усилия на маневрировании между великими державами, стремясь в контактах с их представителями доказать выгодность для каждой из них нейтра-

литета Болгарии. Внутри же страны антигерманская оппозиция предлагала путем переговоров с Англией и Францией решить национально-территориальные проблемы Болгарии. Коммунисты в свою очередь настаивали на ориентации на СССР.

15 сентября 1939 г. Болгария официально заявила о нейтралитете. Но это лишь усилило нажим на нее со всех сторон. Дипломатия Германии, СССР, Англии, Италии и даже США в 1940 г. "вдруг" проявила горячую заинтересованность в мирном разрешении болгаро-румынского спора о Южной Добрудже. Опережая руководителей других стран, Гитлер сделал Болгарии, казалось, бесплатный подарок: легким нажимом на Румынию он добился передачи ею Болгарии Южной Добруджи. В ответ – вспышка ликования в Болгарии: несправедливости Нейского договора ликвидируются, национальное объединение, к тому же мирными средствами, становится реальностью. Более того, Гитлер соглашается с тем, что Болгария не хочет и не может воевать. Он просит лишь малого: пропустить германские войска через Болгарию в Грецию, где итальянская армия стала терпеть неудачи. Правда, для этого Болгарии придется подписать тройственный пакт Германии–Италии–Японии.

Гитлеровские эмиссары предъявили это требование Болгарии спустя всего три недели после решения о возвращении ей Южной Добруджи. Борис отлично понимал всю ответственность такого шага. Казалось, боязнь нового союза с Германией вошла в его плоть и кровь. Но к тройственному пакту уже присоединились Венгрия, Румыния, Словакия, соответствующие переговоры вела Югославия. Если Белград раньше Софии подпишет пакт, рассуждали болгарские политики, Болгария навсегда потеряет надежду на удовлетворение своих территориальных притязаний и будет вновь окружена со всех сторон враждебными государствами – членами пакта²⁴. С другой стороны, и в правительственных кругах были сомневающиеся в необходимости присоединения Болгарии к пакту. Колебания Бориса подпитывались позицией министра иностранных дел И. Попова и военного министра генерала Даскалова, также боявшихся большевистской опасности (на этом играл и Гитлер, указывая Борису на судьбу прибалтийских государств), но не веривших, что Германия может выиграть войну против за-

падных государств²⁵. Да и сам Борис на второй день после нападения Германии на Польшу говорил, что не очень верит в успех германцев и удивляется, на что они рассчитывают²⁶.

Царь старался оттянуть подписание пакта насколько возможно, понимая, что избежать этого все-таки не удастся: Болгария не могла противостоять германской армии, которой нужна была территория страны как стратегический плацдарм. Оставалось сделать выбор: быть оккупированной Германией или быть в союзе с нею. 20 января 1941 г. совет министров принял решение о вступлении Болгарии в тройственный пакт. Отправляя правительственную делегацию подписать соответствующий документ, царь, по словам его секретаря, имел очень расстроенный вид. Глубоко вздыхая, он несколько раз присизнес: каков финал! ²⁷ Вновь, как не однажды прежде, Бориса посещали мысли об отречении.

Документ о присоединении к пакту был подписан на условиях, что болгарская армия не примет непосредственного участия в военных действиях и что страны оси поддержат стремление Болгарии получить территории с выходом в Эгейское море²⁸. 1 марта 1941 г. началось вступление германских войск в Болгарию. А вскоре немецкие танки помчались по болгарским дорогам в сторону Югославии: там через два дня после подписания этой страной того же пакта произошел переворот, за чем последовал отказ от ратификации документа. В день переворота 27 марта Риббентроп в присутствии болгарского посла произнес: поведение Югославии разрешило вопрос о Македонии²⁹.

После недолгих боев немецкие войска оккупировали Югославию. А уже 19 апреля трем болгарским дивизиям было разрешено вступить в югославскую часть Македонии для замены здесь гитлеровцев. Дальше — больше. Вслед за капитуляцией греческой армии под временное административное управление Болгарии были переданы также земли греческой Фракии. Высвобожденные в результате немецкие войска перебрасывались на другие фронты. Соглашение таким образом соблюдалось: болгарские солдаты за пределами собственной страны не воюют, они несут на новой территории административную службу, (правда, нередко ведут себя как оккупанты). Впрочем, официально статус болгарской админи-

страдии был временным: окончательно судьба Македонии могла быть решена только мирной конференцией по окончании войны.

Но внешне достигнутый результат был огромен. "Хитрая лиса" Борис, как называли его в политических кругах Европы, мастерски, бескровно сумел приблизить Болгарию к давно взлелеянной мечте. В стране его даже стали называть царем-объединителем.

Однако очевидцы свидетельствовали, что проявления бурного ликования уже тогда отзывались в душе царя смутной тревогой³⁰. Борис не избавился от колебаний, он боялся превратностей мировой войны. Чем теснее становились связи с Германией, тем больше был его страх перед повторением пути, уже однажды пройденного Фердинандом. Необходимость объявить в декабре 1941 г. войну Англии и США — символическую, как ее понимали в Болгарии, вообще повергла Бориса в транс. После разгрома немецких войск под Москвой, в январе 1942 г. царь, по словам Лулчева, говорил об отречении от престола, в марте того же года — о том, что его искушает мысль о самоубийстве³¹. Внутренняя борьба истощала силы.

1943 год — переломный в ходе мировой войны, стал для Бориса роковым. В августе Гитлер вызвал болгарского царя к себе и потребовал, наконец, главной жертвы — отправки болгарских солдат на восточный фронт. Итак, для Бориса все рушилось. Отступить было некуда: долго отказываться выполнять гитлеровское требование невозможно, в любой момент немецкие войска, расположенные в Болгарии, могли быть приведены в действие, а это означало бы войну внутри страны. Значит, все-таки опять война, опять кровь. Но уже и сомнений не было, что Германия проиграет в мировом конфликте. Тогда во имя чего такая жертва? Так вполне отчетливо определился лично для Бориса тупик, ибо не существовало и надежды совершить поворот, перейти в другой лагерь: предварительные зондажи в связи с возможным изменением курса, а такие планы обсуждались болгарскими политиками с начала 1943 г., показали, что США и особенно Англия не собирались вести переговоры с Болгарией на ее условиях, т.е. на условиях сохранения за нею территориальных приобретений в границах 1941 г.

Августовская встреча 1943 г. с Гитлером, когда царь все-таки отказался удовлетворить требование фюрера, стала для Бориса началом конца. По возвращении в Софию, 28 августа Борис III скончался. Смерть произошла спустя ровно две недели после драматического разговора в ставке Гитлера. О причинах ее существует множество версий, ни одна не считается окончательной. Наиболее часто встречающаяся – инфаркт миокарда. Другая – самоубийство, в том числе "пассивные" действия, направленные к тому, чтобы вызвать смерть: при жалобах на плохое самочувствие и после перенесенного стресса, Борис изнурял себя ночной работой, не вызывавшейся необходимостью; в том же ряду – очередное трудное восхождение на горную вершину "Мусала" (около 3 тыс. м). Царь был раздраженным, подозрительным. Как пишет Ст. Груев, "нельзя исключить вероятность того, что чрезвычайно сильное напряжение и отчаяние сломили желание Бориса жить, привели к пассивному самоубийству: когда смерть становится желанной, как единственный выход из трагической безысходности"³².

Наконец, существует версия об отравлении. Она имеет несколько ответвлений: подозрения адресовывались, с одной стороны, гитлеровцам, с другой – итальянцам (между Болгарией и Италией были споры по албанскому вопросу), но кроме того, – Москве, болгарским коммунистам, англичанам. К окончательному выводу придти не было возможности, так как царица не дала разрешения на вскрытие тела.

Как бы то ни было, пожалуй, действительно смерть 49-летнего Бориса явилась для него избавлением от тяжкого креста. Вступив на престол в год национальной катастрофы Болгарии, он спустя полтора десятилетия стал вновь и не без оснований опасаться ее призрака, а с началом второй мировой войны она приобрела для него все более явственные очертания. История как бы сделала круг, сменив только действующие лица на посту главы государства. И вырваться из этого круга у Бориса не было ни сил, ни возможности. Недаром английский посол в Софии Дж. Рендель, характеризуя Бориса, отмечал: он производил впечатление человека, преследуемого своим прошлым³³.

1 февраля 1945 г. князь Кирилл, как и два других регента при малолетнем царе Симеоне (родился в 1937 г.) были казнены по приговору народного суда. После ликвидации монархии и провозглашения Болгарии республикой в 1946 г. царской семье — царице, ее сыну и дочери — было предложено в 48 часов покинуть страну. С ними уехала и княгиня Евдокия (сестра Бориса), в течение нескольких месяцев до этого державшаяся под домашним арестом (умерла в октябре 1985 г.). Бывший царь Фердинанд, переживший обоих своих сыновей, умер в Кобурге в 1948 г. Княгиня Надежда, вышедшая в свое время замуж за герцога Вюртембергского, скончалась в родовом поместье в 1958 г. Симеон в настоящее время живет в Испании, преуспевающий бизнесмен.

10 февраля 1947 г. Болгария получила новый мирный договор, которым ее границы определялись по состоянию на 1 января 1941 г. Из всех территориальных приобретений периода второй мировой войны за Болгарией были признаны права только на Южную Добруджу.

Примечания

¹ *Груев С.* Корона от тръни. Царуването на Борис III. 1918–1943. София. 1991. С. 86; *Маковски Б.* Царственият воин. Бойната дейност на нашия цар. София. 1943. С. 77.

² *Груев С.* Указ. соч. С. 39.

³ Там же. С. 41.

⁴ *Йовков И.* Хроника на едно царуване. Първа част. София. 1989. С. 27–28.

⁵ *Камчийски Н.* Впечатления и отзиви за цар Борис III. София. 1936. С. 4.

⁶ *Илиев Н.* Борис III, царь на българите. София. 1940. С. 16.

⁷ *Н.В.* Борис III, цар на българите. Животописание и бойна дейност. София. 1926. С. 57–58.

⁸ *Камчийски Н.* Указ. соч. С. 12; *Янакиев Н.Д.* Царь Борис III. София. 1941. С. 29–31.

- 9 *Йовков И.* Указ. соч. С. 36.
- 10 *Н.В. Борис III ...* С. 134.
- 11 *Василев В.* Правителството на БЗНС, ВМРО и българо-югославските отношения. София. 1991. С. 16–18.
- 12 Там же. С. 37.
- 13 *Гришина Р.П.* Опыт исторического сопоставления режимов фашистского типа ранней стадии развития фашизма (на примере Болгарии, Венгрии, Испании и Италии начала – середины 20-х гг.). – *Etudes Balkaniques, Sofia.* 1975. № 1. С. 19.
- 14 *Керемидчиев П., Миланов А. Н.В.* Борис III, цар на българите през погледа на чужденците. 1918–1943. София. 1943. С. 97.
- 15 *Стойков Х., Иванов Г., Хадживанов П.* Офицерските конспирации в България. София. 1963 (рукопись). – Военно-исторически архив, ф. 3, оп. 1, д. 29. С. 53.
- 16 ЦДИА. Ф. 176. Оп. 5. А.е. 417. Лл. 162–163.
- 17 Цит. по: *Йовков И.* Указ. соч. С. 300.
- 18 Там же. С. 13
- 19 *Сирков Д.* Външната политика на България. 1938–1941. София. 1979. С. 19.
- 20 *Вознесенский В.Д.* Кобурги в Болгарии // Новая и новейшая история. 1992. № 3. С. 126–127.
- 21 *Камчийски Н.* Указ. соч. С. 166; Доклад на действителния член на Академията и секретар на природо-математическия клон д-р Иван Буреш за провъзгласяване на Н.В. цар Борис III за почетен член на БАН. София. 1942. С. 26–32.
- 22 Цит. по: *Груев С.* Указ. соч. С. 314.
- 23 *Сирков Д.* Указ. соч. С.
- 24 *Груев С.* Указ. соч. С. 342.
- 25 Там же. С. 343.
- 26 *Сирков Д.* Указ. соч. С. 171.
- 27 *Груев С.* Указ. соч. С. 357.
- 28 *Сирков Д.* Указ. соч. С. 327.
- 29 *Тошкова В.* България и Третият райх. София. 1975. С. 49.
- 30 *Груев С.* Указ. соч. С. 365.
- 31 Там же. С. 380.
- 32 Там же. С. 448.
- 33 Там же. С. 301.

ВЕНГРИЯ

А.С. Стыкалин

АДМИРАЛ МИКЛОШ ХОРТИ. 1868—1957

Победа стран Антанты в первой мировой войне, революции 1917—1919 гг. в России, Германии и Австро-Венгрии коренным образом изменили карту Центральной Европы. На руинах Габсбургской монархии образуется независимая Чехословакия. В новых границах утверждается Румыния. В результате объединения самостоятельных Сербии и Черногории с территориями, входившими в состав Австро-Венгрии, создается многонациональное Королевство сербов, хорватов и словенцев (КСХС). После почти полутора столетий небытия возрождается независимое польское государство.

Для венгерской нации последствия глобальных потрясений были не менее ощутимыми. Революция октября 1918 года, свергнув власть Габсбургов, не смогла направить развитие Венгрии в русло буржуазной конституционности. Не выдержав напора левых сил, требовавших немедленного осуществления социалистических преобразований, глава первой венгерской республики граф М. Каройи в сложной внутривнутриполитической и международной обстановке марта 1919 г. передал свою власть партиям пролетариата, попытавшимся по примеру русской революции установить правление в форме Советов¹. Продолжавшийся 133 дня социалистический эксперимент сопровождался, как и в России, левацкими эксцессами, красным террором и вызвал очень неоднозначную реакцию в обществе. Отпугнув со временем многих людей, вначале поддерживавших новую власть, и лишившись, таким образом, прежней социальной базы, Венгерская Советская Республика 1 августа уступила место более умеренному так называемому "профсоюзному" правительству. Но и это правительство не могло удовлетворить напуганное большевистским экспериментом высшее

общество Венгрии (земельную аристократию, крупную финансовую буржуазию, верхушку армии, государственного аппарата, церкви), да и значительную часть среднего слоя, а также крестьянства. Соответственно оно не нашло поддержки и стран-победительниц — держав Антанты, заинтересованных в стабилизации внутривойсковой обстановки в Венгрии. Это правительство пало в считанные дни², а последующее развитие событий привело к установлению режима, на четверть века отодвинувшего перспективу антифеодальной аграрной реформы, коренной модернизации и демократизации политической системы*.

История межвоенной Венгрии полна немалых парадоксов и противоречий. Считаясь согласно действующему законодательству королевством**, эта страна была монархией без монарха. Попытки низвергнутых Габсбургов вновь овладеть венгерским тронem, тем самым хотя бы отчасти компенсируя свои утраты, понесенные в результате распада огромной империи, не отвечали интересам соседних молодых государств, резонно связывавших с воцарением в Венгрии прежних властителей угрозу реваншистских устремлений с их стороны. Реставрация некогда могущественной династии на венгерском престоле не устраивала и держав-победительниц, привыкших видеть в Габсбургах на-

*Было бы в то же время ошибкой полностью перечеркивать опыт Венгерской Советской Республики в налаживании сферы социального обеспечения, демократизации доступа к духовным ценностям, отчасти и в организации промышленности. Из истории не уберешь и тот факт, что весьма значительная часть венгерской интеллигенции искренне поддержала приход Советов к власти и начавшиеся коренные преобразования³. Сделанное в свое время в пылу полемики утверждение премьер-министра сегодняшней Венгрии (и кстати, профессионального историка) И. Анталла о том, что "марксизм в Венгрии никогда не принадлежал к кругу привлекательных идей и никогда бы не получил доминирующую роль, если бы его не навязывали силой" /4/, опровергается множеством фактов.

** Конституции в межвоенной Венгрии не было. Но уже 16 февраля 1920 г. Национальное собрание высказалось за королевство как форму государственной власти. Многие государственные учреждения в это время, как и до 1918 г. продолжали называться королевскими, суды выносили свои решения "именем святой короны".

дежных союзников хотя и повергнутой, но всегда опасной для них Германии. Находившийся за границей законный претендент на престол Карл Габсбург в расчете на поддержку своих не столь уж малочисленных венгерских сторонников дважды в течение 1921 г. предпринял попытки захвата власти. При этом во второй раз, в октябре, он решил прибегнуть к помощи военной силы — часть армейских подразделений перешла на сторону бывшего короля, без разрешения властей приземлившегося в Западной Венгрии и предпринявшего рейд на столицу. Попытка мятежа оказалась неудачной — приверженцы Габсбургов, легитимисты не сумели овладеть сложившейся ситуацией. Опасавшиеся большого международного скандала правящие круги Венгрии предпочли дать отпор сторонникам Карла. Потерпев неудачу, бывший монарх бесславно покинул страну⁵. А вскоре Национальное собрание приняло акт, лишивший дом Габсбургов прав на венгерский престол. Немаловажную роль в принятии такого решения сыграл и тот, в чьи обязанности входило временное замещение монарха. Речь идет о регенте Миклоше Хорти. Этот человек некогда служил в Вене флигель-адъютантом императора Франца Иосифа*. Полтора года регентства не прошли однако даром. С познанием вкуса власти стало притупляться чувство верноподданности. Хорти едва ли был искренен, когда за два месяца до второго королевского путча, стремясь удержать Карла Габсбурга от "несвоевременной" попытки возвращения на трон, писал, что "с нетерпением ждет той минуты, когда освободится от этой заботы", т.е. регентства, и просил короля отнестись к его сообщению как к "добросовестным, правдивым словам человека, для которого одинаково дороги король, отечество и личная честь"⁶. В личные планы Хорти едва ли входило уступать свои весьма широкие полномочия ко-

*Соглашение между Австрией и Венгрией, подписанное в 1867 г., разделило монархию Габсбургов на два многонациональных образования — Австрию и Венгерское королевство. И Вена, и Будапешт самостоятельно осуществляли свою внутреннюю политику. В общем ведении находились иностранные дела и армия. Консолидирующую функцию в системе дуализма выполнял институт монархической власти. Австрийский император Франц Иосиф, многие десятилетия управлявший державой, был одновременно венгерским королем Ференцем Йожефом.

му бы то ни было, даже прежним властителям. С изгнанием Карла Габсбурга с венгерской земли в борьбе за королевский трон произошла развязка, Венгрия окончательно вступила в период своей истории, названный по имени правителя хортистским.

Выходец из Восточной Венгрии*, Миклош Хорти происходил из не очень знатного дворянского рода. Его биография в лучшие годы жизни мало чем отличалась от биографий множества офицеров, в молодости присягнувших императорской власти на долгую и верную службу. Человек отнюдь не лишенный способностей, но и не наделенный ими в выдающейся мере, Хорти не сумел сделать блистательной карьеры в годы, когда монархия Габсбургов, хотя и несколько утратила свое бывшее положение одной из великих европейских держав, но все еще занимала огромные территории — от Боснии до Силезии с юга на север, от Тироля до Буковины с запада на восток. В эпоху дуализма М. Хорти был мало известен в политических кругах, до самого конца первой мировой войны он почти не участвовал в политической жизни Венгрии. Флигель-адъютантство заняло лишь пять предвоенных лет — с 1909 по 1914 год. Основные годы службы будущего регента прошли в морском флоте габсбургской державы, впоследствии расколовшейся на несколько по большей части сухопутных государств, но в ту пору располагавшей обширным выходом к Адриатике. К сорока годам, ко времени своего флигель-адъютантства Хорти был всего лишь капитаном 3 ранга. Позже даже участие в морских баталиях первой мировой не принесло ему заветного адмиральского чина. Только в 1918 г., за считанные месяцы до революции, Хорти за проявленную "доблесть" в подавлении матросского мятежа на морской базе в Которе (Каттаро) был удостоен звания контр-адмирала. В то время ему уже шел 51-й год.

С этих пор карьера Хорти резко пошла вверх. Через несколько месяцев он становится вице-адмиралом. К этому моменту под его командованием находились все морские силы монархии. Дуалистическая система однако доживала свои последние

*Родовое имя Хорти Кендереш находится близ современной венгеро-румынской границы.

дни. Осенью 1918 г. адриатическое побережье Далмации перешло к королевству СХС. Под его юрисдикцию попадает и австро-венгерский флот. Республиканское правительство графа М. Каройи не нуждалось в услугах Хорти, занятого в глазах новых властей жестокой расправой над матросами в Которе. Оказавшись не у дел, вице-адмирал уединился в своем родовом имении, чтобы пережить нелегкие времена.

Между тем события в Венгрии разворачивались стремительно, и затворничество Хорти оказалось недолгим. Пока Будапешт находился во власти Советов, в оккупированном французами Сегеде собрались представители венгерской аристократии, искавшие возможности перехватить политическую инициативу, направить ход событий в русло монархического легитимизма. Единомышленники бросили клич опальному вице-адмиралу. Когда при поддержке держав Антанты в Сегеде было сформировано как бы альтернативное венгерское правительство, Хорти достался пост министра обороны. Сразу же после этого вице-адмирал приступил к формированию воинских частей, способных составить опору в борьбе против режима Белы Куна. Поддержка значительной части армии позволила Хорти обособиться от сегедского правительства, подчиненная ему лично ставка военного командования со временем превращается в один из самостоятельных центров власти в охваченной острейшими внутривенгерскими противоборствами стране. С падением в Будапеште Венгерской Советской Республики обострились противоречия между различными группировками, претендовавшими на главную роль в консолидации антибольшевистского лагеря. Хорти обладал реальной вооруженной силой, и это обеспечило ему покровительство со стороны постоянно посещавших Венгрию английских, французских и американских эмиссаров, озабоченных серьезным внутренним конфликтом в этой центральноевропейской стране, стремившихся содействовать его урегулированию, не забывая при этом и о своих собственных интересах в регионе. Судьба побежденной страны во многом зависела от воли победителей и позиция Антанты ускорила взаимный компромисс между наиболее значительными антикоммунистическими группировками. В поисках кандидатуры на место регента выбор пал на Миклоша Хорти. 1 марта 1920 г. он приступил к своим обязанностям в этом качестве.

Добытые в результате долгих лет службы, отнюдь не доставшиеся даром адмиральские эполеты оставались для Хорти предметом гордости и впоследствии — он продолжал их носить и когда стал правителем Венгрии. В новых условиях, однако, водные просторы страны ограничивались озером Балатон. Иронией судьбы вице-адмирал Хорти четверть века управлял государством, у которого не могло быть своего морского флота.

С распадом в 1918 г. двуединой монархии Венгрия наконец полностью обособилась от соседней Австрии. На первый взгляд, казалось бы, сбылись мечты не одного поколения борцов против могущественного венского двора, осуществились идеалы венгерских национальных героев — Ференца Ракоци и Лайоша Кошута, Михая Танчича и Шандора Петёфи. Но триумфального настроения в стране не было и не могло быть. Державы-победительницы, определявшие послевоенные судьбы народов Центральной Европы, не были заинтересованы в существовании сильного венгерского государства, не только потенциального союзника Германии, но и вероятного претендента на гегемонию в Дунайском бассейне. Политику Антанты при формировании Версальской системы отличало стремление ослабить Венгрию за счет усиления позиций ее соседей. Территория нового венгерского государства, определенная условиями Трианонского договора 1920 г., составляла около 30% владений венгерской и хорватской корон в составе габсбургской монархии. На ней в год Трианона проживал всего 41% населения довоенной Венгрии, при этом наряду с землями, где основное ядро населения составляли прежние национальные меньшинства (хорваты, сербы, румыны, словаки, украинцы), к соседним странам отошел и ряд территорий с преобладанием венгерского этноса (в частности в Южной Словакии). Почти каждый третий представитель венгерской нации оказался вне пределов своего национального государства. Неизменно претендовавшая на роль гегемона в своем геополитическом ареале Венгрия после поражения в первой мировой войне была низведена до положения одного из малых государств, отчасти зависимых в своей внешней политике от воли не менее, а подчас и более сильных соседей (и Румыния, и Чехословакия, и Югославия превзошли Венгрию по численности населения).

Дискриминационный по отношению к Венгрии характер Трианонского договора ущемлял национальные чувства миллионов венгров, вызывал недовольство среди всех слоев венгерского общества, равно как и среди мадьяр в соседних странах. Тем самым создавалась питательная почва для усвоения в массах различного рода концепций ревизии Трианона. Лежавшее в основе внешней политики хортизма стремление к пересмотру границ в пользу Венгрии, возврату отобранных земель могло найти и находило поддержку в довольно широких слоях населения*.

Какова же была роль регента в выработке политического курса и как складывались отношения Хорти с элитой венгерского общества? Как уже говорилось, Хорти не отличался особенно знатным происхождением, родословная регента была значительно беднее, чем у многих людей из его окружения, принадлежавших к самым старинным аристократическим фамилиям. К тому же Хорти был протестантом по вероисповеданию — в стране, где католики составляли более 60% населения и католический клир занимал очень видные позиции в политической жизни, это обстоятельство было весьма существенным изъяном для правителя, представлявшего институт монархической власти. Хорти с самого начала пришлось прилагать большие усилия для того, чтобы утвердиться в глазах своих более знатных подчиненных, лишить их оснований для высокомерного — полупренебрежительного или снисходительного — отношения к себе. И надо сказать, он немало преуспел в этом. Восхождение будущего регента в высшее светское общество началось в годы флигель-адъютантства. Именно в это время он познакомился со многими людьми, ставшими впоследствии ведущими политиками межвоенной эпохи — графом И. Бетленом и другими. В 1920-е годы Хорти удалось установить родственные связи с некоторыми аристократическими фамилиями, что также, несомненно, способствовало упрочению регентской власти. К этому можно добавить, что Хорти был весьма об-

*Среди концепций ревизии Трианона были как экстремистские, ориентированные на насильственный путь возврата отторгнутых земель, так и умеренные, предполагавшие проведение референдумов среди жителей этих территорий и последующее решение вопроса о пересмотре границ путем переговоров и арбитражей при соблюдении международных правовых норм. /8/

разован, владел не только немецким, что было естественно для очень многих венгров, но и английским, французским, итальянским языками, мог изъясняться и на сербохорватском.

А каковы были реальные полномочия регента? С самого начала Хорти наделялся правом законодательной инициативы, правительство могло представить в парламент (Национальное, позже Государственное собрание) какой-либо законопроект только получив предварительное согласие регента. И после принятия Национальным собранием любой закон также подлежал утверждению регентом — последний имел право (правда, не более одного раза) возвратить закон для повторного рассмотрения (в случае вторичного представления закона в той же редакции Хорти был все же обязан поставить свою подпись). В случае длительной неспособности Национального собрания (но только лишь в этом случае) регент был в праве его распустить, но был обязан при этом назначить новые выборы с тем, чтобы в трехмесячный срок высший законодательный орган приступил к работе уже в новом составе. Само собой разумеется, без предварительного согласия регента Венгрия не могла объявить войну и заключить мир, принять участие в боевых действиях за пределами своей территории. В то же время и регент мог заключить соглашение с каким-либо иностранным государством не иначе как с согласия Национального собрания⁹. Важно заметить, что законы 1920 года, определившие круг полномочий и прав регента, не оставались в силе на весь межвоенный период, со временем права регента расширялись. В 1926 году, например, он получил право самому назначать 40 членов верхней палаты парламента — тем самым возросло его влияние в области законодательства. Дальнейшее расширение полномочий регента пришлось уже на 30-е годы.

Миклош Хорти был кадровым военным и не считал себя профессионалом в политике (до тех пор, по крайней мере, пока не свыкся с новой ролью регента). Встав в 1919 году во главе преданных ему армейских соединений и вмешавшись вооруженным путем в ход событий, вице-адмирал субъективно лишь стремился навести порядок в раздираемой внутренним конфликтом стране. Но как всегда бывает в таких случаях, его действия преследо-

вали определенные политические цели и как таковые нуждались в идеологическом обосновании. Возникший на руинах Венгерской Советской Республики хортистский режим с крайней неприязнью относился к революциям 1918—1919 гг. Пользовавшаяся официальной поддержкой "христианско-национальная" идеология прямо противопоставляла себя марксизму, понимая последний прежде всего как антинациональную, губительную для венгерского "национального духа" систему идей. "В противовес интернационализму классово-борьбы мы выдвигаем национальную основу, смотрим на нацию как на единое целое. Национальная идея как осознание себя единой семьей... есть великий принцип сплочения, сила, способная оградить нас от разрушительных внешних воздействий, которые отрывают пролетарские слои от проявления таких наиболее естественных для человека чувств, как чувства отечества, родины, нации", — отмечал один из идеологов режима католический епископ О. Прохазка¹⁰. Разгул террора после разгрома Венгерской Советской Республики он пытался объяснить как "естественную реакцию" национального самосознания на веяния, подрывающие единство нации. "Это было проявление жизненных сил нации. Ему нельзя дать ослабнуть... Сила столь же необходима, сколь вера, мораль, право"¹¹. (В скобках заметим, что белый террор 1919 — 1920 годов — отнюдь не пропагандистская выдумка марксистской историографии. Современная "посткоммунистическая" историческая наука Венгрии в лице ее наиболее серьезных представителей, считающих постыдным для себя создавать новые мифы вместо старых, не обходит и роли регента в этих событиях. "До сегодняшнего дня не ясно, какова же была во всем этом роль Хорти. Несомненно однако, что именно он был командующим совершавшими кровопролитие военными формированиями, и как таковой несет ответственность за действия подчиненных"¹², — пишет М. Ормош, автор известных и за пределами Венгрии работ по истории фашизма, а также по истории международных отношений в Европе в межвоенный период¹³. Думается, на ослабление террора не в последнюю очередь повлияла угроза международного бойкота Венгрии — содействуя Хорти в закреплении у власти в 1920 году, представители держав Антанты требовали в то же время соблюдения законности, пресечения внесудебных террористических акций).

Острое неприятие революций 1918–1919 годов определяло негативное отношение Хорти и его окружения не только к революционному пути развития, но и ко всей многовековой традиции национально-освободительной борьбы венгерского народа. Залог благополучия венгерской нации на протяжении последних столетий ее истории виделся ими не в конфронтации с Габсбургами, а в союзе с ними. По мнению идеологов режима, занесенные в Венгрию с конца XVIII века идеи французского Просвещения, а затем и Великой французской революции подорвали "духовное здоровье" нации, вынудили ее свернуть в 1848–1849 годах с легитимистского пути развития на "пагубный" революционный. Соглашение 1867 г., напротив, означало торжество здравого смысла. Но семена противостояния с Габсбургами, заложенные в предшествующие десятилетия, продолжали давать новые всходы. Отношение хортистов к эпохе дуализма не было однозначным. Отмечая некоторую преимущество своего режима от системы дуализма, они в то же время подвергали критике правительства той эпохи за чрезмерный либерализм, попустительство в отношении различного рода радикалистских течений, которые, пользуясь уступчивостью властей, "прибрали к рукам" многочисленные органы прессы, другие культурные институты и начали усиленно распространять "подрывные идеи" социализма и классовой борьбы, бросившие нацию в пучину хаоса 1918–1919 гг. Вся ответственность за Трианон и связанное с ним национальное ущемление возлагалась на марксизм и — шире — революционную традицию, а проводимая на протяжении всей эпохи дуализма недалеко-видная политика мадьяризации национальных меньшинств* оказывалась в ряду второстепенных факторов.

Но при всем своем подчеркнутом антилиберализме хортистский режим, правоавторитарный и явно не демократический, вплоть до захвата власти нилашистами в октябре 1944 г. все же принципиально отличался от фашистских режимов в Италии и тем более в Германии. Сам Хорти, большинство ведущих политиков

*Одним из характерных проявлений мадьяризации было насаждение венгерских школ в районах проживания национальных меньшинств.

из его окружения (в том числе такие виднейшие деятели, как граф И. Бетлен и граф П. Телеки) старались, как правило, отмежеваться от фашизма*. В отличие от фашистской Германии в Венгрии сохранялся реально функционирующий парламент, была слабая, но все же легальная либерально-буржуазная и даже социал-демократическая оппозиция со своим парламентским представительством и прессой,

отсутствовали характерные для фашистских режимов революционная фразеология, монолитная и цельная идеология с ярко выраженной мессианской окраской, харизматический лидер**. Кроме того, хортизм и в 20-е, а в значительной мере даже и в 30-е годы опирался прежде всего на "исторический" правящий слой (земельную аристократию и обуржуазившееся среднепоместное дворянство, джентри) вопреки присущему фашистам стремлению расширить социальную базу своего режима, все больше перенести центр опоры на мелкобуржуазные, деклассированные элементы, образовать новый правящий слой***. Попытки премьер-министра Д. Гёмбёша установить в середине 30-х годов фашистскую диктатуру по германскому образцу нашли поддержку части джентри и мелкой буржуазии города, но встретили сопротивление аристократии, крупной буржуазии и так и не увенчались успехом. И в конце 30-х — начале 40-х годов при всем усилении правых тенденций во внутривластной жизни система, сложившаяся в 20-е годы, не претерпела коренных изменений. Праворадикаль-

*Были, впрочем, и исключения, среди которых — Д. Гёмбёш (премьер-министр в 1932—1936 гг.), Б. Имреди (премьер-министр в 1938—1939 гг.).

**Хорти явно не годился для этой роли, в нем не было ничего мессианского. Он был, пишет М. Ормош, слишком патриархален и старомоден для выполнения функции "вождя нации" в его фашистском понимании /14/.

***Конечно, хортисты также заботились о расширении социальной базы своего режима, но у них не было тех возможностей для экономической манипуляции. Кроме того, их слишком консервативный (особенно в 20-е годы) идеологический инструментарий затруднял постановку целей, внешне притягательных для самых широких масс¹⁵.

ные, фашистские партии (нилашисты и др.), хотя и имели своих представителей в парламенте, покровителей в правительстве, ставленников в номенклатуре, все же находились в положении оппозиционных, либо приобщенных к власти в ограниченной степени. Сохранились письма Хорти от 1940 года, в которых регент просит премьер-министра П. Телеки "слоमितь подстрекательство нилашистов, ибо иначе будет большая беда". "Не вижу другого выхода, — заявлял далее Хорти, — как пригрозить нилашистам, что, если нарушат порядок, партию запретим, а руководителей поставим к стенке"¹⁶.

Но различия между режимами лежали не только в политической сфере, они уходили вглубь, в сознание людей, стоявших у власти. Вскормленным на сливках утонченной венской культуры начала столетия рафинированным венгерским аристократам 20–30-х годов всегда претил вульгарный дух плебейской демагогии Гитлера и Муссолини, их система ценностей носила консервативный, а не праворадикальный характер. Если гитлеровцы отвергали как "вырожденческую" почти всю современную культуру Запада, стремились к созданию принципиально иной, "чисто арийской" культуры на основе расовой идеологии, то венгерская аристократия любой ценой пыталась сохранить, спасти от революционных потрясений устои, унаследованные от Габсбургов. Ностальгия по лёгкомысленной, беззаботной жизни, бальным танцам в венских аристократических салонах, королевским псовым охотам продолжала во многом определять образ мысли венгерского высшего общества и в те годы, когда эпоха вальсов Штрауса безвозвратно канула в прошлое и грандиозные потрясения в Европе смели монархию Габсбургов с политической карты мира.

Вслед за Ницше идеологи Третьего рейха провозглашали культ сильной воли, свободной от моральных преград. Отнюдь не пренебрегая услугами церкви, пытаясь, насколько возможно, подчинить ее своим интересам, гитлеровский режим все же подчеркнуто ставил себя в непримиримую оппозицию всей христианской духовной традиции. Идеологи хортистского режима, напротив, пытались именно на христианском фундаменте возводить свои системы взглядов, неизменно облакали их в христианские одежды. Сама официальная идеология режима (существовавшая в

различных вариантах, отнюдь не монолитная) называлась христианско-национальной. Господствующим направлением официальной художественной культуры становится необарокко, оно широко эксплуатировало христианскую символику. Но влияние традиций католической культуры барокко второй половины XVI—XVIII веков не ограничивалось одним лишь искусством. Заимствованный у той эпохи ритуал и этикет сопровождал многие проявления политической жизни, определял нормы поведения в высшем обществе (крупный историк и мыслитель Д. Секфю еще в 1934 г. с сарказмом писал о рабском подражании своих современников придворным аристократам королевы Марии Терезии — в культуре, в быту, в политических интригах)¹⁷.

Будучи главнокомандующим армией, принимая деятельное участие в формировании законодательства, выработке и проведении внешнеполитического курса, Хорти несколько меньше вмешивался в экономическую политику, передоверяя здесь главную роль премьер-министрам и возглавляемым ими правительствам. Консолидация хортистского режима пришлось на годы, когда во главе кабинета министров стоял граф Иштван Бетлен (1874—1947)*. Этот человек был прямым потомком некогда могущественных трансильванских князей, в XVII веке на протяжении нескольких десятилетий отстаивавших независимость своего государства в борьбе против венского двора. Однако если в XVII веке отношения Бетленов и Габсбургов раздирали непримиримые противоречия; то в начале XX века положение было иным: теперь молодой способный отпрыск родовой бетленовской фамилии мог сделать хорошую политическую карьеру не иначе как при соблюдении должной верноподданности его величеству королю Ференцу Йожефу. Семейная традиция дала знать о себе лишь в начале 1920-х годов. Когда Карл Габсбург попытался силой захватить венгерский престол, Бетлен был в числе тех, кто воспрепятствовал ему в этом.

В начале 1920-х годов в хортистской Венгрии проводится земельная реформа — куцая, явно не решившая насущной проблемы модернизации аграрных отношений и не остановившая процесса обнищания основной массы крестьянства. Все земли, принадлежавшие аристократии, остались у прежних владельцев. Единственное исключение было сделано для опального графа М. Каройи, чьи богатейшие наследственные земельные владения были полностью и безвозмездно конфискованы¹⁸. Все же Бетлену и Хорти обещаниями более кардинальных реформ и установления порядка в стране удалось склонить к поддержке своей политики силы, представлявшие интересы наиболее зажиточного крестьянства. Лидер партии мелких хозяев И. Надьатади Сабо получил министерский пост, а сама эта партия не только перестала быть оппозиционной, но довольно быстро прекратила свое существование, растворившись в бетленовской "партии единства" (восстановление независимой партии мелких хозяев произошло только в 1930 г. в условиях экономического кризиса, еще более обострившего аграрную проблему в стране). Бетленовская партия единства по замыслу своего создателя как бы символизировала консолидацию нации, преодоление ее раскола перед лицом "антинациональных" внешних сил, подготовивших трианонскую катастрофу. В этой партии, по словам одного из мемуаристов, "как в хорошей лавке можно было найти все: и земельного магната, и джентри, и фабриканта, и банкира-еврея, и поборника христианства, и буржуа, и кулака¹⁹". Социал-демократическая партия в 1920-е годы сохранила право на легальное существование и даже парламентское представительство, хотя ее деятельность была поставлена в строгие рамки. Подписав соглашение с правительством, руководство СДП обязалось не призывать пролетариат к политическим забастовкам, не агитировать за республику, поддерживать внешнюю политику режима, отказаться от работы на селе²⁰.

* Что касается регента Хорти, то он стоял вне партий и над партиями, хотя имел теснейшие связи с неоднократно менявшей в течение межвоенного двадцатилетия свое название правительственной партией, которую почти всегда возглавлял очередной премьер-министр.

В лице Бетлена Хорти имел, вероятно, лучшего за долгие годы своего правления советника по внешнеполитическим вопросам. Способность Бетлена идти, там где нужно, на компромисс со своими внутривластными противниками сочеталась в нем с реализмом во внешней политике. Идея ревизии Трианона продолжала оставаться центральной на протяжении 1920-х годов, вместе с тем Хорти и Бетлену хватало здравого смысла не обострять отношения ни с западными державами, победившими в войне, ни с соседними странами. Вопрос об изменении статуса Венгрии в регионе ставился в зависимость от пересмотра всей Версальской системы, образования более устойчивой системы международных отношений в Центральной Европе²¹. Наиболее близким своим союзником Хорти и его окружение в 1920—начале 1930-х гг. считали Италию, с которой в 1927 году был заключен договор. Непримируемость характеризовала их отношение к СССР. "Для человечества нет спокойствия, безопасности и счастья, пока не уничтожим Советы", — такова была позиция регента, изложенная в одном из писем²². Правда, в буржуазных кругах осознавалась выгода экономических отношений с советским государством, тем более что Венгрия находилась во враждебном окружении стран так называемой "Малой Антанты"* и искала различные пути выхода из внешнеполитической и внешнеэкономической изоляции. В 1924 г. была предпринята попытка установить дипломатические отношения с СССР, но парламент отказался ратифицировать уже подписанное соглашение²⁴. Установление дипломатических отношений между двумя странами произошло лишь в 30-е годы, затем связи были прерваны и возобновлены после подписания пакта "Молотов—Риббентроп".

Поскольку институт регентства оправдывал себя с точки зрения интересов правящих кругов Венгрии, положение Хорти во главе государства со временем укреплялось. Кризис 1929—1933 гг.

*В основе этого блока лежал ряд договоров, заключенных между Чехословакией, Румынией и Югославией. Среди причин сближения этих государств было их общее стремление воспрепятствовать возможному реваншистским притязаниям Венгрии /23/.

не только резко усугубил экономическую ситуацию в стране, но оказал немалое воздействие на политическое развитие Венгрии. Осознав свою неспособность вывести страну из кризиса, в 1931 г. уходит в отставку Бетлен, завершается связанный с его именем период консолидации. В политической жизни неуклонно происходит процесс поляризации, правительственная партия все более сталкивается как с левой, так и с правой оппозицией, возникают и оформляются новые политические движения: на левом фланге — воссозданная партия мелких хозяев, несколько позже движение "народных писателей", на правом фланге — партии профашистской ориентации, видевшие для себя образец в гитлеровской Германии. Представлявшая консервативную аристократию и связанную с ней крупную буржуазию правящая верхушка пошла на расширение полномочий регента, увидев в этом институте противовес на случай, если одна из сил, тяготеющих к тому или иному флангу, получит перевес в парламенте, и это повлечет за собой принятие нежелательных решений (перед лицом был пример Германии, где Гитлеру, как известно, удалось прийти к власти через законные парламентские выборы). Закон 1933 года снял почти все существовавшие ранее ограничения на право отсрочки, закрытия и роспуска регентом Государственного собрания²⁵. В 1937 г. регент получил полномочия вторично возвращать Госсобранию любой законопроект без обнародования. Кроме того, Государственное собрание не имело больше права привлекать к ответственности регента в случае нарушения им конституционных законов. Таким образом, реальная власть регента постепенно перешагнула за рамки законов, фиксировавших его права. В конце 1930-х — начале 1940-х годов все более явно обнаруживала себя и тенденция закрепления за семейством Хорти права наследования поста регента. Законодательство хортистской Венгрии с самого начала не устанавливало сроков пребывания регента в своей должности. В 1937 году последний получает право рекомендации преемника, а в 1942 году вводится должность заместителя регента с довольно широкими полномочиями. Им стал сын Миклоша Хорти — 38-летний Иштван. Правда, его пребывание на этом посту оказалось совсем недолгим — в том же 1942 году И. Хорти погиб в авиационной катастрофе на восточном фронте.

Династические планы его отца в результате так и не смогли реализоваться*.

По свидетельству современников, Миклош Хорти отнюдь не был германофилом, отзывался обычно о немцах с некоторой язвительностью. Но в 30-е годы в стремлении преодолеть внешнеполитическую изоляцию Венгрия все более ориентировалась не только на Италию, но и на Германию, как и она сама, глубоко неудовлетворенную установлениями Версальской системы и жаждущую реванша. Мечтая заполучить обратно Трансильванию, другие отторгнутые земли, Хорти и его окружение рассчитывали на понимание всегда могущественной, хотя теперь и ущемленной державы, также стремившейся к пересмотру границ в Европе. Характерно, что первым зарубежным главой правительства, посетившим Гитлера как канцлера Германии, был тогдашний венгерский премьер-министр Д. Гёмбёш. Этот деятель неизменно отличался пронемецкой ориентацией во внешней политике и был одним из немногих в окружении Хорти, кто вообще симпатизировал фашизму, пытался (хотя и безуспешно) реформировать политическую систему хортизма по гитлеровскому образцу²⁸.

Более здравые политики, хотя и учитывали геополитический фактор — близость Германии, все-таки проявляли настороженность в отношении все большего сближения Венгрии с Третьим рейхом. "Находясь в Центральной Европе... мы должны обеспечить дружественное сотрудничество с Германской империей. Однако, дружба... не может означать подчиненности или отказа от независимой венгерской политики", — писал граф И. Бетлен, с середины 30-х годов, несмотря на личную близость к регенту, тяготевший к парламентской оппозиции²⁹. В феврале 1939 г. после отставки более прогерманского кабинета Б. Имреди венгерское правительство возглавил граф Пал Телеки, человек широкого кругозора, не только крупный политик хортистской эпохи, но и ученый-географ с мировым именем, фигура во многом определяв-

* Регент сам сделал признание, что хотел бы на случай своей смерти "обеспечить тихую смену власти без выборной борьбы", ибо последняя, по его мнению, "перевернула бы строй страны"²⁶.

шая геополитическое мышление венгерского правящего слоя в межвоенный период. Оставаясь последовательным сторонником ревизии Трианона и вынашивая идею перекройки границ в пользу Венгрии, Телеки усиленно искал пути сближения с западными демократиями. Рассчитывая на поддержку этих стран, он учитывал то обстоятельство, что Германия не была заинтересована в румыно-венгерском конфликте, так как хотела видеть обе эти страны своими сателлитами³⁰.

Когда Гитлер начал польскую кампанию, Венгрия к неудовольствию Германии, заняла позицию нейтралитета³¹. Все-таки Третий рейх пошел на уступки Венгрии в ее территориальных претензиях. В соответствии с так называемыми "венскими арбитражами" 1939 и 1940 годов и в результате захватов венгерская сторона получила обширные земли – большую часть Трансильвании, часть Словакии, Закарпатье, Воеводину³². Кинохроника того времени запечатлела редкие кадры: регент Хорти на белом коне едет по главному городу Трансильвании Коложвару (Клужу), его встречают рукоплескания многих тысяч венгров. Присоединение ранее утраченных территорий было воспринято большинством населения Венгрии прежде всего как восстановление исторической справедливости. Основания для этого были – Версальская система была отнюдь не безупречна, проблема пересмотра границ в Центральной Европе, формирования более совершенной системы международных отношений стояла со всей остротой уже 20 лет, требовала своего разрешения тем или иным путем. Однако надо иметь в виду и другое. Крайне правые силы использовали воссоединение ряда земель венгерской короны для раздувания шовинистического угара, антифашистский настрой в стране понижался, с другой стороны, слышнее становился голос тех, кто толкал Венгрию ко все большему сближению с Германией. Обеспокоенный растущим влиянием прогермански настроенного генералитета на государственный аппарат, граф Телеки писал в сентябре 1940 г.: "В Венгрии сегодня налицо два правительства... Одно – законное, второе – военное, которое охватывает все отрасли и оказывает воздействие на все, даже там, где это не в силах охватить или проконтролировать само правительство"³³. Два десятилетия своей жизни Телеки посвятил борьбе за расширение рубежей Венгрии. Каза-

лось бы, теперь его мечты нашли свое воплощение. Но опытный политик, он не мог не понимать, что в условиях начавшейся войны цена "подарка" со стороны Германии может оказаться слишком высокой. В апреле 1941 г. Гитлер потребовал от будапештских властей пропустить немецкие войска через венгерскую территорию для последующего похода на Югославию, с которой у Венгрии незадолго до этого был заключен договор о дружбе. Получив фашистский ультиматум, премьер-министр, вероятно, увидел ту пропасть, в которую неудержимо влекло его страну. 3 апреля, оставив предсмертное письмо, Теллеки застрелился в своей резиденции. А еще через несколько часов грохот сапог и канонада артиллерийских орудий возвестили не только о начавшемся наступлении гитлеровской армии, но фактически о вступлении Венгрии в войну.

Несмотря на геройские усилия отдельных групп, в Венгрии так и не удалось создать мощного антивоенного лагеря³⁴. Фактор трианонской катастрофы продолжал в значительной мере определять настроения в венгерском обществе. Многие венгры связывали с победой Германии надежды на дальнейшее расширение рубежей своего государства, присоединение к нему и ряда других земель венгерской короны — Южной Трансильвании, Баната, Северной Словакии. Перелом в общественном сознании стал намечаться только в 1943 г. после серьезных неудач Германии и ее сателлитов на восточном фронте — венгерская армия в это время понесла большие потери под Воронежем. На заключительном этапе войны различные политические силы (не только оппозиционные, но и прохортистские, находившиеся в непосредственной близости к регенту) усиленно искали пути разрыва с Германией, установления контактов с западными демократиями³⁵.

Гитлер в своих планах не отводил сколько-нибудь самостоятельной роли Венгрии, венгры были нужны ему как поставщики некоторых видов продукции (в первую очередь, сельскохозяйственной³⁶) и, конечно же, как пушечное мясо на советском фронте. Когда в марте 1944 г. Германия в страхе потерять своего сателлита приняла решение об оккупации Венгрии, перед Хорти стояла лишь одна дилемма: либо дать согласие на оккупацию, либо гитлеровцы оккупируют Венгрию не спрашивая регентского соизволения. Во втором случае с большой долей вероятности

можно было предположить, что оккупационные власти предпочли бы регенту Хорти более покладистого "вождя венгерской нации", не вынашивающего тайных планов разрыва с Германией.

Размещение на венгерской территории одного из крупных контингентов гитлеровской армии затрудняло складывание национального сопротивления снизу и, кроме того, лишало шансов на успех любую попытку хортистов через установление контактов с антигитлеровской коалицией вовремя выскочить из разогнавшейся по наклонной плоскости колесницы германского милитаризма. Между тем, в конце сентября 1944 г. Красная Армия, преследуя германские войска, вступила на венгерскую территорию. Желая приостановить наступление, Хорти в начале октября направил в Москву своих уполномоченных (попытка регента за несколько дней до этого заключить сепаратный мир с западными державами и добиться скорейшего прихода в южную часть Венгрии англо-американских войск не имела успеха). Однако и после этого Хорти

продолжал выжидать, не торопясь с выполнением важнейшего из предварительных условий, поставленных советской стороной — объявлением войны Германии. Так и не решившись на этот шаг, Хорти был вынужден уйти в отставку, передав власть ставленнику Германии, главарю нилашистов Ф. Салаши³⁷, предпринявшему путч 15 октября. Под властью нилашистов Венгрия оставалась сателлитом Третьего рейха даже тогда, когда все прочие его европейские союзники, включая Италию и Румынию, один за другим перешли в противоположный лагерь. Нилашисты развязали беспрецедентный террор. Но их правление в Будапеште продлилось менее 4 месяцев, до февраля 1945 г. Зимой 1944 — 1945 гг. венгерская территория превратилась в арену ожесточенных боевых действий между СССР и Германией. Бои продолжались здесь с сентября 1944 г. до 4 апреля 1945 г., когда последний фашистский солдат был изгнан с венгерской земли.

После отставки Хорти получил возможность выезда в Германию, поселился в Баварии, после захвата которой союзническими войсками попал в американский плен. После войны Салаши, ряд других лидеров венгерских фашистских группировок были осуждены как военные преступники. В это время звучали го-

лоса и о привлечении к ответственности Хорти в Югославия, в частности, требовала осуждения регента за геноцид против мирного южнославянского населения в оккупированном венгерскими войсками г. Нови-Саде в 1942 г. (Вообще надо сказать, что вопреки своим обещаниям хортисты не только не предоставили никакой автономии национальным меньшинствам на землях, возвращенных в 1938—1941 гг., но еще более усилили, в сравнении с эпохой дуализма, политику угнетения национальных меньшинств). Хорти удалось после войны избежать привлечения к судебной ответственности, хотя террор в Нови-Саде, как и некоторые другие акции военного времени легли пятном позора на всю его политическую биографию. В 1946 г. регент выступал в качестве свидетеля на Нюрнбергском процессе, затем поселился в Португалии, где провел остаток дней и скончался в 1957 г. на 89-м году жизни. В Португалии им были написаны мемуары, вышедшие на многих иностранных языках³⁸. Несмотря на субъективность, стремление всячески обелить себя, мемуары Хорти представляют собой ценный источник по новейшей истории Венгрии.

Подводя итоги, важно сказать: четвертьвековая хортистская эпоха венгерской истории завершилась бесславной концовкой. Война нанесла Венгрии колоссальный урон. Более 800 000 человек стало жертвами бомбардировок, боевых действий, террористических акций нацистов³⁹. Экономические потери составили 22 млрд пенге, что в 5 раз превышало национальный доход за предвоенный 1938 год.⁴⁰ 40% национального богатства оказалось утраченным. В 1945 г. уровень промышленного производства составлял всего 20—25% довоенного. Весной 1945 г. Венгрия находилась в состоянии глубочайшего экономического, политического и морально-психологического кризиса. Первый же документ антифашистской правительственной коалиции, Программа экономического восстановления и подъема Венгрии, оценивая положение страны, проводил исторические параллели с 1526 годом, когда после сокрушительного поражения от турок под Мохачем Венгрия оказалась в кризисе, последствия которого сказывались не одно столетие⁴¹. На повестке дня в 1945 г. стояли задачи не только экономического восстановления, но и дефашизации общества, демократизации политической системы. Осуществлению этих задач препятствовало то обстоятельство, что антифашист-

ская революция не была подготовлена внутренним развитием венгерского общества, явилась следствием действий внешней и отнюдь не демократической силы -- СССР. Как и другие страны Восточной Европы, Венгрия находилась под оккупацией советских войск, должна была исходить из этой реальности, вырабатывая свой внешнеполитический курс. В то же время роль Венгрии в войне не давала ей оснований рассчитывать на благосклонное к себе отношение со стороны западных держав при решении вопроса о ее статусе в послевоенной Европе. Парижский мирный договор 1947 г. в целом подтвердил границы венгерского государства, установленные Трианоном.

Во второй половине 1940-х годов Венгрия вступила в новый период своей истории, который оказался отнюдь не менее драматичным.

Примечания

¹ О предпосылках установления Венгерской Советской Респ. см.: *Пушкаш А.И.* Внешняя политика Венгрии. Ноябрь 1918 – апрель 1927 г. М., 1981, гл. 1, 2, 5.

² См.: *Ormos M.* Padovától Trianonig 1918 – 1920. Вр. 1983.

³ Этот факт признается и в эмигрантской литературе, лишь в последние годы изданной в Венгрии. См.: *Aczél T., Méray I.* A tisztító vihar. Szeged, 1990.

⁴ Цит. по: *Лукьянов Ф.* Венгрия вырывается из сталинского социализма // Союз, 1990, № 46.

⁵ См.: *Пушкаш А.И.* Внешняя политика Венгрии, гл. 3 6.

⁶ Цит. по: там же, с. 269.

⁷ Личности Хорти посвящена обширная литература в Венгрии. См.: *Pölöskei F.* Horthy és hatalmi rendszere (1919 – 1922). Вр., 1977; *Vas Z.* Horthy. Вр., 1989; *Gosztonyi P.* A kormányzó, Horthy Miklós. Вр., 1990.

⁸ О Трианонском договоре и его последствиях см.: *Galántai J.* Trianon és kisebbségvédelem. Вр., 1989; *Raffay E.* Trianon titkai avagy hogyan bántak el országunkkal. Вр., 1989.

⁹ Подробнее см.: *Чизмадиа А., Ковач К., Асталаш Л.* История венгерского государства и права. М., 1986, гл. 13.

- 10 *Prohaszka O. Összegyűjtött munkái.* 3p., 1928–29, XI köt., 287 old.
- 11 *Ibid.*, XXII köt., 217 old.; XXV köt., 256 old.
- 12 *Ormos M. Ismerjük-e Horthy Miklóst?* // *Kritika*, 1991, 2 sz., 37 old.
- 13 См. рецензию *Б.И. Желицки* на книгу М. Ормош "От Падуи до Трианона" (Вопросы истории, 1992, № 2–3).
- 14 *Ormos M. Ismerjük-e Horthy Miklóst?*
- 15 См. ряд статей о хортистском режиме в книге: Кризис политической системы капитализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (межвоенный период). М., 1982.
- 16 Цит. по: *Пушкаш А.И.* Венгрия в годы второй мировой войны. М., 1966, с. 124.
- 17 *Szekfü Gy. Három nemzedék és ami utána következik.* Вр., 1934.
- 18 О результатах аграрной реформы 1920-х годов см.: *Gunst P. A paraszti társadalom Magyarországon a két világháború között.* Вр., 1987.
- 19 *Дарваш И.* Город на трясине. М., 1977.
- 20 См.: *Sipos P. Legális és illegális munkásmozgalom (1919–1944).* Вр., 1988.
- 21 См.: *Romsics I. Ellenforradalom és konszolidáció. A Horthy-rendszer első tíz éve.* Вр., 1982.
- 22 Цит. по: История Венгрии. Т. 3, М., 1972, с. 292.
- 23 См.: *Adám M. A kisantant (1920–1938).* Вр., 1981.
- 24 См.: *Пушкаш А.И.* Внешняя политика Венгрии, гл. 3, 8.
- 25 Подробнее см.: *Чизмадя и др.* История венгерского государства и права, гл. 13.
- 26 Цит. по: *Пушкаш А.И.* Венгрия в годы второй мировой войны, с. 58.
- 27 *Ormos M. Ismerjük-e Horthy Miklóst?*
- 28 См.: *Pritz P. Magyarország külpolitikája Gömbös Gyula miniszterelnöksége idején 1932–1936.* Вр., 1982.
- 29 Цит. по: *Желицки Б.И.* Втягивание Венгрии в орбиту германской политики и позиции венгерских политических сил (1939–

1940) // Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в начале второй мировой войны (сентябрь 1939 – август 1940). М., 1990, с. 78.

30 О месте Венгрии в системе международных отношений и о соотношении сил в Центральной Европе в первый год войны см. ту же статью.

31 См.: *Пушкаш А. И.* О трактовке понятия "нейтралитет" венгерскими правящими кругами // Там же.

32 Подробнее см.: *Покивайлова Т. А.* К истории Второго Венского арбитража // Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в период фашистской агрессии на Балканах и подготовки нападения на СССР (сентябрь 1940 – июнь 1941). М., 1992.

33 Цит. по: *Желицки Б. Й.* Втягивание Венгрии в орбиту германской политики, с. 89.

34 См.: *Каллаи Д.* Движение за независимость Венгрии. 1936–1945. М., 1968.

35 *Juhász Gy.* Uralkodó eszmék Magyarországon 1939–1944. Вр., 1983.

36 См. *Пушкаш А. И.* Венгрия в годы второй мировой войны, с. 445–455.

37 Там же. Хорти был подвергнут шантажу со стороны гитлеровцев. Не последнюю роль в отставке регента сыграло похищение его младшего сына молодчиками Скорцени.

38 *Horthy M.* Emlékirataim. Вр., 1990.

39 *Magyarország 1944-ben.* Вр., 1984, 38 old.

40 История Венгрии, т. 3, с. 503.

41 См.: Освобождение Венгрии. 1944 – 1945. Будапешт, 1975 с. 58.

ГРЕЦИЯ

К.Н. Семёнов

ЭЛЕФТЕРИОС ВЕНИЗЕЛОС

1864—1936

Одной из определяющих черт выдающихся деятелей является сила восторга и ненависти, испытываемых к ним широкими массами. В истории возрожденного в XIX веке нового греческого государства нет человека, политика, который бы приобрел столь широкую известность и пользовался таким авторитетом, как Венизелос. Европа его знала как блестящего дипломата и яркого государственного деятеля-реформатора. Почти в течение четверти века Венизелос и его имя определяли внутривнутриполитическое развитие Греции и ее внешнеполитическую доктрину. Родина почитала его как Бога и предавала анафеме как дьявола. Часть греческой нации видела в нем величайшего со времен античности человека, рожденного Элладой, гения, возводимого на пьедестал национального символа. Другая часть считала его беспринципным политиком, тираном, путем интриг и демагогии, приобретшего власть над страной, предателя нации, разрушителя устоев государства. Четверть века раскол среди греков на венизеллистов и антивенизеллистов определял политическую жизнь страны.

Венизелос начал свою карьеру с борьбы против бюрократизированной олигархической власти и двора и закончил борьбой с законно избранным правительством. В семидесятилетнем возрасте, находясь в изгнании, он был приговорен к смерти. Когда же ему была предоставлена амнистия, и он был готов вернуться на родину, он умер. Спустя год после вынесения смертного приговора Венизелосу, ему были устроены впечатляющие похороны, достойные великого государственного деятеля.

В конце XIX в. Греческое королевство занимало лишь южную оконечность Балканского полуострова (Пелопоннес, Аттику и

Фессалию). Наиболее значимой идеей, оказывавшей влияние на формирование менталитета греков, была ирредентистская "мегали идэа" — объединение всех земель, населенных греками, и создание, таким образом, "Великой Греции". Поскольку эти территории находились под властью Османской империи, для внешней политики Греции приоритетной стала антитурецкая направленность.

Элефтериос Венизелос родился 11 августа 1864 г. на острове Крит недалеко от города Канза в семье преуспевающего купца Кирьякоса Венизелоса. В молодости Кирьякос Венизелос принял участие в борьбе за независимость греческих земель от Османской империи. Один из его братьев стал известен тем, что поддерживал связь между критскими повстанцами и лидерами движения за независимость в континентальной Греции, а трое других сложили головы в этой борьбе. Осужденный и проведенный вне Крита 19 лет, Кирьякос вернулся в Канза. Через два года родился его четвертый ребенок — Элефтериос (трое его детей умерли в раннем возрасте). При крещении мальчика в небольшой церкви Св. Элефтериоса священник дал ему имя этого святого, в переводе с греческого означавшее "освободитель", добавив: "один из тех, кто освободит Крит"¹.

После окончания школы Элефтериос проявил желание изучать право. Отец противился поступлению сына в университет, опасаясь его включения в политическую борьбу. Обративший внимание на Элефтериоса греческий консул М.Г. Зигомалас убедил старшего Венизелоса уступить. В 1887 г. Э. Венизелос стал доктором права и, вернувшись в Канза, работал адвокатом. Через три года молодой адвокат женится на Марии Кателузу. Он был по-настоящему счастлив, судьба же часто отнимает у человека самое дорогое. В 1884 г. во время вторых родов умирает любимая женщина, и всю свою любовь и заботу Венизелос с тех пор дарит двум сыновьям².

Опасения отца оправдались — в Афинах Венизелос-младший, будучи по происхождению "невоссоединенным" греком (греческое население, остававшееся вне пределов суверенной Греции), был захвачен идеями объединения греческой нации и возрождения византийского величия Греции. Национально-освободительные тра-

диции семьи широко распространенные в греческом обществе антиосманские ирредентистские настроения, стремление греческого населения Эпира, Фессалии, Македонии, Фракии, Крита, Эгейских островов, архипелага Додеканез и западной части Малой Азии к объединению с национально-государственным центром — суверенным Греческим королевством определяли геополитические воззрения и идеалы молодого Венизелоса. После присоединения Фессалии в 1880—1890-е гг. на первый план для нации выдвинулась проблема объединения с метрополией Крита. В 1889 г. Венизелос стал депутатом Критского Собрания от Либеральной партии, возглавив ее умеренное крыло. В 1895—1897 гг. на Крите активизировалось национально-освободительное движение, переросшее в восстание. Венизелос становится одним из лидеров движения. Королевская Греция попыталась вмешаться и высадил десант на острове для поддержки повстанцев. Однако в целях сохранения статус-кво в регионе вокруг острова были сконцентрированы международные (в основном английские) военно-морские силы, присутствие и участие которых в событиях привело к подавлению восстания. Тридцать лет спустя на вопрос британской журналистки, когда он изучал английский язык, премьер-министр Греции Венизелос ответил: "Мадам, я изучал английский, когда Ваш флот обстреливал меня в Акротири"³.

Подавление восстания привело к резне турками греческого населения и сожжению греческих кварталов в городах. Началась греко-турецкая война 1897 г. Поражение греков привело к расколу в рядах критского движения на два лагеря — "юнионистов" во главе с Венизелосом и "автономистов". Так Венизелос вошел в острый конфликт с частью критских парламентариев, отстаивавших идею автономии острова в рамках Османской империи, в то время как он твердо выступал за объединение Крита с Грецией. В результате греки-критяне объявили его предателем национальных интересов. Один из депутатов едва не зарезал его в зале заседаний парламента, а его дом был разрушен до основания. Венизелос, ставший во время восстания председателем Критского собрания, вынужден был оставить этот пост.

Греко-турецкая война вызвала необходимость вмешательства в конфликт великих держав, которые не были заинтересованы в изменении статуса-кво на Балканах. Над островом был установлен международный контроль, а в декабре 1898 г. принц Георг (младший сын короля Георга I и королевы Ольги, дочери русского царя Александра II) прибыл на Крит в качестве уполномоченного великими державами Верховного комиссара. Венизелос вошел в правительство при Верховном комиссаре как советник юстиции.

Приверженность Венизелоса либеральным взглядам и стремление создать строго конституционную систему управления наталкивались на убеждения молодого и довольно ограниченного принца, воспитанного, как считает известный греческий историк Д. Аластос, благодаря матери – Ольги Романовой в монархических традициях деспотизма⁴. В конце концов Венизелос был вынужден подать в отставку. Но на острове сложилась провенизеллистская оппозиция принцу – Верховному комиссару, выступавшая за проведение реформ, усиление роли местного парламента, за объединение Крита с Грецией, но против авторитарной власти Верховного комиссара. Венизелос писал в это время: "У нас нет ответственного правительства, нет свободной прессы: Есть одно – воля принца"⁵. Политика Верховного комиссара не оправдывала ожиданий местных юнионистских провенизеллистских кругов, хотевших видеть в его прибытии на остров прелюдию к объединению с Грецией.

Весной 1905 г. венизеллисты, вынужденные взяться за оружие, возобновили повстанческую деятельность. Дестабилизация ситуации на Балканах не входила в планы великих держав. Англия, традиционно имевшая сильное влияние в Греции, и Россия, покровительствовавшая балканским славянам, в это время были заняты разделом сфер влияния в Азии (а Россия еще и войной с Японией), что исключало возможность их активной конфронтации с Турцией. Более того, такая конфронтация могла обострить растущие противоречия между складывавшимся союзом Англии, Франции и России и Германией. Поэтому летом 1905 г. англо-русские войска разгромили повстанцев, а через несколько месяцев сопротивление прекратилось окончательно. Презирае-

мый большинством населения принц Георг, находясь в изоляции, был вынужден оставить свой пост и в сентябре 1906 г. покинул остров. Пост Верховного комиссара занял бывший премьер-министр Греции А. Заимис. Венизелос стал ведущей фигурой в конституционном комитете при Заимисе. Критские события превратили Венизелоса в фигуру общенационального масштаба.

Проведя выборы на Крите, в результате которых победу одержали либералы, Заимис отправился в Европу способствовать вожденной цели критян — объединению с Грецией — путем воздействия на общественное мнение в Европе. Всю административную власть он передал премьер-министру Крита Венизелосу. Несмотря на определенное сопротивление со стороны оппозиции, Венизелос, вынужденный сдерживать попытки своих сторонников урезать права турецкого меньшинства, за два года правления смог проявить себя весьма умелым государственным деятелем: реорганизовать полицию и судебную систему, создать критские вооруженные силы под командованием греческих офицеров, т.е. создать условия для отплытия критского корабля от турецкого причала. Собравшиеся на критском Марсовом поле 15 тысяч греков 7 октября 1908 г. провозгласили ликвидацию поста Верховного комиссара и потребовали объединения с Грецией⁶. Эти события стали возможными после пошатнувшей Османскую империю младотурецкой революции. Удалось добиться фактического признания критского правительства великими державами, а через год ставший президентом Крита Венизелос провозгласил объединение острова с Грецией.

Нападки критской оппозиции и принца на Венизелоса были отражением общенационального конфликта между олигархической "государственной буржуазией", крупными землевладельцами и королевским окружением, с одной стороны, и предпринимательскими кругами метрополии и сильными торговыми, промышленными и финансовыми кругами греческой диаспоры, стремившейся связать свои экономические интересы с усилением собственного политического влияния в Греции и с греческими геополитическими интересами. Поражение в войне против Турции в 1897 г. вызвало затянувшийся кризис, окончательное разрешение которого принес путч военных в 1909 г., разрушивший геге-

монию "старых партий", которые выражали интересы олигархии, и означавший начало ускорения буржуазной эволюции и модернизации⁷. Сам по происхождению принадлежа к греческой торговой диаспоре, Венизелос на Крите стал лидером кругов, для которых воедино слились вопросы экономического благополучия, политических реформ, объединения вокруг национально-государственного центра — Старой Греции всех земель, населенных греками.

В 1909—1910 гг. в стране сложилась ситуация массового недовольства правящими кругами. Ещё до событий 1909 г. Венизелос установил контакт с лидерами Военной Лиги — непосредственными инициаторами путча. В январе 1910 г. "революционные" офицеры пригласили его в Афины. "Новой" предпринимательской буржуазии и офицерству, защищавшему идеи национального возрождения и требовавшему реформ, был необходим настоящий политический лидер, способный стать символом преобразования страны. Стремление к воссоединению греческих территорий, находившихся под османской властью, и к избавлению от эгоизма и беспомощности "старых партий" обеспечивали Лиге поддержку народных масс. Нерешительность Георга I в вопросе о воссоединении Крита с Грецией усиливала растущую популярность критского лидера. Венизелос персонифицировал идею национального единства и возрождения греческой нации. Обострение социально-политической ситуации и активизация масс вынудили правящие круги уступить новым силам, способным разрешить нараставший кризис. В новых выборах, в созыве Национального собрания, призванного пересмотреть конституцию, массы видели начало пути перемен в социально-экономической и политической жизни страны.

Летом 1910 г. Всенная Лига выдвинула кандидатуру Венизелоса на парламентских выборах — критянин одержал внушительную победу и стал депутатом греческого парламента. В глазах народа он превращался в национального героя, призванного "спасти страну от гибели"⁸. В сентябре в Канза Венизелос прощался с родным Критом. На прощальном вечере он — талантливый оратор — смог произнести лишь два слова: "Дорогие соотечественники..."; сердце переполнили эмоции⁹.

В октябре 1910 г. Георг I поручил Венизелосу сформировать правительственный кабинет, видя в нем деятеля, способного мир-

ным путем ликвидировать внутривосточный кризис¹⁰. Венизелос пообещал королю за пять лет возродить Грецию¹¹. Во многом ему это удалось. Демократизация и упорядочение парламентской практики, борьба с засильем клановости и коррупции в государственном аппарате, экзаменация поступавших на государственную службу, введение обязательного начального образования и широкого трудового законодательства, а также минимальной зарплаты для женщин и детей, официальное признание прав профсоюзов — таковы инициативы Венизелоса в этот бурный период реформ. Правительство Венизелоса и парламентарии внесли ряд поправок в конституцию, благодаря чему усиливалась роль парламента и его независимость от монарха, была создана законодательная основа для раздела крупных землевладений и создания капитализированных фермерских хозяйств. Ряд реформ был проведен для модернизации армии и флота¹². Греция превращалась в правовое государство, стабилизировалось финансовое положение — курс драхмы сравнялся с курсом французского франка. На выборах 1912 г. Либеральная партия заняла 146 парламентских мест из 181: именно Венизелос обеспечил высокую степень внутреннего консенсуса накануне драматических событий, развернувшихся на Балканах¹³.

Результатом внутри- и внешнеполитического курса правительства Венизелоса стал триумфальный успех Греции в Балканских войнах 1912—1913 гг., превративший ее в значимую силу на Восточном Средиземноморье. Территория и население Греции увеличились почти вдвое: были присоединены Эгейская Македония, часть Эпира и Эгейских островов, произошло окончательное объединение Крита с Грецией. После подписания Бухарестского мира взошедший в 1913 г. на греческий престол Константин телеграфировал Венизелосу: "Страна благодарна Вам". Весьма чувствительный человек, Венизелос был тронут — слезы блеснули на его щеках¹⁴. Слова "нация", "Великая Греция" и "Венизелос" становятся в это время синонимами.

Наряду с Венизелосом чрезвычайную популярность в народе приобрел король Константин, занимавший пост главнокомандующего во время Балканских войн. Вокруг Константина объединились все антивенизеловские милитаристские прогерманские

монархические силы, олигархия, отстраненная от власти в 1909 г. Популярность короля усиливалась оживлением византийской традиции — Константину пропаганда присваивала порядковый номер XII, как следующему после последнего византийского императора Константина XI Палеолога. "Истинный преемник Палеологов", "живое воплощение нации", "хранитель идеалов расы" — такими эпитетами одаривали Константина¹⁵. Для политической жизни Греции стала характерна поляризация — формирование двух соперничавших лагерей, для которых имена Венизелоса и Константина стали своеобразными знаменами. В 1915—1916 гг. дело дошло до политического раскола ("национальной схизмы"): к социально-политическим противоречиям добавился вопрос об участии Греции в первой мировой войне. Прогерманские константинистские круги выступали за сохранение нейтралитета. Венизелос считал необходимым вступление Греции в войну на стороне Антанты с целью реализации ирредентистских идеалов освобождения огромной массы греческого населения, находившегося под властью турок, и обеспечения суверенитета над приобретенными в ходе войн территориями, которому угрожали северные соседи.

Разногласия с королем заставили Венизелоса подать в отставку. Выборы в мае 1915 г. принесли полную победу Либеральной партии, однако король вынудил Венизелоса вновь подать в отставку и распустил парламент. Когда режим Константина отводом греческой армии с ее позиций фактически отдал болгарским войскам Восточную Македонию, Венизелос взял на себя руководство антиправительственным восстанием на севере страны и создал временное правительство в Салониках, объявившее войну Центральным державам. Развязанный константинистами массовый террор против сторонников Венизелоса вылился в гражданскую войну между "государством Афин" и "государством Салоник".

Венизелос был лидером сил, стремившихся к расширению национально-государственных границ, к экономической модернизации, к либерализации политической системы и демократизации гражданского общества; вокруг этих идей объединялись греки присоединенных после войны 1912 г. земель и "невоссоединенных" территорий. Антивенизелизм объединял патриотов-изоля-

ционистов, сторонников консервации социально-политических традиций и антикапиталистического мелкобуржуазного романтизма; оплотом этих сил стала Старая Греция (первоначальная территория королевства в XIX в.).

В 1917 г. при содействии Антанты Константин был свергнут и изгнан из страны и королем стал его средний сын Александр, а Венизелос вновь занял пост премьер-министра Греции. Период противостояния афинского и салоникинского правительств в 1915—1917 гг. был отмечен массовыми преследованиями политических оппонентов. Организованная Антантой блокада Старой Греции вызвала экстремальные трудности для населения и голод, что обострило ненависть к "предателю" Венизелосу и значительно расширило социальную базу его противников. Последние аккумуляли память о "жертвах венизелитской тирании", имевших место и в ходе салоникинского восстания 1915 г., и во время проводившейся салоникиским правительством насильственной мобилизации и т.д. Придя к власти, венизелиты жесткими мерами подавляли сопротивление антивенизелитов. С другой стороны, проводя в 1917—1920 гг. быстрыми темпами аграрную реформу на контролируемой салоникиским правительством территории, в результате которой крестьяне наделялись землей, Венизелос приобретал все больше сторонников.

Выступление салоникинского правительства во главе с Венизелосом на стороне Антанты, непосредственное участие греческих войск на салоникиском фронте войны вместе с англо-французскими частями и победа союзников означали реальную возможность для Греции рассчитывать на значительные территориальные приобретения. На Парижской мирной конференции в 1919 г. при решении вопросов послевоенного урегулирования отношений с Болгарией и Турцией (особенно в разрешении национально-территориальных проблем), а также с Королевством СХС Венизелос проявил себя тонким политиком и искусным дипломатом в отстаивании национальных интересов своей страны. В частности, он успешно противодействовал сербским и болгарским устремлениям на покровительство славянскому меньшинству в Греции, сталкивая друг с другом интересы своих северных соседей и одерживая в результате победу. В результате терри-

тории со значительным славянским населением были окончательно закреплены за Грецией, а болгаро-греческой конвенцией 1919 г. была заложена основа для обмена населением между Болгарией и Грецией, что обеспечивало развитие процесса эллинизации этих районов. Венизелос использовал впервые предоставившийся шанс для реализации "мегали идэа" и добился разрешения союзников на оккупацию греческими войсками всей Фракии и западного побережья Малой Азии. На горизонте небосклона греческой внешней политики возник отчетливый мираж "Греции двух континентов и пяти морей".

Занятый проблемами высокой дипломатии, Венизелос два года не был в стране. А она за это время сильно изменилась. Резко возросла пропаганда роялистов-константинистов, ложившаяся на свежую память о лишениях, принесенных блокадой Антанты, которая поддержала Венизелоса и свергла законного короля Константина. Народ устал от восьмилетних почти непрерывных войн: мобилизаций, конфискаций в пользу фронта, людских потерь, многолетнего отрыва от хозяйства. Репрессии против антивенизелитов, особенно характерные для Старой Греции, "силивали ненависть к "критскому тирану" и увеличивали число его противников.

Значимость внешнеполитических достижений ставилась под вопрос восстанием турок во главе с Кемалем в Малой Азии, не смирившихся с капитуляцией стамбульского правительства и не признавших условий Севрского договора, подписанного побежденной Османской империей, что означало продолжение войны. Война, тяжелые материальные условия, жестокая политическая борьба и разочарование в провиденциализме Венизелоса породили вдохновлявшую оппозицию враждебность к нему. В Париже на Венизелоса было совершено покушение. В ответ венизелиты провели серию погромов роялистских клубов, члены которых избивались и арестовывались. При аресте был застрелен один из лидеров оппозиции. Долго находясь в Париже, Венизелос потерял контроль над внутренними событиями и не отдавал себе полного отчета, что политика венизелитов предоставляла возможность тем, кто ждал реванша воспользоваться растущим недовольст-

вом¹⁶. Внезапная смерть короля Александра превратила его отца Константина в центр притяжения антивенизелитских монархических сил и всех просто недовольных Венизелосом. Позже Венизелос признавал, что совершил ошибку, не отложив парламентские выборы и не встретившись с Константином¹⁷. Полный оптимизма и уверенности в доверии к нему со стороны греков, он пошел на проведение выборов и проиграл их. В ноябре 1920 г. премьер-триумфатор покинул Грецию.

Хелена — единственная, кто мог его утешить в это время. В 1913 г., находясь в Лондоне в связи с подписанием мирного договора с Турцией, Венизелос познакомился с состоятельной гречанкой, уроженкой Лондона Хеленой Схилици. Их дружбе способствовала финансовая поддержка, которую Хелена оказывала Венизелосу в его филантропических акциях как руководителя страны. Она делала все, чтобы Венизелос не испытывал финансовых трудностей и во время его добровольного изгнания. Теплая дружба постепенно переросла в любовь, в декабре 1921 г. в Лондоне Венизелос и Хелена заключили брак¹⁸.

Несмотря на то, что антивенизелиты пришли к власти под лозунгами мира, война в Малой Азии развертывалась все шире. Возвращение в страну Константина и прогерманского правительства оказали тяжелое впечатление на союзников Греции, особенно в Лондоне. Находясь в контакте с лондонскими политическими и финансовыми кругами, Венизелос убеждал британцев "не оставлять Грецию"¹⁹. Период правления антивенизелитов, отмеченный свертыванием аграрных преобразований, а также репрессиями против венизелитов бесславно кончился поражением греческой армии в Малой Азии от турок в августе 1922 г.

В сентябре армейский Революционный комитет сверг антивенизелитское правительство и заставил Константина отречься от престола в пользу своего старшего сына, принявшего имя Георга II. Будучи поначалу реакцией военных на фиаско политики константинистов в Малой Азии, утвердившийся военный режим не смог стать надпартийной силой: его акции приняли характер венизелитской "революции". Созданное под давлением Лондона и Парижа гражданское правительство было полностью зависимо от Революционного комитета, большинство в правительстве составили умеренные венизелиты.

Сам же Венизелос находился вне пределов Греции и отказывался вмешиваться во внутренние дела страны. Но согласился быть представителем Греции в Европе, и в таком качестве он в большей или меньшей степени вновь определял внешнюю политику Греции. К этому времени к противоборству антивенизелитов и венизелитов добавился раскол в рядах последних. Свобода от участия во внутривластных распрях облегчала Венизелосу труднейшую задачу спасения достигнутых такими жертвами завоеваний. Он вынужден был непрерывно лавировать между великими державами, чтобы те оказали на одержавших победу турок, и "революционным" греческим руководством, пытаясь заставить и тех, и других пойти на взаимоприемлемые компромиссы. Венизелосу пришлось согласиться на уступку туркам территории во Фракии в обмен на их отказ от притязаний на контрибуции с Греции. Заключив конвенцию с Турцией, Венизелос ускорил выселение турок из Греции и занятие их земель многочисленными греческими беженцами из Малой Азии, что способствовало освобождению греческого руководства от тяжелого бремени, оставшегося в наследство от войны. Возобновление аграрной реформы и наличие освобожденных земель практически сняли аграрную проблему в Греции в последующие годы.

В 1923 г. попытки "революционного" правительства создать новую центристскую партию, объединив умеренных роялистов и умеренных венизелитов, провалились. Нация была разделена как никогда, обострилось противостояние роялистов и республиканцев (левого крыла венизелитов). Венизелос по своим политическим убеждениям был сторонником ограниченной монархии при наличии сильной парламентской власти. Несмотря на то, что среди республиканцев было очень много его сторонников, Венизелос не поддерживал их из-за излишнего, по его мнению, радикализма. Чрезвычайное усиление республиканского движения заставило Венизелоса нарушить свою отстраненность от внутривластных дел и заявить в августе 1923 г., что Греция "не так уж незрела для республиканской формы правления", но что он не вернется в страну, поскольку не видит для себя места при республиканском режиме²⁰. Позиции республиканцев укрепились после подавления осенью 1923 г. восстания роялистов; возникла даже угроза переворота со стороны республикански настроен-

ных военных-венизелюстов. События вновь не позволяли Венизелю оставаться в стороне. Выступая против насильственного установления республики, он советовал провести выборы, а затем вынести вопрос о судьбе монархии и династии на референдум.

По стране прокатилась волна митингов, на которых в адрес Венизелюса обращались не иначе, как "наш отец" и умоляли вернуться и "спасти страну"²¹. В декабре Георг II решил покинуть Грецию до разрешения вопроса о форме правления. Парламент послал Венизелюсу телеграмму с предложением вернуться. По прибытию в Афины в начале января 1924 г. Венизелюс был единогласно избран председателем парламента. Однако его возвращение не ликвидировало распри в лагере венизелюстов. Особую активность проявляли республиканцы во главе с А. Папанастасиу, обрушившие ряд обвинений на умеренное крыло либералов и требовавшие немедленного введения правительственным декретом республиканского правления. Ненадки на Венизелюса со стороны республиканцев достигли своего апогея, и на одном из заседаний Венизелюс, почувствовав себя плохо, покинул парламента. Его личный врач официально заявил, что по состоянию здоровья Венизелюс должен оставить политическую деятельность. Неизвестно, было ли это истинной причиной или приемлемым способом ухода Венизелюса с политической сцены без вреда для позиции умеренных, когда он оказался не в состоянии справиться с ситуацией. Его преемник в свою очередь был вынужден уйти в отставку, а ставший премьер-министром республиканец Папанастасиу провозгласил 25 марта Грецию республикой, что было подтверждено проведенным в апреле 1924 г. референдумом. Не найдя себе места в стране, в марте Венизелюс вновь отправился в добровольное изгнание в Европу. С разбитым сердцем, больной, разочарованный человек с увидшими надеждами на национальное величие своей страны оставлял позади себя печаль, решив никогда не возвращаться в политику²².

Но через четыре года он снова стал премьер-министром Греции. Венизелюс был создан для перипетий политической жизни и не мог найти утешения в чтении классиков и переводах Фукидида, чему он посвятил себя в период второго изгнания. В 1927 г. он вернулся на Крит, чтобы обустроить свой дом в ожидании

приезда из Парижа жены. Во время поездок по острову Хелена была поражена проявлениями любви и доверия критян к Венизелосу, она была уверена — муж снова станет премьер-министром Греции. Действительно, к 1928 г. сложились условия для осуществления власти партией либерал-прогрессистов, которые однако остались без лидера после отставки Г. Кафандариса. Жена, лелеявшая страстное желание стать первой леди Греции, и друзья посоветовали Венизелосу взять на себя руководство партией и предотвратить ее развал²³. Кафандарис подал в отставку и с поста премьер-министра. Этот пост занял Венизелос. Он распустил парламент и назначил новые выборы, на которых либералы одержали полную победу.

Однако Венизелос уже не был прежним. Жизнь за границей и богатство притупили остроту оружия старого политического бойца. Следуя британской традиции, он попытался установить жесткие отношения со своими противниками — оппозиционными лидерами. Они ему не верили. Часто его самоуверенность оказывалась неадекватной реальным событиям. Становилось очевидным, что искушенный в вопросах дипломатии и международных отношений, Венизелос был неспособен осуществить задуманную им внутреннюю реконструкцию в стране. Но на Балканах рубеж 20—30-х годов стал временем разрядки напряженности и международного диалога, чему в немалой степени способствовала политика Венизелоса. За время его последнего правления Греция заключила соглашения с Италией, Албанией, Югославией, Австрией, Венгрией, с Турцией — между вековыми врагами были установлены дружеские отношения. Греческая дипломатия стала пользоваться выгодной репутацией.

Неофициально Венизелос поддерживал движения националистов на Кипре и Додеканезских островах за объединение с Грецией. Однако проводившийся им курс на мирное решение балканских проблем не позволял ему открыто встать на сторону греческих патриотов. Поэтому наперекор общественному мнению он официально осудил вспыхнувшее в 1931 г. восстание киприотов. Даже половина либеральной прессы осудила его позицию по кипрскому вопросу. Если успехом критского восстания Венизелос начал свое восхождение к политическому олимпу, то поражение но-

вого кипрского восстания привело его карьеру к закату²⁴. В 1932 г. Венизелос подал в отставку.

Правда, расставание с политикой затянулось: оппоненты Венизелоса не смогли удержать власть, и многолетнему премьер-министру вновь пришлось занять этот пост. Имея весьма неустойчивое большинство в парламенте, Венизелос воспользовался правом его роспуска. Оппозиция немедленно обвинила его в насилии над конституцией и прессой и в диктаторстве. В марте 1933 г. венизеллистская коалиция проиграла выборы. На следующее утро генерал Пластирас (лидер антиконстантинистской "революции" 1922 г.) осуществил попытку переворота, поддержанную многими офицерами и депутатами-венизеллистами, потерявшими веру в способность самого Венизелоса противостоять оппозиции. Венизелос не поддержал путчистов. Между тем, обстановка в парламенте накалилась до предела: ругань и драки, пистолеты и ножи стали чуть ли не обычным явлением. Каждое появление в парламенте Венизелоса сопровождалось криками "вон!". Однажды, после одного из его выступлений депутаты с криками "предатель!", "долой Венизелоса!" сорвались со своих мест... Сторонники едва смогли уберечь его. Покидая зал, он сказал: "Господа, я не вернусь сюда, пока этот дом не перестанет быть площадкой для корриды"²⁵.

Как пишет один из основных биографов Венизелоса Дорос Аластос, обаяние Венизелоса создавало особый магнетизм его личности. И к старости его глаза сохраняли необычайно молодой блеск. Он так и не стал стариком — трудно было определить его возраст. Легкая походка, ловкость и грациозность движений — в нем находили нечто кошачье. Как и все одаренные люди, он бывал немного ребенком, иногда приходя в восторг от простых вещей, но сохраняя спокойствие в самые критические моменты. Он обладал удивительной способностью переубеждать и заставлять оппонента принимать его точку зрения. Свои полемические выступления в парламенте он начинал с согласия с некоторыми пунктами в речи своего оппонента, постепенно развивая аргументы так, что к середине выступления позиция оппонента выглядела совершенно беспомощной. Голос был сильный, но ему не хватало мужественного звучания, мягкий, почти бархатный,

он все же приковывал внимание аудитории, будучи выразительным и убедительным. Решительность и лидерство были отличительными чертами Венизелоса вместе с верностью по отношению к друзьям и коллегам²⁶.

Из небольших провинций Венизелос сумел создать современное государство, дать народу веру в силу национального государства и стремление к прогрессу. Он способствовал выдвижению новых социальных и политических сил. Его появление в Греции совпало с поворотным моментом в социальной истории нации — активизацией средних классов и их стремлением обладать политической властью в стране. Либерализм, истинным лидером которого в Греции был Венизелос, способствовал окончанию эры господства привилегированной "аристократии", а также развитию социальной активности пролетариата и крестьянства. Присоединение новых земель в конечном счете разрешило аграрную проблему в стране — Греция в отличие от своих соседей избежала аграристской политизации.

Парадоксально, но наряду с прозорливостью Венизелосу была свойственна политическая близорукость. Он не сумел предвидеть поражения своей партии ни в 1920 г., ни в 1932 г. Он больше был осведомлен о внутренних делах во Франции (как пишет Д. Аластос), нежели в собственной стране, воспринимавшейся им несколько идиллически. Возможно, как критянин был почти иностранцем в континентальной Греции²⁷.

Несмотря на то, что Венизелос был лидером определенной партии, политического лагеря, он всегда стремился к гражданскому примирению в стране, к преодолению раскола нации. Однако очень многое от него не зависело, да и в силу первостепенности разрешения задач национально-государственной экспансии Венизелос с 1919 г. практически слабо контролировал развитие конкретных внутривнутриполитических событий и мог влиять на них лишь силой своего авторитета. Непрерывавшаяся война политических лагерей часто исключала присутствие в стране лидера либералов, что способствовало расколу последних, внутрипартийным распрямам и ослаблению лагеря в целом. Антагонистическая враждебность при непреодолимой слабости политических партий так и осталась неразрешимой проблемой политической

жизни Греции. Это определяло частое вмешательство военных в политику, против чего всегда выступал Венизелос. Находясь долгое время в Лондоне, Венизелос считал британскую демократию примером, достойным для подражания, и мечтал перенести опыт либеральной демократии на греческую почву. Греция же оставалась самой собой и пережила за период с 1924 по 1936 г. четыре переворота, придя в конце концов к диктатуре монархиста Метаксаса. Каждая смена власти приводила к новым репрессиям в отношении политических оппонентов.

В июне 1933 г., когда Венизелос ночью вместе с женой возвращался в автомобиле домой, на него было совершено покушение. На протяжении трех миль покушавшиеся преследовали автомобиль Венизелоса и обстреливали его из пулемета. На утро в корпусе машины было обнаружено 120 пулевых отверстий. Четыре ранения получила жена, был ранен шофер и убит телохранитель. Венизелоса хранила судьба — он остался невредимым. Акт насилия вывел на улицы Афин почти всех жителей. Тысячи людей демонстрировали на следующий день свою поддержку Венизелосу — ненависть и преданность масс попеременно сопровождали этого человека.

В марте 1936 г. военными-республиканцами была предпринята новая попытка переворота. Венизелоса обвинили в причастности к заговору. На самом деле он не был посвящен в ход подготовки очередного антиправительственного акта. Правда, после прибытия повстанческого флота в Канза, где находился в это время Венизелос, он принял на себя руководство движением, считая, что существовавшее правительство вело страну к диктатуре. Несколько дней спустя после подавления восстания Венизелос на повстанческом крейсере "Авероф" переправился на Додеканезские острова, затем в Неаполь, а оттуда в Париж. "Все, что не удается, — ошибка," — говорил Венизелос²⁸. Против либералов были развязаны репрессии, многие республиканские лидеры попали в тюрьмы.

Семидесятилетний Венизелос был приговорен к смертной казни. Весть об этом застала его в Париже и вызвала у него гнев и отвращение, целую неделю он был в состоянии нервного потрясения. Через некоторое время Венизелос выступил в печати

с резкими обвинениями в адрес новых властей в Греции, восстановивших-таки монархию и устроивших, по его мнению, фарс с референдумом по вопросу о возвращении к монархическому правлению. Отголоски из Афин на это выступление, полные угроз, всерьез обеспокоили французскую полицию, которая усилила меры по обеспечению безопасности Венизелоса²⁹.

Но быстрая смена событий в Греции вызвала изменение позиции Венизелоса, пришедшего к выводу, что интересы страны требуют восстановления монархии в качестве арбитра над соперничавшими политическими партиями. Возвратившийся в страну король Георг II гарантировал, что он будет свободен от влияния сил, способствовавших реставрации монархии. Король амнистировал Венизелоса, подчеркнув его вклад в дело национального единства. В канун нового 1936 года король и Венизелос обменялись приветственными телеграммами.

Венизелос всегда предпочитал правление конституционного монарха "беспринципной" военной диктатуре³⁰. Он категорически заявил, что больше никогда не будет вмешиваться в политику, но не было недели, чтобы он не писал статей для печати, или писем друзьям о своих взглядах на события в Греции. После амнистии ему было очень трудно оставаться в Париже. Он тосковал по солнечному свету, столь благодатному на родной земле. В письмах к одному из друзей просвечивало последнее сильное желание старого человека увидеть свой дом. В то же время Венизелос, в жизни которого политика играла роль главного жизненного стимула, не мог удовлетвориться менее бурной жизнью. "Мои противники требовали моего ухода с политической арены как первого условия национального умиротворения. Я принес эту жертву во имя будущего моей страны, величию которой я посвятил всю свою жизнь... Необходимо жертвовать для обеспечения внешнего и внутреннего мира" -- это были последние публично произнесенные Венизелосом слова³¹. Через пять дней (18 марта 1936 г.) его не стало. Великий критикан скончался в чужой стране.

И после его смерти война с ним продолжалась: было запрещено прощание с телом Венизелоса в Афинах. Но Греция отдала дань этому человеку. На Крите в знак траура каждое окно было

задрапировано крепом. Критские бойцы в колоритных местных костюмах отвезли на лафете тело Венизелоса к склону горы Пророка Или, где тридцать девять лет назад началась "революция" Венизелоса, и там под соснами на неровном скалистом выступе горы, обращенном к серебряному-Критскому морю, они похоронили создателя современной Греции. У власти, в оппозиции или в изгнании его личность господствовала на политическом небосклоне Греции.

Примечания

1 *Alastos D., Veniselos. Patriot, Statesman, Revolutionary.* London, 1942, p. 9.

2 *Kerofilas C., Eleftherios Veniselos. His life and work.* London, 1915, p. 164.

3 *Alastos D., op. cit., p. 29.*

4 *Ibid., p. 48.*

5 *Ibid., p. 50.*

6 *Ibid., p. 58.*

7 *Mavrogordatos C.Th., Stillborn republic. Social coalitions and party in Greece. 1922-1936.* Los Angeles. London, 1983, p. 124-125.

8 *Никитина Т.В., Греция накануне первой мировой войны: особенности внутриполитического развития.* М., 1984 с. 81.

9 *Kerofilas C., op. cit., p. 61.*

10 *Никитина Т.В., указ. соч. с. 81.*

11 *Alastos D., op. cit., p. 76.*

12 *Dakin D., The unification of Greece. 1922-1923.* London, 1972, p. 186-189; *Clogg R., A short history of modern Greece.* Cambridge, 1979, p. 100; *Никитина Т.В., указ. соч., с. 71, 87, 94-95.*

13 *Clogg R., op. cit., p. 101.*

14 *Alastos D., op. cit., p. 125.*

15 *Mavrogordatos C.Th., op. cit., p. 61.*

16 *Dakin D., op. cit., p. 228.*

17 *Alastos D., op. cit., p. 204.*

- 18 Ibid., p. 217.
- 19 *Dakin D.*, op. cit., p. 229.
- 20 Ibid., p. 240.
- 21 *Mavrogordatos G.Th.*, op. cit., p. 56.
- 22 *Alastos D.*, op. cit., p. 238.
- 23 Ibid., p. 240.
- 24 Ibid., p. 251.
- 25 Ibid., p. 257.
- 26 Ibid., p. 260.
- 27 Ibid., p. 262.
- 28 Ibid., p. 288.
- 29 Ibid., p. 271.
- 30 Ibid., p. 272.
- 31 Ibid., p. 274.

ПОЛЬША

М.Н. Бобрик

ЮЗЕФ ПИЛСУДСКИЙ

1867—1935

Юзеф Пилсудский — крупная историческая фигура европейского масштаба. Один из самых известных поляков прошлого и настоящего времени, имя которого знакомо даже совсем далеким от польской истории людям. Исток же такой популярности кроется в связанности его имени с процессом национального освобождения польских земель и появлением на геополитической карте Европы в 1918 году Республики Польши (Второй Речи Посполитой). Масштаб события — возрождение польской государственности — и его характер — возвращение свободы нации — были таковы, что появление национального героя польского народа сделалось делом предрешенным самим естественным ходом истории. Почему же им стал именно Юзеф Пилсудский? — Ответ на этот вопрос можно найти, обрисовав, — хотя и крупными мазками, учитывая объем данной работы, — портрет Маршала Польши Юзефа Пилсудского*, сосредоточивая основное внимание на проблеме соответствия его личности роли лидера нации периода обретения независимости.

Юзеф Клеменс — четвертый ребенок Юзефа Винцентия Петра Пилсудского и его жены из рода Билевичей, их второй по счету сын, появился на свет 5 декабря 1867 г. в Зулуве — родовом поместье матери, расположенном в 60 км на север от Вильно.

*Маршал Польши, товарищ Виктор (псевдоним Пилсудского в бытность его социалистом), Командант стрелков, Бригадир легионеров, Магдебургский узник, отшельник из Сулеювка — в ореоле всех этих образов представлял Юзеф Пилсудский в разные периоды своей жизни перед глазами своих современников, образов, запечатлевшихся в памяти потомков и прочно вошедших в обиход польской исторической литературы о Маршале.

Оба его родителя — двоюродные брат и сестра — происходили из древней литовской шляхты, давным давно ополонизированной и своими корнями тесно связанной с историей Польши, ее культурой и польским патриотизмом. От ец его, конечно же, был участником январского национально-освободительного восстания 1863 г. и пострадал от репрессий, обрушившихся на поляков, особенно на Литве, после того как восстание было подавлено царскими войсками. Вскоре после этого — в апреле 1863 г. он в тридцатилетнем возрасте женился и обзавелся многочисленным потомством (жена Мария в течение 18 лет родила ему 12 детей).

Семья Пилсудских жила идеями патриотизма, вкладывая всю свою польскую душу в воспитание детей. Все это было в духе времени, наступившего после января 1863 г.: разгромленное национально-освободительное движение поляков, усиленная политика русификации земель Королевства Польского и отрицательно сказавшееся на материальном положении многих польских помещиков раскрепощение крестьянства (хотя благополучия именно Пилсудских оно не затронуло, да и не могло затронуть — слишком велико было приданое Марии — 12 тыс. га земли плюс несколько сот тыс. рублей) — все это создавало атмосферу пассивной неуспокоенности, в которой и возрастало новое поколение. Безусловно, речь идет о семьях крупных и средних землевладельцев и отчасти интеллигенции — о тех слоях польского общества, представители которых в прошлом постоянно стремились вернуть Польше ее утраченную в конце XVIII в. независимость.

Так в роскошном родовом материнском гнезде, благополучном и теплом, переполненном любовью к детям и Польше, прошло безоблачное детство Зюка, как его ласково называли домашние. Причем, если верить дневниковым записям того времени его старшего брата Бронислава, то больше всего тепла, любви и уюта в доме доставалось Юзефу, как любимчику всей семьи, которому, к тому же, всегда везло¹. Думается, что унаследовав не только фамилию, но и имя отца, Зюк вполне мог действительно быть самым любимым сыном, как часто бывает в семьях.

Очень тепло вспоминая свое детство, Юзеф мог бы назвать его сельским и ангельским, связывая это со своим происхождением из благородного и обеспеченного рода — "Vene nati et possessionati", как говорили в старину. "Мог бы, — продолжает далее Пилсудский, — если бы не одна печаль, которая омрачала дело отца, вызывала слезы в глазах матери и глубоко врезалась в детские умы. Такой шемящей тоской оборачивалось воспоминание о совсем недавнем поражении народа 1863 г. (я родился в 1867 г.)"2.

Читая эти строки, можно предположить, что стремление к независимости Польши, ностальгия по Речи Посполитой, сделавшиеся жизненным ориентиром для Юзефа Пилсудского, ассоциировались в его воображении с образом Зулува, с которым пришлось расстаться из-за разорительных нововведений отца (как администратор старший Юзеф Пилсудский был никакой).

Биограф Пилсудского польский исследователь А. Гарлицкий именно переезд из Зулува в Вильно в 1874 г. обозначает как первый жизненный удар, вызвавший шок у маленького Зюка. Второе потрясение пришлось ему пережить, поступив в русскую гимназию: идеалы, прививаемые там, целиком и полностью противоречили царившему в семье Пилсудских духу польского патриотизма и свободолюбия³. Уроки истории, преподанные матерью и почерпнутые из польской литературы — у любимого Словацкого, Мицкевича, маминого любимого Красиньского, из исторических песен Немцевича — все это, мягко говоря, не соответствовало "учебному курсу" российской правительственной гимназии, в стенах которой горячая любовь к Польше оборачивалась для Юзефа ненавистью к России, ко всему русскому, к москалям — угнетателям польского народа. Исходя из чего мы можем без колебаний согласиться с А. Гарлицким, что патриотизм, в котором был воспитан и вырос Пилсудский, имел ярко выраженную националистическую окраску⁴. Добавим, что с юных лет мыслить Пилсудский начал прежде всего такими категориями как нация и народ и в течение всей жизни имел привычку постоянно сравнивать (или противопоставлять) поляков — с немцами, русскими, французами, англичанами и другими народами.

В ученические годы постоянно переживаемое возмущение, сдерживаемое и вынужденное быть скрытым, впитывалось в

кровь и плоть будущего Маршала Польши, укореняясь в нем настолько глубоко, насколько сильно и прочно самостоятельность мысли и чувство собственного достоинства удалось привить его любимой матери в детстве, о чем он с благодарностью вспоминает в 1903 г. в своей статье "Как я стал социалистом". А ведь именно под материнским влиянием в сознании ребенка сформировалось, можно сказать, свое собственное представление о человеческом предназначении. "Только тот достоин именоваться человеком, кто имеет определенные убеждения и умеет их самоотверженно и действительно исповедовать", — так по крайней мере рассказывал о себе Пилсудский в вышеназванной статье⁵.

В детстве, в семье состоялось и первое наглядное обучение тому, что есть конспирация. В семейных тайниках прятали неразрешенные царской цензурой польские книги, наличие которых тщательно скрывалось от имевших привычку неожиданно вдруг нагрянуть чиновников. Страх при виде чиновничьего мундира, испытываемый постоянно его близкими и их окружением, был столь явен и столь отвратителен, что будучи сильным детским впечатлением, не позволил ему впоследствии, уже став взрослым, освободиться от ненависти к русским. Так Пилсудский никогда и не смог увидеть русский народ, русскую культуру отдельно от чиновников, проводивших в жизнь политику русификации и часто позволявших себе при этом явный произвол.

В таких исторических условиях и были сформированы основы личности и главные черты характера Юзефа Пилсудского.

Особенно велико было в нем стремление к бунту, свойственное многим его ровесникам из близкой ему среды. Позитивистская концепция выживания нации при помощи органичного труда, предложенная пережившими крах очередного восстания и разочарованными в вооруженной борьбе, уверившимися в ее безысходности взрослыми, не могла удовлетворить молодых, ими же втайне воспитанных в духе польского патриотизма и рвущихся, как молодые люди во все времена, в бой. Так в начале 80-х годов, когда дети январского восстания только-только вступали в самостоятельную жизнь, родилось явление молодой конспирации. И оба брата погодки — Юзеф и Бронислав Пилсудские — просто и не могли не принять участие в этом движении. Конечно же, они были членами тайной молодежной организации "Спуйня" и по-

сещали тайные кружки самообразовательного характера, обучение в которых велось на родном польском языке. Правда, более активно в школьной конспирации участвовал Бронислав, возглавлявший одно время даже один из кружков.

В 1884 г. семья Пилсудских пережила тяжелую утрату — смерть Марии Пилсудской, что было серьезным ударом, обрушившимся на вынужденного окончательно повзрослеть и стать самостоятельным Зюка. Именно мать цементировала — вопреки всем материального плана невзгодам (Пилсудские просто катастрофически разорялись) — большое и дружное семейство, переставшее таковым быть после ее ухода из жизни.

Первым самостоятельным решением, вопреки воле отца, стал выбор относительно дешевого Харьковского университета, на медицинском факультете которого Юзеф проучился всего один год. Неудовлетворенный жизнью и учебой в Харькове, почти лишенный в этом провинциальном городе польского окружения, Пилсудский начал хлопотать о своем переводе в Дерптский университет (современный Тарту). Однако по причине обыкновенной бумажной волокиты необходимые документы вовремя не были оформлены, и ему не пришлось начать новый учебный год в Дерпте. Вынужденно оставшись в Вильно, Юзеф, неприкаянный и необремененный никакими заботами, продолжал жить на содержании семьи. Жил он вместе со своим братом Брониславом на квартире их родной тетки... Тогда и произошел первый роковой виток в судьбе, сослуживший в дальнейшем во благо мифологизации его личности — а именно: случайная связь его через брата с террористической группой "Народная Воля", приведшая Юзефа в ссылку в Восточную Сибирь, где он отбыл пять лет — 1887—1892 гг. Бронислав, не более брата осведомленный о готовившемся покушении на царя, заплатил за свое студенческое участие конспирацией 15-ю годами каторги, определившей полностью всю его жизнь⁶.

Почти все крупные польские деятели первых лет независимости пострадали в борьбе с царизмом и познали, что такое царская тюрьма. Хотя не все они сознательно шли на страдания и не все выходили оттуда "закаленными борцами за правое дело". Тем не менее стереотипы мышления очень живучи и обладают способностью определять судьбу политика, как и произошло с

Пилсудским. Выстраданные в сибирской ссылке годы (хотя и страдал он там больше всего из-за отсутствия комфорта, от безделья и неопределенности, лишения постоянного польского общения, ненавистного окружения плохо воспринимавшихся им на человеческом уровне русских революционеров, что следует из сохранившихся его писем того периода) стали в свое время необходимым трамплином для политической карьеры.

Вернувшись в 1892 г. в родной Вильно, Пилсудский не знал, чем заняться: жизненные планы его еще не сформировались, упущенное время угнетало — а определяться надо было, и в темпе, поскольку таявшие финансы семьи не позволяли долго выбирать будущую профессию, впрочем, денег на образование почти не было, а жить в дальнейшем не работая не представлялось возможным. Юзеф пребывал в упадническом настроении, переживал душевную депрессию — так тяжело происходила адаптация к нормальной жизни после ссылки. Его амбициям, казалось, вовсе не суждено было осуществиться...

В такой сложный момент сама жизнь подсказала ему как быть. Так, сначала от нечего делать и в силу тогдашней моды на социализм — началось посещение им кружков, где читали и обсуждали социалистические брошюры, а затем — возможность быстрой карьеры в только начавшей формироваться тогда партии и выбор журналистской деятельности — увлекли, поглотили все помыслы Юзефа Пилсудского. А связан был такой поворот дела с приездом в Вильно эмиссара только созданного в Париже Заграничного Союза Польских Социалистов Станислава Мендельсона, направленного в Королевство Польское с миссией организовать там единую сильную социалистическую партию. В результате была оформлена Литовская секция польской социалистической партии (ППС). А предложение Мендельсона стать постоянным корреспондентом печатного органа ППС "Пшедсвита" окончательно разрешало все жизненные проблемы Пилсудского, который тем самым обретал конкретную цель и улаживал вопросы материального и профессионального характера. Добавим, что литературная деятельность всегда его очень привлекала. Еще в детстве Зюк был страстно увлечен выпуском семейной газеты "Голубь Зулува", а в ссылке мечтал о карьере писателя.

Возникший в среде польских политических эмигрантов — борцов за независимость Польши — социализм, естественно, включал в себя и национальные идеалы. Поэтому именно этот социализм оказался близок Пилсудскому, вынесшему, к тому же, из многочисленных бесед с социалистами в ссылке один простой, но важный вывод, гласивший, что пролетариат в современных условиях, будучи все более многочисленным, становится серьезной политической силой.

Выбор Пилсудского был сделан в соответствии с естественным ходом истории Европы, по которой все еще бродил призрак коммунизма. В тот период передовая общественная мысль могла предложить только такие — социалистические идеалы, не лишённые революционного романтизма, что было для него привлекательным. Отметим еще раз, что призрак коммунизма прибред в Вильно с Запада, а не с Востока, что важно для понимания социализма молодого Юзефа, увлеченного в силу семейной традиции давно и преданно национальной идеей. Поэтому нисколько не удивительно, что уже в одной из первых своих статей в августовском номере "Пшесвита" за 1893 г., в статье "Отношение к русским революционерам" он четко сформулировал два важнейших постулата, обуславливавших готовность ППС к сотрудничеству со всеми противниками царизма — признание ими независимости Польши и... контроля ППС на территории Королевства Польского, а значит признания польских прав на белорусские, литовские и украинские земли⁷. Такова была и программа, утверждённая первым съездом партии, во главе которой уже с середины 1894 г. находился Пилсудский. Столь стремительная карьера объяснялась как активностью самого товарища Виктора, так и обстановкой повальных арестов, выбивших из рядов партии ее руководителей.

Таким образом, с самого начала в деятельности Пилсудского ясно обозначилось предпочтение, отдаваемое им национальным идеям. Русскому революционному движению отводилась вспомогательная роль. Основной же силой, способной уничтожить царизм, виделось освободительное движение угнетенных народов России, о чем он писал в 1895 г. в статье "Россия"⁸:

Национальная идея Пилсудского была родом из его детства и основывалась на упорном нежелании примириться с тем, что великодержавное значение Польши отошло в область преданий. В результате он всю жизнь мечтал о возрождении Речи Посполитой в ее прежних границах, и не только мечтал, но и действовал в этом направлении. Под влиянием близкого сердцу образа Польши Ягеллонов* и сформировалась его сложная и противоречивая личность, а ставшая ее стержнем национальная идея во многом определила жизненный путь Маршала.

Юзеф Пилсудский никогда не был традиционного плана политиком; и поэтому желающие подойти к его политической судьбе со "стандартными мерками" будут разочарованы. Какой-либо разработанной концепции решения национального вопроса у него не было. Вообще теоретик он был никакой, хотя его статьи, мысли, речи, письма и составили десять томов. Проанализировав эти увесистые книги, польский историк Е.М. Новаковский не нашел у Пилсудского какой-либо более или менее стройной собственной политической доктрины⁹. Такой точки зрения придерживаются и другие польские авторы: А. Гарлицкий, Зб. Сафьян, Е. Красуский¹⁰. С их точкой зрения можно полностью согласиться, поскольку Пилсудский был человеком действия, и его литературное творчество** имело прежде всего эмоционально-психологическое воздействие, соответствовало задачам вдохновения поляков на борьбу за национальное освобождение, а в бытность его социалистом — за национальные и социальные идеалы одновременно, предпочтение же, отдаваемое им интересам нации, стало более очевидным в последующий период его деятельности.

В логической связи с определившимися интересами были и взятые им на себя обязанности по партии. Будучи одним из четырех членов Центрального Рабочего Комитета (ЦКР), Пил-

* Ягеллоны — польская королевская династия, правившая с 1386 по 1572 гг.

** Пилсудский писал свои в достаточной степени художественные работы в жанре исторической и политической публицистики. Особенно много внимания им было уделено январскому восстанию поляков Королевства Польского 1863 г. и наполеоновским войнам.

судский отвечал за контакты с русскими и другими нациями, а также за связь со студенческими кругами России, и руководил финансовой деятельностью ППС.

Журналистская работа отнимала также много сил. Впрочем, товарищ Виктор с удовольствием писал для заграничного "Пшед-свита", вел партийную переписку, но главное — организовал и долгие годы возглавлял нелегальную газету ППС "Роботник", которой очень гордился. "В июле (12 дня) 1894 г. подпольной типографией ППС был выпущен первый номер "Роботника", 52 номера которого увидело свет до 1903 г., т.е. в пять раз больше, если сравнивать с "Народной Волей", самым сильным органом периода революционной деятельности в государстве царя до недавнего времени", — так, без лишней скромности, оценивал сам свое детище Юзеф Пилсудский (из текста бибулы* "Революционная борьба в российском разделе")¹¹.

Конспиративная деятельность профессионального революционера не помешала, однако, обзавестись семьей. 15 июля 1899 г. Пилсудский женился на "прекрасной пани" Марии Юшкевич (урожденной Коплевской), чьей руки он долго добивался, соперничая с Романом Дмовским — своим постоянным политическим оппонентом, идеологом эндеции** — партии национальных демократов. Интересно, что брак с разведенной женщиной был возможен только при условии перемены веры (католичество не допускало развода) на евангелическую, что и было проделано Пилсудским. В религиозном плане, видимо, догматиком он не был, как не был он никогда и материалистом.

Ставшая ему верной подругой, Мария разделяла его взгляды и помогала ему во всем. Серьезной проверкой их отношений явился арест Юзефа и Марии 22 февраля 1900 г. Однако, благодаря природному уму и смекалке, ей удалось через 11 месяцев освободиться, и она самоотвержено стала помогать мужу.

*Бибула — исторический политический термин, означающий нелегальное издание.

**Эндеция или Национально-демократическая партия (НД) представляла собой наиболее сильную польскую буржуазно-помещичью партию, основанную еще в 1897 г. В решении национальных задач эндеки (члены НД) рассчитывали на самодержавие, а в дальнейшем — на страны Антанты.

Проведенные в Сибири годы, тяжело давшие Пилсудскому, сформировали в нем столь мощную психологическую установку — избежать всеми силами повторения им пережитого еще раз, а также почерпнутый в ссылке опыт сделали возможным осуществление тщательно подготовленного побега из тюрьмы, тем более что у него были такие смелые помощники, как Мария и доктор Владимир Мазуркевич.

Грамотно симулировавший душевнобольного, Пилсудский 15 декабря 1900 г. был переведен в больницу Николая Чудотворца в Петербурге, откуда 14 мая 1901 г. и бежал. Судьба ему благоволила, и, тайно покинув Королевство Польское, отдохнув и восстановив силы в Лондоне, весной 1902 г. Пилсудские вернулись обратно, подвергаясь опасности нового ареста, продолжили прерванную из-за ареста революционную деятельность.

Благодаря удачному побегу авторитет товарища Виктора в руководящих кругах ППС возрос, что помогло ему восстановить свои позиции в партии и снова войти в руководство.

В это время в партии уже шел болезненный процесс кристаллизации политических взглядов, и Пилсудский, естественно, оказался в гуще внутривнутриполитической борьбы. Вместе со "старыми" он делал акцент на необходимости борьбы за независимость Польши путем вооруженного восстания, подготовленного и направляемого тайной вооруженной организацией. Главной силой национального восстания они видели рабочий класс во главе с ППС. В случае победы предполагалось создать демократическую республику, которая в дальнейшем через парламентские реформы пришла бы к социализму. "Молодые" же деятельность ППС рассматривали только в тесной связи с русским революционным движением и в первую очередь предполагали создать парламентскую республику с демократическим устройством, оставив независимость Польши, от которой они, конечно, не отказывались, на потом. Спор шел о приоритетах политических целей — национальных или социалистических.

Пилсудский делал ставку на вооруженное восстание. Эмоционально-психологический настрой на активную борьбу сформировался еще в детстве, когда он слушал рассказы матери о январском восстании, окутанном романтикой патриотизма, и полностью

соответствовал его деятельной, энергичной натуре. В то же время решение это было и вполне рациональным. Изучение традиции польских восстаний показывало невозможность силами повстанцев одержать победу над регулярной армией враждебного государства. Отсюда им делался вывод о необходимости создания тайных польских вооруженных сил, в организации которых Юзеф Пилсудский видел свою основную задачу. Успех этих действий поляков был реален лишь в условиях серьезного конфликта между государствами-угнетателями или революционного взрыва в одной из трех стран. А международная обстановка в Европе в начале XX века была столь напряженной, что было на что надеяться.

Особенно сильны были, и не без серьезных на то оснований, надежды на революцию в России. Эти надежды заметно оживились в 1904 г. с началом русско-японской войны, и Пилсудский, на первый взгляд, пошел на авантюру, вступив в переговоры с японцами о сотрудничестве. Оперативность и рискованность действий товарища Виктора поражает. Так, война началась в январе и в январе же — без уведомления руководства ППС, что симптоматично, Пилсудский с двумя товарищами обратился в японское посольство в Лондоне, и они как представители ППС были приглашены в Токио, куда и прибыли через Соединенные Штаты уже в июле 1904 г.

В предлагавшемся Пилсудским — от имени партии — проекте договора обозначено было создание польских легионов из военнопленных поляков — бывших солдат русской армии, и постановка польского вопроса Японией на международном уровне. Небезынтересно, что именно в это время в Японии находился и Роман Дмовский, который старался убедить японцев в обратном — во вреде для них польского восстания. Ориентиры эндеции никогда не совпадали с устремлениями Пилсудского и его соратников. В вопросе о национальной идее они оба, преданные ее сторонники, олицетворяли собой две точки зрения относительно путей ее осуществления, широко распространенные в польском обществе. Причем так было и до обретения независимости, и после. Если Юзефа Пилсудского воодушевляла мысль о возрождении Ягеллонской Польши времени польско-литовской Унии, то Роману

Дмовскому милее была Польша Пястов, правивших до 1370 г., Польша, включавшая в свой состав западные польские земли, а не восточные "кресы" или окраины. Соответственно Пилсудский своими союзниками в решении польского вопроса видел Пруссию и Австрию, а в дальнейшем — Центральные державы, в то время как Дмовский полагался на сотрудничество с Россией, в дальнейшем — со странами Антанты. Такова была логика действий этих двух лидеров польской нации периода обретения независимости.

Авантюра Пилсудского принесла, и неплохие, как это ни странно, результаты. Хотя японцы и заинтересовались только разведывательной акцией и саботажем. Выделенные же ими на это 20 тыс. фунтов стерлингов имели очень важное значение для финансовой самостоятельности Пилсудского, что было крайне необходимо, если вспомнить о его планах по формированию тайных вооруженных сил, а к тому же в тот момент еще неизвестно было, сойдет ли ему с рук предпринятая им втайне от партии дипломатическая миссия в Японию.

Товарищу Виктору повезло. Его провинность осталась без последствий. Члены ППС были заняты обострившейся в 1904 г. внутрипартийной борьбой. Русско-японская война радикализовала российский рабочий класс, и вопрос о приоритетах национальной или социалистической идеи из теоретической переместился в практическую плоскость. Особенно остро он встал в 1905 г., когда в России разразилась революция. Размежевание на "старых" и "молодых" практически уже произошло. Однако раскол искусственно оттягивался Пилсудским, понимавшим, что в тот момент силы его сторонников были еще слишком слабы, а поэтому "старые" шли на уступки и оставались в рамках партии и после VII съезда, принявшего неприемлемые для них резолюции: лозунг независимости откладывался на будущее, а ППС в своей текущей политике отказывалась от отрыва польских земель от России, выступала за совместную с русскими партиями борьбу за демократизацию империи Романовых.

Раскол был не желателен, если брать во внимание интересы конкретного нового дела: с мая 1904 г. варшавская организация приступила к формированию боевых групп, с появлением

которых Пилсудский связывал переход к тактике действий. Согласно его концепции появившаяся на политической арене Боевая Организация (ОБ) ППС должна была подготовить кадры для будущих польских вооруженных формирований. Рисковать столь перспективным делом не имело смысла. Тем более что позиции самого товарища Виктора в партии оставались прочными, и он вновь был избран на съезде в ее руководящий орган ЦКР, хотя и с условием пребывания в Королевстве Польском, где он в любую минуту мог быть арестован.

"Старые" во главе с Пилсудским сконцентрировали всю свою энергию на деятельности боевых групп, видя в ОБ также и орудие укрепления своих позиций в партии. Тем более что расклад сил в ППС все время менялся в связи с арестами ее членов.

Боевые группы совершали практически самые обыкновенные террористические акты, экспроприруя деньги на нужды партии. Таким же способом материально обеспечивали себя и русские революционеры. О нравственности политических борцов часто говорить просто не приходится.

Внутрипартийные споры тем временем никак не утихали, хотя революционные события 1905 г. заставили польских социалистов держаться вместе и одновременно отстаивать рабочее дело и право Польши на независимость.

Уроки первой русской революции окончательно кристаллизовали позицию как одних, так и других. "Молодые" убедились в необходимости тщательно организованной, нелегальной, массовой рабочей партии, тесно связанной с русским революционным движением. (Их выводы были близки оценкам данных событий В.И. Ульяновым--Лениным). С точки же зрения "старых" единственной силой, способной противостоять самодержавию, могли стать только тайные польские вооруженные формирования.

Неминуемый раскол произошел — вопреки тактическим соображениям Пилсудского — в 1906 г. на IX съезде ППС. В результате вместо одной стало две партии: ППС-левица и ППС-революционная фракция, в которой объединились отколовшиеся "старые". Однако влияние фракции в силу сложившейся ситуации в рабочем движении России падало, а ОБ вскоре рассыпалась, не выдержав послереволюционной депрессии и повальных арестов. Тем не менее столь печальный ход событий не застал Маршала врасплох.

В 1908 г. на Европу с Балкан повеяло войной, и в этих условиях Юзеф Пилсудский решил полностью переключиться на парамилитарную деятельность. Все свое внимание он сосредоточил теперь уже на Союзе Активной Борьбы, созданном по его инициативе во Львове еще в 1907 г., реорганизовав его в независимую от партии структуру. Основным занятием Маршала сделалось военное дело. Мобилизовав свои знания (самостоятельно он всегда интересовался этим предметом), постоянно пополняя их, Пилсудский развивал движение Стрелков, в чем и проявлялась деятельность Союза.

Ряды стрелков формировались из патриотически настроенных молодых людей, которым предстояло овладеть военным делом. Комендант Пилсудский, будучи автором многих работ по истории и тактике, сам активно стал заниматься преподаванием.

Естественно, вставал вопрос о финансах. К тому же, размах задуманного дела вынуждал легализовываться. Решение всего комплекса проблем Пилсудский видел в сотрудничестве с Австрией. Выбор был правильным со многих точек зрения. Именно в Галиции, где были самые приемлемые условия существования польской нации и не было антиавстрийских настроений*, широко развернулось движение стрелков, сначала с молчаливого согласия официальных властей, а впоследствии — под эгидой Австрии, соблазнившейся в середине 1908 г. (первый раз в 1906 г. Пилсудский с сотоварищами по фракции получил отказ) разыграть польскую карту в своих противоречивых — в основном из-за влияния на Балканах — отношениях с Россией.

Польско-австрийское военное сотрудничество состоялось, и расчеты Пилсудского-дипломата и политика целиком оправдались. Но в главном — в понимании психологии поляков Королевства Польского — Комендант ошибся. В результате в самом начале войны Центральных держав со странами Антанты австрийские войска, в состав которых входили польские формирования,

*Достаточно отметить, что в австрийском разделе Польши не проводилась ни политика русификации, ни германизации, были польские школы, а польское коло представляло интересы поляков в парламенте.

после пересечения ими границы Российской империи, встречены были населением крайне недружелюбно — поляки вовсе не спешили пополнять ряды стрелков. Мистификация, на которую пошел уверенный в успехе Пилсудский, объявив о создании в Варшаве Национального правительства, в действительности не существовавшего, — только еще больше насторожила поляков Королевства, антинемецкие настроения которых Комендант явно недооценил. Показательно, что до прихода немцев и австрийцев в столицу летом 1915 г. 3 млн., а по другим данным 4 млн. поляков эвакуировалось в глубь России¹², что еще раз показывает, что существование стрелков их вовсе не вдохновляло.

Так в сентябре 1914 г. Комендант и его стрелки пережили, будучи непонятыми соплеменниками, свое первое глубокое разочарование в польском народе. Небезынтересно, что тяжелый удар имел и позитивные для авторитета Пилсудского последствия, выразившиеся в сплочении стрелков, еще теснее сгруппировавшихся вокруг своего вождя. А ведь именно в их среде и образовалась в 1908–1914 гг. неформальная политическая группа людей, названных впоследствии пилсудчиками, ставшими надежной опорой Маршала в его политических баталиях.

В преддверии военного конфликта, с которым поляки связывали надежды на освобождение, в неповторимой атмосфере эйфории от предвкушения независимости, охватившей все польское общество, возникла потребность в национальном герое. Понимая это, многие политические деятели способствовали созданию такого образа в лице Юзефа Пилсудского, и по сути своей чрезвычайно сложное явление мифологизации его личности только отчасти было стихийным и произвольным. На основании фактического материала и мемуаров польские историки Д. и Т. Налэнчи убедительно показывают, что рождение легенды было в большей степени результатом сознательной пропаганды, поскольку в 1914 г. Пилсудский просто не мог быть широко известен в польских землях: его конспиративная деятельность как лидера ППС и организатора тайных вооруженных формирований исключала просто саму возможность популярности, а как Коменданта стрелков его если и знали — то только в Галиции¹³.

Так механизм мифологизации был успешно запущен в ход летом 1914 г. прежде всего соратниками Маршала. А богатая и

таинственная его биография (случайная связь с народовольцами, ссылка, лидерство в ППС, побег из тюрьмы, конспиративная деятельность, руководство сформированными им польскими вооруженными подразделениями) давала широкие возможности для различных интерпретаций, что благоприятствовало созданию образа национального вождя, объединявшего все политические силы общества. Выбор именно Пилсудского был удачен еще и потому, что его основной политический багаж всегда составляла национальная идея, также объединявшая поляков.

Миф жил своей собственной жизнью. А тем временем Пилсудский, обманувшийся в своих расчетах, вызвал недовольствие австрийцев, решивших расформировать дружины стрелков. Ситуация была критической, когда совсем неожиданно – со стороны краковских консерваторов, которым удалось, созвав Главный Национальный Комитет (НКН), получить согласие Вены на создание польских легионов – пришло спасение. Стрелки стали легионерами, а их I полк возглавил Пилсудский, которому предстояло приспособиться к зависимости от Австрии и НКН. В этих целях по его инициативе была образована Польская Национальная Организация (ПОН) – политический орган, контактировавший с краковскими консерваторами и дававший возможность прямой связи с немцами. А еще в августе 1914 г. созданная на территории России тайная, разведывательного и диверсионного характера Польская Военная Организация (ПОВ) также представляла собой идеальное поле деятельности с точки зрения проявления самостоятельности.

В годы Великой войны Пилсудский и его легионеры сделали легендой, вошедшей в анналы польской истории. Красивая легенда – вместо прозы боевых будней легионов, хорошо и самоотверженно сражавшихся, хотя и не в их силах было повлиять на ход военных действий, как показывает польский историк М. Гертых на основе анализа численности и состояния войск Австрии, России, Германии, Англии и Польши¹⁴.

Красивая легенда – вместо драматической истории легионеров, которым довелось во второй раз пережить разочарование в своем собственном народе – теперь уже при вступлении в Варшаву в сентябре 1915 г. Непонятые в своих лучших чувствах,

как и год назад стрелки, они консолидировались и стали еще больше боготворить Пилсудского, приобретающего постепенно все черты харизматического вождя. Их кумир, повторив ту же самую ошибку, снова оказался в очень сомнительном положении. Настороженное же отношение поляков Королевства Польского к Центральным державам оказалось верным, и Пилсудский совсем скоро смог сам убедиться в ошибочности расчетов решить польский вопрос, сотрудничая с ними. Единственной, да и то куцой уступкой чаяниям поляков было издание известного Акта от 5 ноября 1916 г., предусматривавшего создание по существу буферного польского государства. Да к тому же Акт был издан под влиянием наступления русских на Волыни и в связи с обозначившимся явным падением престижа Австрии. В этих условиях сотрудничество с оккупантами было чревато потерей престижа в глазах народа. Разочарованный в своих союзниках, Пилсудский прекрасно понимал, что разрыв не только неизбежен, но и желателен.

Конфликт с Центральными державами появился в июле 1917 г., когда большинство легионеров отказалось присягать оккупантам и было интернировано. Оставшийся на свободе Пилсудский просто не знал как быть. Несмотря на свой антирусский настрой, он даже подумывал о переходе линии фронта, с тем чтобы на территории России создать польские вооруженные формирования — столь критической была ситуация. Но — ему повезло — немцы его все-таки арестовали.

Попав в Магдебургскую тюрьму, Маршалу посчастливилось тем самым положить конец кривотолкам о его темном сотрудничестве с немцами, укрепить, а не потерять доверие своих солдат, разделив с ними их участь, и вообще успешно выйти из очень сомнительного положения.

Авторитет его личности за годы войны настолько возрос, что в ноябре 1918 г. почти все политические силы Польши, проявляя завидное единство, передали в его руки власть в освобождавшихся от оккупантов польских землях.

Центральные державы проиграли войну, которую никто практически не выиграл. Так случилось, потому что революционные события 1917 г., изменившие всю политику России, вывели ее солдат с поля боевых действий досрочно — до окончания естественного хода войны. 3 марта был подписан Брестский мир. А ре-

волюции в Австрии (октябрь 1918 г.) и Германии (ноябрь 1918 г.) окончательно определили исход войны.

Столь благоприятного для решения польского вопроса развития международных событий никто не ожидал. Естественны были надежды поляков на то, что кто-то из государств-завоевателей проиграет, кто-то – выиграет войну, надеялись также на революции в этих странах, но то, что и русские и немцы с австрийцами проиграют и везде произойдут революции – такого никто не мог предположить.

Полностью осознавая важность вызревания международных предпосылок возвращения Польши на геополитическую карту Европы, почти все поляки связывали и связывают это крупнейшее событие с именем Юзефа Пилсудского. И в этом нет никакого противоречия.

Концепция освобождения польских земель, расчеты Маршала на сотрудничество с Центральными державами не оправдались. А следовательно с точки зрения международной постановки польского вопроса и его решения акции стрелков и легионеров не принесли ожидаемых результатов. С военной точки зрения – тоже.

Тем не менее их влияния на ход событий отрицать мы не можем. Их активность постоянно напоминала европейским политикам о воле польского народа вернуть независимость. Речи Пилсудского, освящение знамен, под которыми сражались стрелки и легионеры, польским католическим священнослужителем, патристические песни – все это красноречиво говорило о том, что служат солдаты Маршала Польше, делу ее освобождения. В условиях же мировой войны игнорировать волю целого народа, расположенного в центре боевых действий и разделенного между воевавшими державами, было невозможно. А ведь именно воля сохранившего свою самобытность народа к освобождению являлась необходимым, хотя и недостаточным, если вспомнить о международном характере польского вопроса, условием восстановления собственной государственности¹⁵. Именно по воле нации при благоприятном стечении внешнеполитических обстоятельств на европейской карте вновь появилась Польша.

В результате столь противоречивого переплетения объективных и субъективных реальностей Юзеф Пилсудский в годы войны стал необходимым нации в переломный момент истории

героем, а для ближайшего окружения — пилсудчиков — сделался харизматическим вождем. В силу же причин эмоционально-психологического характера — романтической традиции, настроен на культ героя, пропаганды пилсудчиками вождя и его идей — образ Пилсудского стал символом независимости Польши. Персонализация общенациональных символов — явление, тесно связанное с мифологизацией крупных исторических личностей — в настоящее время начинает занимать достойное место в нашем понимании исторического процесса, объект и субъект которого — человек с его умом и сердцем, сознанием и подсознанием, характером и натурой, человек с его душой и духом.

Таким образом, когда было воссоздано польское государство, то первым лицом Второй Речи Посполитой стал, естественно, Пилсудский. Отметим, что его противоречивое пребывание у власти в межвоенное двадцатилетие, не помешало ему сохранить добрую память о себе в историческом сознании народа, что было не так просто, поскольку для польского менталитета, сформированного во многом в период разделов, образ оппозиционера, борца с чужеземным гнетом — всегда ближе и понятнее, чем лицо, наделенное официальной властью. Причиной тому был ряд обстоятельств, которые здесь мы имеем возможность только обозначить.

Рассмотрев биографию Юзефа Пилсудского до 1918 г., мы видим, что национальная идея была его основным жизненным ориентиром. А это значит, что роль деятеля общенационального масштаба находилась в органичном соответствии его личности, которая в последующие годы кардинально не изменилась. Вкус к интересам нации ему не изменял никогда. Будучи сторонником этатизма*, Маршал интуитивно смог преодолеть тенденцию времени, и когда в Европе господствовали диктатуры нацио-

*Этатизм Пилсудского, как и многих других европейских государственных лидеров межвоенного периода, не вызывает сомнения. Таково было веяние времени, отраженное в логике всей политической деятельности Пилсудского, в его высказываниях и в идеологии пилсудчиков. Интересно, что биограф Маршала А. Гарлицкий предлагает даже увидеть в идее доминирования государства над всеми основными структурами общества основной принцип никогда несформированной политической доктрины Юзефа Пилсудского (Ук. соч., с. 11).

налистического толка, он, обладая практически неограниченной властью, не лишил польское общество все же парламентского правления, озадачив тем самым будущих исследователей режима санации*, установившегося после майского государственного переворота 1926 г.

Чувство собственной гордости и желание быть независимым, воспитанные в нем матерью, во многом определив его характер, заставляли активно искать достойный выход из критических ситуаций, коих, как помнит читатель, было немало и до 1918 г. Будучи же у власти, Пилсудский заботился о своем авторитете, а когда обстоятельства складывались не в его пользу — он не держался за власть всеми силами и до последнего, а способен был на время отступить (наиболее яркий пример — его уход в тень в 1922—1926 гг.). Тем более что в основе его желания власти лежало страстное стремление к независимости, а полноценный образ жизни Маршала, много и с удовольствием писавшего и читавшего лекции, позволял не скучать и в уединении. От высоких постов, атрибутов власти он тоже бывало и отказывался. О скромности его, благотворительности — ходили легенды, безусловно, преувеличенные, но все же и имевшие объективные основания. Стимулом же всех этих действий служила все та же забота о собственном авторитете.

Важным историческим обстоятельством явилось существование достойной оппозиции в лице Романа Дмовского и эндеции. Это были две крупные исторические личности, представлявшие два подхода к проблеме реализации национальной польской идеи. Со всей наглядностью их диаметрально противоположные точки зрения проявились в вопросе о границах. Отстаиваемый Пилсуд-

*Название санации или оздоровления, если перевести с польского языка на русский слово санация, получил политический режим, действовавший во Второй Речи Посполитой в 1926—1939 гг., поскольку правящими кругами на первый план постоянно выдвигались демагогические обещания покончить с коррупцией и злоупотреблениями, оздоровить нравственный климат в государстве. Практически до 1935 г. (год смерти Пилсудского) это было его авторитарное правление — но со всеми атрибутами парламентской республики.

ским "федеративный план" наивно предполагал возможным вхождение в польское государство на основе унии, как в былые времена, литовских, украинских и белорусских земель. Инкорпоративная же концепция Дмовского подразумевала прямое, органичное включение в состав Польши Ковенской, Виленской, Гродненской, большей части Минской губерний и Волыни, а также части Подолья. Показательно, что оба эти проекта были обращены в прошлое, к традиции сильного польского государства и совсем не учитывали того, что в начале XX века ситуация в Европе была во всех отношениях иная, чем в конце XVIII века. Впрочем, искусства исторического права обыкновенно столь сильны, что в состоянии привести к вооруженным конфликтам. Так произошло и в данном случае. Вдохновляемый идеей создания Польши в границах прежней Речи Посполитой, Пилсудский в 1919 г. предпринял поход на Вильно, а в 1920 г. — на Киев. Безусловно, клубок противоречий, приведших к советско-польской войне 1920 г. был куда сложнее и запутаннее. Тем не менее одной из основных мотиваций восточной политики Пилсудского была именно его идея о федерации. В итоге войны закрепленная Рижским мирным договором советско-польская граница соответствовала корпоративным планам Дмовского. Так причудливо под влиянием представлений о национальной идее пилсудчиков и эндеков, представлений, преломленных в зеркале международной жизни Европы, сформировался геополитический лик межвоенной Польши. Подчеркнем, что для процесса установления польских границ большое значение возымели традиционно добрые отношения Дмовского и эндеции со странами Антанты. Таковы были объективного характера политические дивиденды, связанные с существованием оппозиции. Немаловажное значение имело наличие оппозиции и для славы Пилсудского, поскольку его противники своей критикой корректировали имидж Маршала, являвшегося харизматическим вождем, просто кумиром для безудержно его восславлявших пилсудчиков.

Развитие событий не раз благоприятствовало его славе. Это были обстоятельства эмоционально-психологического характера — на чем собственно и зиждется историческая память народа. Даже сам факт ухода Маршала в мир иной не когда-нибудь, а в мае 1935 г. имел для мифологизации капитальное значение, поскольку в тот момент стране ничего не урожало. "История вли-

ла его на свои крылья" прежде, чем народу и политикам пришлось пережить тяжелейшие испытания¹⁴, — пишут польские историки Налончи. В дальнейшем многие даже думали, что будь жив Пилсудский — не было бы сентябрьской катастрофы 1939 г.: он что-нибудь бы придумал.

Ностальгия по межвоенной независимой Польше в годы фашистской оккупации и коммунистической неволи, пришедшей с Востока, остро ошущавшаяся частью общества, была тесно связана с именем Маршала. К тому же, от довоенной, казавшейся в исторической ретроспективе очень благополучной Польши у многих остались предметы, опять же чаще всего связанные с изображением Пилсудского. А судьба его имени, ставшего вопреки логике национального сознания жертвой идеологии власть имущих, только разжигала интерес к этой политической фигуре, и на могиле Маршала в Кракове на Вавеле всегда было много цветов.

И сегодня, когда в наше бурное время перемен Маршал Пилсудский вышел из официального забвения, там по-прежнему горит лампадка и лежат живые цветы. Такова сила народной традиции, с которой был дружен всю свою жизнь Юзеф Пилсудский.

Исторический портрет Маршала Польши Юзефа Пилсудского красноречиво говорит нам о необходимости изучения хрупкой эмоционально-психологической ткани национального сознания, имеющей потрясающую силу.

Примечания

¹ Подробнее о дневниках Бронислава см.: *Garlicki A. Józef Piłsudski 1867–1935. Warszawa, 1988, s. 10–11.*

² *Józef Piłsudski o sobie. Z pism, rozkazów i przemówień komendanta. Warszawa—Lwów, Warszawa, 1989, s. 5.*

³ *Garlicki A. Op. cit., s. 9.*

⁴ *Ibidem., s. 13.*

⁵ *Józef Piłsudski o sobie..., s. 7.*

⁶ Бронислав Пилсудский годы ссылки посвятил изучению Сахалина, занимался этнографией, сотрудничал с Российской

Академией Наук. В 1905 г. бежал в Японию, а затем через Западную Европу в Галицию, где прожил несколько лет без постоянной работы. В 1914 г. переехал в Вену, а затем Швейцарию и Францию; в мае 1918 г. покончил жизнь самоубийством.

7 *Piłsudski J.* Pisma zbiorowe, t. I. Warszawa, 1937, s.56.

8 *Ibidem*, t. II, s. 34.

9 *Nowakowski E.M.* Mit Marszałka. — Tygodnik Polski, 1985, R. 4. N 20, s. 12,

10 Подробнее см.: *Бобрин М.Н.* Польская историческая литература 80-х годов о Юзефе Пилсудском. М., ИНИОН, 1990, с. 12–13.

11 *Piłsudski J.* Walka rewolucyjna w zaborze rosyjskim. Kraków, 1903, s. 120–121.

12 *Tanty M.* Rewolucja rosyjska a sprawa polska 1917–1919. Warszawa, 1987, s. 54; *Kwartalnik Historyczny*, 1977, N 4, s.831.

13 *Налэнчи Д. и Т.* Юзеф Пилсудский. Легенды и факты. М., 1990, с. 204–218.

14 *Ciertych M., Dmowski — Piłsudski.* — *Lad* 6/10/11 1985.

15 О предпосылках обретения Польшей независимости подробнее см.: *Бобрин М.Н.* Революционный 1917 год и независимость Польши. — *Вопросы истории*, 1988, № 11, с. 28–43.

16 *Налэнчи Д. и Т.* Указ. соч., с. 198.

РУМЫНИЯ

М. Д. Ерещенко

КОРОЛЬ ФЕРДИНАНД I 1865—1927

Официальный въезд в Бухарест символически открывает Триумфальная арка, от которой расходятся ведущие магистрали к центру румынской столицы. Арка возведена в ознаменование окончания первой мировой войны и побед румынских войск в составе армий стран Антанты. На фронтоне памятника вписано чеканным слогом в новейшую историю страны имя короля Фердинанда — "объединителя румынских земель", под державным скипетром которого в 1918 г. была создана "Великая Румыния".

Каким масштабом можно измерить личность и деяния политика, память о "звездном часе" которого, высеченная в камне Триумфальной арки, сохранялась на руинах отрицавших друг друга исторических эпох и к исходу века вернулась нынешнему поколению румын ностальгией по былому величию государства? Именно тогда — в годы войны и послевоенного хаоса, когда рушились основы старого миропорядка, разваливались великие соседние империи, а революционные вихри сметали и королевские троны, и государственные границы, румынская монархия не только удержала власть и страну на краю пропасти, но сумела компенсировать слабости своего пошатнувшегося было положения искусным лавированием на противоречиях внутри самого румынского общества и в борьбе своих мощных внешних союзников. Добившись в конечном счете удовлетворения притязаний на образование "Великой Румынии", что прежде казалось неосуществимой национальной идеей-фикс, особенно несопоставимой с реальным весом обессилевшей страны, монархия возвысила национальное самоощущение в сознании общества и престиж румынского государства в послевоенной европейской политике.

Волею случая на вершине власти в это судьбоносное для Румынии время оказался король Фердинанд, как представляется, -- одна из самых драматичных фигур в пантеоне государственных деятелей страны межвоенного периода. Его личная драма заключалась в том, что он случайно был избран престолонаследником на румынский престол, оказался в чужой стране и чуждой ему среде, 25 лет ожидая освобождения королевского трона. И этот случайный жребий судьбы воспринимался самим Фердинандом как в известной мере ущербность его положения среди некоронованной румынской элиты.

Действительно, неприметный лейтенант прусской армии, выходец из правящего дома Гогенцоллернов Фердинанд скорее всего оказался бы вне высокой политики, если бы не деликатное положение его дяди Карла, призванного в 1866 г. иностранным князем в Румынию, чтобы положить начало наследственной монархии. Карл принадлежал к династии Гогенцоллернов, к ее боковой швабской ветви Зигмарингенов. Карл был не первой кандидатурой стать румынским князем, но его умеренно-либеральные взгляды, а более того -- связи с французским и прусским высшим светом сыграли свою роль: Карл Гогенцоллерн был признан великими державами Европы румынским монархом. В 1881 г. эта монархия была возведена в ранг королевства, и князь был провозглашен королем Карлом I.

Согласно румынской конституции 1866 г., установившей в стране наследную монархию, предусматривался порядок престолонаследия по мужской линии. При отсутствии потомков по мужской линии у Карла I право наследования короны принадлежало старшему из его братьев или же потомков последнего. Итак, вопрос о престолонаследии встал перед Карлом еще в 1880 г., поскольку его единственная дочь умерла малолетней. Далее вопрос о наследнике решался в тесном семейном кругу Гогенцоллернов-Зигмарингенов между Карлом I, его отцом Карлом-Антоном и братьями Леопольдом и Фридрихом, в последующем были привлечены к дележу румынской короны и дети старшего брата короля Карла принца Леопольда Вильгельм и Фердинанд. Поскольку старшие по праву очередности отказывались от на-

следования румынского престола, выбор семьи пал на Фердинанда. Румынский парламент согласился с этим решением и в конце 1889 г. Фердинанд Гогенцоллерн был официально провозглашен "предположительным наследником короны" и тогда же занял отведенное ему по конституции место в сенате.

Но появившись на политическом горизонте, Фердинанд неизменно в течение долгих 25 лет держался в тени своего царствующего дяди. Кстати, Карл I твердой рукой удерживал штурвал власти 48 лет и под сенью его правления свершилось завоевание независимости Румынии в 1877 г. в условиях начавшейся русско-турецкой войны на Балканах. После избавления от османского гнета в стране ускорились процессы экономического обновления, прежде всего укреплялись основы собственной национальной промышленности, торговля свободно перешагнула границы. Утверждение независимости укрепило и политические основы румынского национального государства. Хотя принятая с воцарением Карла в Румынии конституция 1866 г. была скроена по западноевропейскому образцу и своими демократическими декларациями явно опережала бухарестское время, однако именно в период его правления стали обрисовываться контуры конституционной монархии с достаточно уравновешенной системой власти. В этой румынской модели конституционно-парламентской монархии король занимал место "отца нации", что позволяло ему не только царствовать, но и править.

Естественно, личность первого румынского монарха наложила отпечаток на авторитет королевского двора и методы его правления. Карлу удавалось балансировать между "кнудом и пряником": при всей его пруссаческой склонности к авторитарной сильной власти (в чем сыграл свою роль и испуг перед Парижской Коммуной), политикой уступок и реформ правящим верхам во главе с Карлом удавалось утихомиривать политические страсти и длительное время поддерживать в стране спокойствие и развитие. Выплескиваясь из-за границ восточного соседа, революционная стихия российских бунтов увлекала порой своим примером столь же безземельную румынскую деревню и малочисленные слои нарождавшегося индустриального пролетариата, примером чему являлись мощное крестьянское восста-

ние 1907 г. и подъем забастовочного движения рабочих в ответ на ухудшение экономической конъюнктуры в период балканских войн. С восстанием власти жестоко и быстро расправились: жертвами репрессий пало II тыс. человек. Однако по горячим следам событий сверху был разработан и принят свод аграрных законов, предусматривавших определенные послабления для крестьян (положение о сельскохозяйственных договорах, запрещение отработок, создание коммунальных пастбищ, введение максимальных ставок арендной платы и т.д.). Таким образом властям удалось приостановить нарастание социального напряжения в деревне и до поры до времени отсрочить решение главного для крестьян вопроса — о наделении землей.

Появившийся в городских низах на волне рабочих забастовок лозунг румынских социалистов "Да здравствует социальная война!" был нейтрализован гибкой политикой верхов, обратившихся к сфере социального законодательства. На исходе первого десятилетия нового века Румыния оказалась среди немногих восточноевропейских стран, в которых рабочему движению были предоставлены законом достаточно широкие права по меркам того времени, в том числе создание профсоюзов, были введены коллективные договоры и законы о регулировании трудовых отношений как устойчивая форма снижения болезненных противоречий между трудом и капиталом. К тому же благоприятную роль в стабилизации общественного настроения в городе и деревне сыграло постепенное оживление экономики в преддверии первой мировой войны, так что пылкие лозунги революционеров-социалистов не отвечали ожиданиям масс в тот период, хотя в румынском обществе и накопилось немало горючего материала для вспышки новых классовых битв.

Если внутри своего дома королевства Карл уверенно чувствовал себя полновластным хозяином, умело поддерживающим баланс различных политических сил у кормила власти тем, что ключи от нее доверял попеременно сменявшим друг друга и потому зависимым от высшей воли монарха традиционно правящим партиям либералов и консерваторов, то опасности извне румынский король боялся всегда. Слишком велики были окружавшие Румынию империи с их противоречиво амбициозными интереса-

ми! В начале XX в. сгущавшиеся тучи на горизонте европейской политики предвещали Румынии беспокойные времена.

Узел внешнеполитической нестабильности завязался не без усилий самого румынского короля. Завоевав независимость с помощью России, спустя всего пять лет Румыния оказалась втянутой в договорный союз австро-германской военной группировки. Вполне понятное желание румынской дипломатии обеспечить стране покровительство бисмарковского рейха в этом случае стимулировалось голосом прусской крови Карла I Гогенцоллерна и в еще большей степени официальным согласием Берлина и Вены поддерживать румынские притязания на Бессарабию.

Но шли годы, реальных надежд на отрыв Бессарабии от России не прибавлялось, а вместе с тем союзные отношения с Габсбургской монархией перечеркивали планы Бухареста каким-либо образом поддерживать сепаратистское движение трансильванских румын, находившихся в составе Австро-Венгрии, с их национальными требованиями объединиться с Румынией. С образованием второго европейского блока — Антанты разочарование в прогерманской ориентации среди румынской политической элиты было полным. Даже король признавал, что для интересов страны прежний союз становился "бесполезным".

Карл попытался использовать балканские войны для утверждения большей самостоятельности внешнеполитического курса Румынии, имевшей территориальные претензии к своей соседке Болгарии. С началом второй Балканской войны в июне 1913 г. правительство провело мобилизацию войск, и румынская армия, главнокомандующим которой был назначен принц Фердинанд, перешла Дунай. И хотя ей не пришлось сражаться, так как окруженная со всех сторон Болгария была вынуждена капитулировать, по Бухарестскому мирному договору 1913 г. Румыния получила в качестве компенсации за участие в войне Южную Добруджу. С удачи и легкой победы начинался первый самостоятельный шаг на политическом поприще престолонаследника Фердинанда. Но самое ближайшее будущее готовило ему новые испытания.

Разразилась первая мировая война. Перед Румынией встал вопрос о выборе позиции. У власти была тогда либеральная пар-

тия во главе с И.И. Брэтиану — приверженцем вступления в войну на стороне Антанты, поскольку появлялась перспектива присоединения Трансильвании, что могло быть осуществлено в случае поражения Габсбургской монархии. Но учитывая непредсказуемость хода войны, премьер Брэтиану считал более мудрым выждать и посмотреть, "как развернутся события. Нам еще представится случай, чтобы сказать свое слово"¹.

В начале войны Карл получил телеграмму от Вильгельма II с выражением надежды, что румынский король останется верным как Гогенцоллерн и безусловно выполнит союзный долг. Такую же телеграмму прислал и Франц-Иосиф.

С предложением выступить на ее стороне обратилась к Румынии и Антанта, обещая в случае победы освобождение Трансильвании.

21 июля (3 августа) 1914 г. Карл созвал Коронный совет для обсуждения вопроса об ориентации внешней политики страны. Сам он настаивал на немедленном вступлении Румынии в войну на стороне Центральных держав, но был поддержан лишь престарелым лидером консерваторов П. Карпом. И.И. Брэтиану призывал подождать, ссылаясь на пример Италии, объявившей себя нейтральной. Предложение премьер-министра было принято, а в коммюнике после заседания Коронного совета было отмечено, что Румыния сохраняет позицию "вооруженного выжидания"².

Тем не менее, чтобы не оказаться перед лицом угрозы русского нашествия, чего так опасались румынские правящие круги, прогнозируя возможный поход русской армии на Балканы, правительство заключило 18 сентября (1 октября) 1914 г. соглашение с Россией, которая обязалась противостоять любой попытке нарушить территориальный статус-кво Румынии и признала за последней право присоединить населенные румынами области Австро-Венгерской монархии в уплату на благожелательный по отношению к Антанте нейтралитет. Эта конвенция, во многом определившая политическую судьбу Румынии на переломе исторических эпох, не была санкционирована королем: доживавший последние дни Карл даже не увидел официального документа, реализация которого доставалась в наследство его преемнику Фердинанду, как и страна, — в преддверии войны. 28 сентября (11 октября) 1914 г. Фердинанд вступил на престол.

Реакция околдворцовых кругов на восшествие нового правителя, как отметил современник событий, увидев плачущего Фердинанда у гроба почившего дяди, была почти однозначной: "Бедный Фриц", "Бедная Румыния"! Видимо, в ответ на выраженное недоумение окружавших его новый король заметил: "Я ведь только человек"³.

Личность престолонаследника и ранее не вызывала энтузиазма у политического истеблишмента в стране. Еще в детстве перенесенный тиф печальным образом отразился на облике Фердинанда: от юношеской красоты и молодости не осталось и следа, его как бы изможденное лицо выдавало постоянную усталость человека с потухшим взглядом. Современники мало что знали о реальной жизни принца и его положении во дворце. Периодически возникали слухи о его неуклюжих промахах в этикете, излишней застенчивости и неприметности в свите короля. А случившийся однажды с Фердинандом пассаж, когда он упал с лошади во время парада, долго забавлял гостиные именитых салонов, в которых фактически и варилось так называемое общественное мнение. Образ будущего монарха, человека болезненного и отличавшегося непривлекательными житейскими привычками, не вписывался в пропитанную чиновничеством и высокомерием среду румынской элиты. Поэтому история бедна свидетельствами о нем.

Лишь немногие из постоянного окружения Фердинанда знали о неординарности натуры наследника престола. Вероятно, у него были склонности к языкам, о чем имеются ссылки на воспоминания официальных собеседников Фердинанда — зарубежных деятелей. Так, аббат Мюнхер был глубоко взволнован, когда при встрече с ним румынский король заговорил на иврите. А французский посол на прощальной аудиенции у Фердинанда был столь же удивлен поворотом разговора с королем к теме восточной поэзии, в частности, монарх Румынии проявил интерес к сравнению японской и китайской лирики. Известен также факт об участии тогда еще принца Фердинанда в археологической экспедиции крупнейшего румынского историка В. Пырвана на раскопках в Истрии, когда оба они занимались расшифровкой греческих и латинских надписей⁴.

Лишенный склонности к пышным дворцовым церемониям и явно тяготившийся строгими правилами протокола королевских приемов, Фердинанд лучше всего чувствовал себя, судя по отзывам редких неофициальных собеседников, в окружении книг, музыки и цветов. Цветами он мог заниматься часами и обладал как будто приличными знаниями в этой области ботаники. Но сколь различны были оценки этих увлечений Фердинанда со стороны знавших его людей! Одна из самых известных представительниц высшего света, бывшая своим человеком в королевском дворце Марта Бибеску (она оставила воспоминания о межвоенном периоде румынской истории, глядя на нее как бы изнутри пирамиды власти) отмечала необычное преобразование Фердинанда, слушавшего музыку любимого им Вагнера или находившегося в саду среди цветов. Пропадала его застенчивость и отстраненность от реального мира, какая-то одухотворенная красота появлялась в движениях его рук, прикасавшихся к цветам⁵.

Но не будем подозревать повелительницу светских салонов Марту Бибеску в особой женской чувствительности и предвзятости лестных оценок в адрес короля, отдыхавшего от земных проблем в цветущем саду. Видный политический деятель Ион Дука, уже при сыне Фердинанда Кароле II ставший премьер-министром и далекий от экзальтированной переоценки реалий румынской действительности, также вспоминал об удивительных изменениях облика, состояния и даже рук короля рядом с цветами и говорящего о них. Наблюдавший эту сцену, может быть, больше понимал человеческую натуру Фердинанда, когда видел цветок в его руках. Но в этих же руках находился и скипетр монарха в столь трудное для судьбы страны время⁶.

Совсем иную реакцию и, видимо, более распространенную в высших кругах монархии, выразил один из старейших представителей традиционной политической элиты, лидер консерваторов Ласкэр Катарджиу. Оценивая предстоящие перспективы Фердинанда еще в качестве наследника, он никак не мог забыть состоявшуюся между ними беседу, когда принц вдруг показал на наряженную рождественскую елку: это дерево прислали ему из дома как подарок семейства Зигмарингенов к Рождеству. Елка напоминала годы детства, далекую родину, семью, любимую ма-

тушку, которую он боготворил всю жизнь. Фердинанд поддерживал буквально культ матери — ее портрет и написанная ею акварель (очень светлая картина с видом Пояны Синайя, которую предпочитал король как свою резиденцию) висели как святые иконы над рабочим столом Фердинанда. Катарджиу посчитал и ностальгические воспоминания принца, и окружающую обстановку несерьезными для наследника престола, отвлекающими от выполнения государственного долга.

Боярину Л. Катарджиу предстояло сыграть к тому же весьма неблагодарную роль в личной жизни Фердинанда. Любовь принца к поэтессе Елене Вэкэреску — представительнице старинного румынского рода, по мнению руководства правящей тогда консервативной партии, "могла нанести ущерб интересам страны", так как в королевском дворце начало бы проявляться влияние знатного румынского семейства и их сторонников, что могло нарушить сложившийся при иностранной династии баланс политических сил. Катарджиу выпала обязанность напомнить престолонаследнику о его "вышем долге", чтобы заставить отказаться от женитьбы на Вэкэреску, поскольку "Вам этого нельзя, Ваше Высочество!". Взоры государственных мужей обратились за границу, и Фердинанду было рекомендовано обратить внимание на английскую принцессу Марию Эдинбургскую и Саксен-Кобург-Готскую, внучку королевы Виктории. Их брак был благословлен обоими монархами. В 1894 г. родился их первенец Кароль, который в 1915 г. был официально провозглашен наследником престола после Фердинанда.

Вступая на румынский престол в 1914 г., король Фердинанд обещал "без колебаний идти по стопам своего предшественника" и быть "добрым румыном"⁷. Эти последние слова были встречены в парламенте настороженно, даже с вопросом: "Если король будет проводить политику своего предшественника, а Карл всегда считался "добрым пруссаком", то куда приведет Румынию новый курс, когда страна стоит на пороге войны?". Опасения были связаны с тем, чтобы не дать прусской династии Гогенцоллернов раньше времени вовлечь Румынию в войну, не имея реальных доказательств ее исхода. Как поведет себя в этих условиях "добрый румын" Фердинанд?

Два года продолжался выгодный для Румынии нейтралитет. Все это время король держался в тени политики своего премьер-министра И.И. Брэтиану, который имел в своих руках все ключи румынской дипломатии и не преувеличивая, говорил об этом сам: "Я не делю ни с кем политику Румынии, это целиком мое дело"⁸. Основываясь на условиях конвенции, заключенной с Россией в 1914 г., Брэтиану торговался с союзниками умело и упорно, добываясь признания румынских претензий на всю Буковину по линии Прута, Банат и Трансильванию. Кроме того союзные державы должны были гарантировать место Румынии на мирной конференции и полное равноправие при выработке условий мира.

Торги шли с переменным успехом в зависимости от положения на фронтах войны. Не без колебаний склонившаяся к поддержке Антанты и тем не менее не порывавшая контактов с Центральными державами, румынская сторона искала возможности с минимальным риском вступить в войну, чтобы "пролитой кровью на полях сражений поставить печать на карте новых границ Румынии, воплотив в жизнь идеал национального объединения". С таким впервые откровенным заявлением выступил премьер Брэтиану на заседании Коронного совета, созванного Фердинандом 14 (27) августа 1916 г. для определения момента вступления в войну. Король поддержал призыв Брэтиану начать военные действия "теперь или никогда".

Вновь как и два года назад из среды сторонников Германии выступил П. Карп и заклинал короля отступить от рискованных планов ориентации на Антанту, поскольку война против Германии несет угрозу самой династии, ведь Фердинанд "выступает против своей немецкой семьи". Надо признать, что эта аргументация была сильным испытанием для короля, которого даже правящая политическая элита, не говоря уже о широких массах, воспринимала как "пруссака Фрица". Ответ Фердинанда показал, что монарх не случайно при вступлении на престол обещал быть "добрым румыном". "Вы ошибаетесь, — заявил он П. Карпу, — когда говорите об интересах династии. Я не знаю каких-то особых интересов. Династия будет следовать судьбе страны: либо победит вместе с ней, либо проиграет с ней". П. Карп бросил последний довод: "Гогенцоллерны не могут проиграть". Король быстро нашелся, ответив знаменательной реп-

ликой: "Вы заблуждаетесь, г-н Карп, один уже побежден" и показал на себя, чем внес разрядку в дискуссию присутствовавших на Коронном совете⁹. Решение было принято. Вечером того же дня король подписал приказ о мобилизации, румынский посол в Вене объявил о выступлении Румынии против Австро-Венгрии. На другой день 15 (28) августа 1916 г. такую ноту получило и германское правительство.

Императорский двор в Германии объявил Фердинанда предателем. Вильгельм II как глава семейства Гогенцоллернов повел вычеркнуть его имя из состава семьи и генеалогии рода. А семейство Зигмарингенов ввело траур по своему румынскому родственнику как по покойнику.

Сообщения о реакции Берлина глубоко ранило Фердинанда больше всего, вероятно, личной направленностью выпадов против него, поэтому в дальнейшем он не раз при случае затрагивал тему своей личной причастности к судьбе Румынии. К тому же он должен был чувствовать уязвленность в связи с определенным отстранением его от руководства внешней политикой и появлением на первом плане соперничающего лидера и искусного дипломата И.И. Брэтиану. Можно предположить также, что Фердинанд отдавал себе отчет в том, что правительство Брэтиану использовало его для введения в заблуждение правящего дома Германии и Австро-Венгрии относительно проводимых закулисных переговоров с державами Антанты.

Как бы отвечая своим оппонентам и противникам, Фердинанд не случайно, конечно, начал подчеркивать преемственность роли великих румынских господарей и правящей монархии в осуществлении многовековой национальной идеи "объединения всех румын и земель, на которых они проживают". "Для меня не имеют значение ни мое происхождение, ни моя семья, взятые отдельно от Румынии, — вновь и вновь возвращался король к тезису о неразрывности интересов монархии и румынского народа, заключавшихся в том, чтобы: "воссоединить всех сынов родины-матери в единое государство". — Наша война — это святая война. Остаться вне ее было бы действительным предательством к памяти наших предков и всех будущих поколений румын... Быть единым с народом в его помыслах и судьбе — такова моя высшая обязанность как короля; но осуществить завет предков — такова еще более тяжелая обязанность перед Богом, перед со-

бой, перед страной и историей", — заявил Фердинанд в интервью одному французскому агентству в начале войны, как бы предвосхищая грядущие для Румынии испытания¹⁰.

«Колесо военной фортуны, благосклонно позволившей на первых порах румынским войскам успешно продвинуться в походе по Трансильвании, две недели спустя после начала военных действий повернуло вспять. Немецкие войска под руководством Макензена с юга и армия Фалькенгайна с севера окружили плохо вооруженные, недостаточно обученные и дезорганизованные своим командованием румынские армии, сломили их сопротивление, а 23 ноября (6 декабря) немцы заняли Бухарест. Войска, правительственные учреждения, часть членов парламента эвакуировались в Молдову, столицей неоккупированной румынской территории стали Яссы, более 2/3 страны было занято противником. Румынские войска и посланные Россией на помощь русские армии летом 1917 г. после успешных контрнаступательных сражений (вошедших в историю как "победы румынского оружия под Мэрэштъ, Ойтуз и Мэрэшешть") выправили линию фронта и стабилизировали военную обстановку.

Правительство Брэтиану, находившееся на грани краха, было спасено, но престиж самого премьера и возглавляемой им национал-либеральной партии, на которых возлагалась вина за участие Румынии в войне, за оккупацию и разорение страны, колоссальные военные потери более 800 тыс. человек, пал как никогда низко. Оппозиционные партии во главе с консерваторами требовали предать суду "виновников национальной трагедии". Первые атаки на правительство сдерживал сам король. Он же взял на себя главную роль защитника порядка и устоев государства, когда разразившийся в России революционный пожар весной 1917 г. начал угрожать своими искрами и взрывоопасной ситуации в Румынии.

Румынский политический истеблишмент всегда отличался искусным умением своевременно делать разумные выводы из опыта своих партнеров и ближайших соседей, выбирая в конечном итоге компромиссные варианты в своей внутренней и внешней политике. Тому свидетельство и поведение власть имущих в роковом 1917 году.

Пережив известия о падении империи Романовых и первый шок от оккупации врагом большей части румынской территории,

Фердинанд срочно отправился на фронт, к войскам действующей, а вернее бездействующей и потерявшей боевой дух, армии, чтобы там среди солдат в окопах объявить королевские декреты о переходе к реформам в стране. Сделан был самый главный и давно ожидаемый страной шаг — обещано проведение аграрной реформы с наделением крестьян землей и в первую очередь солдат после окончания войны. Одним этим декретом король завоевал расположение солдатской массы и румынской деревни. Объявление о предстоящей реформе избирательного права с предоставлением его всем гражданам и отменой сословных ограничений выбило почву из-под ног у румынских революционеров-агитаторов, призывавших "сделать так, как в России".

Стихия возникавшего народного бунта была приостановлена. А победы в летней кампании 1917 г. возродили патриотизм в различных слоях румынского общества, и низы, и верхи которого были объединены одним стремлением — освободить родину от германских оккупантов. В выступлениях государственных деятелей, политических лидеров, в печати того времени преобладали мотивы об "исторической предопределенности единства румынской нации", которая в разные века "приносила свои жертвы на алтарь общей победы национального идеала"¹¹.

Достаточно представить себе ситуацию в Румынии, посмотрев на нее изнутри в конце 1917 года: с воодушевлением вступая в войну за "святые национальные идеалы", страна оказалась поруганной сапогом чужеземного солдата, на другой, небольшой части ее территории находилась столь же чужая, уставшая и раздираемая революционными противоречиями русская армия, западные союзники заняты своими судьбами, а на границах ближайших соседей оживились национальные движения, вслед за крушением российской монархии зашаталась трона окружавших Румынию империй. В этом хаосе войны румынская монархия вновь использовала пример своего восточного соседа: каждый по-своему искал возможности выйти из войны, путем сепаратного мира обеспечить "передышку".

Подписав 24 ноября 1917 г. перемирие в Фокшанах с уполномоченными Четверного союза в тот момент, когда в Бресте представители большевистской России заключили перемирие на русско-германском фронте, для спасения своего престижа румын-

ское правительство должно было найти цель, которая оправдывала бы принесенные жертвы, вселяла оптимизм и обещала вполне достижимый успех. Такой целью виделась Бессарабия.

С благословения короля, немецкого командования, бывших западных союзников под новый 1918 г. румынские войска пошли "освободить своих братьев за Прутом", оставив под оккупацией собственную территорию. О том, что этот поход на Восток румынская олигархия предприняла по согласованию с обеими воюющими сторонами и более того, что ее территориальные притязания вписывались в дальнейшие планы и немецких и союзных штабов в борьбе против Советской России, свидетельствует А. Маргиломан — бывший премьер-министр и генерал, приложивший свои силы для оформления захвата Бессарабии инсценировкой в Кишиневе "свободного волеизъявления" ее населения о присоединении края к "родине-матери Румынии". Генерал Маргиломан записал в дневнике о пожеланиях Ж. Клемансо относительно сотрудничества Румынии с Украинской радой и белогвардейским движением; немецкое командование также учитывало взаимодействие с румынами, отмечая: "Русская анархия привела к созданию своего рода братства. Вы боретесь против большевиков в Бессарабии; мы вступили на Украину с той же целью"¹².

Присоединение Бессарабии было первым шагом на пути к созданию "Великой Румынии", к осуществлению идеи "единой румынской нации в ее этнических границах". В обмен на признание свободы рук в Бессарабии румынское правительство вынуждено было согласиться на подписание тяжелого и позорного мирного договора с Германией 24 апреля (7 мая) 1918 г. Однако Фердинанд отказался ставить подпись под документами этого договора, тем самым спасая политическую репутацию монархии. Противопоставив свою волю правительству А. Маргиломана и парламенту, который ратифицировал договор, нарушавший суверенитет и территориальный статус-кво Румынии, король сделал главное в тех условиях: авторитетом монарха он спасал целостность государства и национальную идею как оплот единства румынского общества среди хаоса войны.

Между тем позиция Фердинанда как бы приоткрывала дверь для возможного возвращения Румынии в стан Антанты, если последняя подтвердила бы свою благосклонность, а вместе с тем и прежние гарантии.

В начале октября 1918 г. румынский король получил от Ж. Клемансо такой благожелательный сигнал с подтверждением, что для Румынии настало время выступить. 23 октября (5 ноября) президент США В. Вильсон в свою очередь заверял Яссы, что его правительство "не относится с безразличием к пожеланиям румынского народа как в королевстве, так и вне его границ"¹³. Король срочно отправил в отставку герmanoфила А. Маргиломана, двумя днями позднее денонсировал Бухарестский румыно-германский мирный договор, германскому командованию в Бухаресте был предъявлен ультиматум о выводе войск и сложении оружия в 24 часа.

Спешка оправдывала желание румынского правительства успеть вернуться в лагерь союзников. Спустя сутки, 29 октября (11 ноября) 1918 г. первая мировая война окончилась, и Румыния оказалась среди победителей за день до окончания войны — искусство почти невозможного!

В результате распада Австро-Венгрии создались условия для объединения Трансильвании с Румынией, в этом было обоюдное стремление румын по обе стороны Карпат. В ходе вспыхнувшей в Венгрии революции национальная партия трансильванских румын развернула движение за самоопределение края с большинством румынского населения. В свою очередь на помощь братьям-трансильванцам поспешили румынские войска. 18 ноября (1 декабря) 1918 г. в г. Алба-Юлия собрались делегаты национального собрания румын Трансильвании и более 100 тыс. местных жителей. Этими многотысячными голосами была выражена воля румын к объединению. Почитавшаяся в румынской истории Алба-Юлия как символическая колыбель румынского народа, впервые воссоединенного под скипетром Михая Храброго в 1600 г., которому на краткое время удалось объединить три румынских княжества — Молдову, Валахию и Трансильванию в попытке создать централизованное государство, эта историческая земля Албы-Юлии в 1918 г. ознаменовала триумф национальной идеи. Идеи, выразившейся в осуществлении многовековой мечты о единстве земли, нации и государства. Судьба вручила венец объединителя Фердинанду, вписав его имя на Триумфальную арку первым королем "Великой Румынии".

Для возрождения государства, побывавшего на грани краха, а теперь с территорией и населением, увеличившимися более чем вдвое, и обремененного проблемами не только военной разрухи, но и отличающимся уровнем развития присоединенных земель, нация должна была обрести волю к созиданию, консолидации внутреннего единства. В условиях всеобщей внутренней и внешней нестабильности обращение правящих кругов страны к реформам спасло румынское общество от перспективы революционных потрясений и затяжных национальных конфликтов в новых провинциях. Монархия придавала нации эту волю. Ибо являлась воплощением преемственности власти при сменявшихся друг друга правительствах, борющихся партиях, отсутствии долгосрочных программ экономического оздоровления. Именно в послевоенный переходный период монархия символизировала стремление к устойчивости в условиях проведения обновляющих реформ.

Власти приступили к реформе избирательного законодательства, предоставив право участия в выборах всему мужскому населению страны и упразднив прежнюю цензово-куриальную систему. Наступила очередь и аграрной реформы, которая должна была наделить землей более 2 млн безземельных крестьян. Со скрипом и отступлениями от закона, но эта реформа внедрялась в румынскую деревню, снимая классовое напряжение в социально взрывоопасных слоях крестьянства. Деревня отказалась от борьбы в ожидании перемен.

Король манипулировал, сменяя правительства, перекладывая на отдельных политических лидеров вину за бедственное положение масс, за хаос в экономике. Он сталкивал зарождавшиеся мелкие партии и их амбициозных лидеров в борьбе за приближение к кормилу власти. Но это был путь парламентской борьбы, политическая активность низов канализировалась в мирное русло избирательных кампаний. Когда накал политической активности новых партий ослаб и начался процесс неизбежной консолидации позиций старой и по-прежнему сильной национал-либеральной партии (НЛП) во главе с семейством Брэтиану, король лично стимулировал сближение казалось бы столь различных по социальной базе и программам цэрэнистской (крестьянской) партии Й. Михалаке и национальной партии городских слоев буржуазии, возглавляемой Ю. Маниу и объединявшей в основном представителей трансильванского населения. Фердинан-

ду необходима была вторая крупная политическая сила в противовес либералам и всесильному клану Брэтиану, который претендовал быть "второй династией" в стране. И этот второй центр в партийной системе создала объединенная национал-цэрэнистская партия, которая во второй половине 20-х годов соперничала с НЛП, создавая устойчивый баланс политических сил для функционирования механизма власти.

Именно при Фердинанде была принята в 1923 г. новая конституция, заложившая основы для развития демократических процессов в рамках конституционной монархии и жестко централизованного управления: получили закрепление политические права и личные свободы граждан, укреплялось положение судебной ветви власти, парламент расширял полномочия как законодательная власть в стране. Важно подчеркнуть, что эта умеренно-демократическая модель политической системы, центральное место в которой сохраняла монархия, внедрялась с помощью "державной руки" самого короля в попытке вывести страну на путь сближения с европейскими демократиями. Не в последнюю очередь эти намерения диктовались и начавшимися после войны процессами экономической модернизации, которая развивалась в значительной степени на базе расширения экономических отношений с Западом, привлечения иностранного капитала.

Усвоенный румынскими верхами урок революционной опасности, преподнесенный рухнувшими империями и соседними государствами, пережившими революцию — как Венгрия или массовое восстание — как Болгария, заставил различные политические круги Румынии сплотиться вокруг монархии, как бы ни были велики раздоры противоборствующих сил. Не случайно после 1918 г. ни одна политическая партия, организация или массовое движение не выдвигали лозунга "Долой монархию!" (в том числе даже образовавшаяся в 1921 г. и довольно быстро поставленная под запрет из-за своей позиции непризнания присоединения Бессарабии, ориентированная на Москву и Коминтерн Коммунистическая партия Румынии). "Один король, одна нация, одно государство" — этот постулат пронизывал конституцию "Великой Румынии" и в определенный момент создавал основу для общественного умиротворения.

Болезнь Фердинанда в 1925 г. пошатнула опоры сложившегося баланса политических сил. На горизонте появлялась фигура

наследника Кароля, не скрывавшего своих претензий на более авторитарное правление, на единоличную власть, без вмешательства вездесущего И.И. Брэтиану, без оглядки на строптивых лидеров национал-цэрэнистов, имевших популярность в низах. Кароль был опасен политической элите, и она сумела избавиться от него, используя как повод фактический разрыв престолонаследника со своей семьей и его проживание за границей. Перед Фердинандом был поставлен вопрос об отстранении Кароля от наследования престола. В рождественские дни января 1926 г. Коронный совет и Фердинанд приняли акт отречения Кароля и наследником был объявлен малолетний Михай¹⁴, внук и, может быть, последняя надежда пережившего зенит своего правления Фердинанда. Отстранение сына Кароля от престола было слишком сильным ударом для больного короля. Больше к активной жизни в политике он практически не возвращался. Скончался Фердинанд 20 июля 1927 г.

С ним отошла память о великих свершениях 1918 года. Румынская монархия вступила в полосу кризиса: прежние власти — и Фердинанд, и вслед за ним всемогущий И.И. Брэтиану сошли с политической сцены, а введенное при малолетнем Михеа регентство упустило бразды правления. Доверие к власти падало. Страна оказалась перед выбором новых государственных приоритетов, которые обеспечили бы ей решение тех самых задач, что стояли и перед соседними государствами Восточной Европы и соответствовали периоду перехода к урбанизированному, индустриальному обществу. Этот переход настоятельно требовал и обновления политической системы, системы власти на принципах широкой демократии.

Послевоенное румынское государство под сенью монархии во главе с Фердинандом формировалось на этнической основе, идея нации доминировала над идеей политической демократии и свободами гражданского общества. С ослаблением института монархии в конце 20-х годов у Румынии был шанс принять новую либеральную идею западных демократий. Но предъявив свои права на королевский престол, в политическую борьбу за власть вступал Кароль. Но эта страница уже другой истории.

Примечания

- 1 Цит. по: Очерки политической истории Румынии. 1859–1944. Кишинев, 1985, с. 160.
- 2 *Adevărul*. 1914, 24 iulie.
- 3 *Diamandi S.* Galeria oamenilor politici. Buc., 1991, p. 8.
- 4 *Ibid.*, p. 6.
- 5 *Bibescu M.* Două portrete. Buc., 1930.
- 6 *Duca I.G.* Portrete și amintiri. Buc., 1934, p. 20.
- 7 Cuvîntări de Ferdinand I regele României adunate și publicate de N.A. Vasilescu. Brăila, 1931, p. 55.
- 8 *Dezbaterile Adunării Deputaților*. 1914–1915. (f.a.), p. 29.
- 9 Cuvîntări de Ferdinand I regele României...,
- 10 *Marghiloman A.* Note politice. 1897–1924, vol. II. Buc., 1927, p. 144.
- 11 *Iorga N.* Istoria românilor. Vol. X. Buc., 1939, p. 262, 317; *Averescu A.* Notițe zilnice din război (1916–1918). Buc., 1936, p. 304.
- 12 *Marghiloman A.* Note politice. Vol. III. Buc., 1927, p. 356.
- 13 Очерки политической истории Румынии..., с. 191.
- 14 *Mușat M., Ardeleanu I.* România după Marea Unire. Vol. II, part. 1. Buc., 1986, p. 799.

ЧЕХОСЛОВАКИЯ

Е.П. Серапионова

ТОМАШ ГАРРИГ МАСАРИК 1850—1937

Как бы ни оценивали Т.Г. Масарика его современники и потомки, несомненно одно — Томаш Масарик является центральной фигурой чехословацкой истории XX века. Он прожил долгую жизнь, появившись на свет в середине прошлого столетия и впитавши в себя традиции, дух и идейное наследие века минувшего.

О Масарике написаны многочисленные воспоминания, обширные статьи посвящены его политической деятельности и философским взглядам, толстые тома живописуют его биографию на разных языках мира. Интерес к его личности объясняется многогранностью и богатством натуры Т. Масарика: он был и литератором, и философом, и социологом и политиком, — во всех областях добываясь признания. Этот интерес не ослабевает и в настоящее время: в Праге уже несколько лет существует Институт Масарика — научный центр исторических и политологических исследований. Идеи Масарика — идеи гуманности и демократии — в известной степени определяют политическую жизнь чехословацкого общества и сегодня.

Личность такого масштаба как Масарик принадлежит не только национальной истории, но и европейской цивилизации, всемирной истории. И вместе с тем Т. Масарик именно национальный герой, окончательно разработавший и воплотивший в жизнь национальную идею, восстановивший государственность, наметивший демократическую линию развития независимой чехословацкой республики.

Томаш Масарик родился на юге Моравии в небольшом городке Годонине 7 марта 1850 г. Его отец Йозеф Масарик, словак из Копчан, служил у хозяина кучером. Он умел читать, но так никогда и не освоил письмо¹. Мать Тереза, урожденная Кропачек,

чешка, родом из Густопече, одно время работала в Вене служанкой. В семье говорили на словацком и немецком языках. Детство Томаша прошло в сплошных переездах, продолжавшихся до тех пор пока отец не оставил службу. Несмотря на трудности материального порядка, в семье царили лад и спокойствие. Вместе с Томашем в семье росли еще два брата. Средний – Мартин – выучился на торговца, но умер рано, на воинской службе в Вене. Младший брат – Людвиг – приобрел профессию печатника и одно время работал в типографии в Густопече, а позднее открыл в Праге на Водичковой улице кафе моравских вин (винарню), которое вскоре стало излюбленным местом встреч писателей и журналистов. Он также прожил недолго, скончавшись накануне первой мировой войны.

Томаш поступил в начальную немецкую школу, когда ему еще не было и 6 лет. После окончания 2-х классов низшего реального училища мать отвезла его в Вену для обучения слесарному делу². Однако это ремесло не пришлось ему по душе, оно было для него слишком нудным и неинтересным. Свободное время Томаш проводил за чтением книг и мечтами о путешествиях, изучая карты и атласы. Когда же у него пропал любимый атлас, он сбежал из Вены домой. Там его отдали учиться на кузнеца. Но по просьбе густопеческого профессора Людвика и по настоянию матери, считавшей, что образование даст сыну возможность вырваться из окружавшей его среды³, Томаш продолжил учебу сначала в Чейковицах, а затем в немецкой гимназии в Брно. Учился он с охотой, самостоятельно освоил польский и французский языки, но примерным учеником никогда не был. Слишком большая самостоятельность в оценках и суждениях нередко становилась причиной его конфликтов с учителями и директором. В результате одного из конфликтов ему едва удалось избежать исключения из гимназии без права поступления в другие учебные заведения. Помог ему, как ни странно, шеф полиции, с большим сыном которого занимался Томаш. Переезжая на службу в Вену, он взял юношу с собой. В Вене Масарик стал посещать известную академическую гимназию. Томаш учился хорошо, правда нередко предпочитал заниматься самостоятельно в университетской библиотеке, а не в школе. В это время он изучил английский и русский языки. В 1872 г. он поступил на философский факультет, выбрав

отделение классической филологии. После смерти брата Томаш оставил филологию и занялся естественными и социальными науками. Одним из любимейших предметов для Масарика стала социология. В это время он опубликовал серию статей о политической теории и практике, о патриотизме, о законах и просвещении, о будущем славянства. Затем он перешел к изучению философии. Его диссертация была посвящена трактовке Платоном сущности души. В 1876 г. он становится доктором философии. Кроме интенсивной преподавательской и научной работы Масарик активно включился в общественную деятельность: стал старостой Чешского академического союза, организовал лекторскую работу среди рабочих. Он выступал за широкое сотрудничество интеллигенции и рабочего класса, верил в необходимость и возможность социализации общества. У него появился псевдоним Властимил.

Уехав со своим приятелем на каникулы в Рим, а затем в Лейпциг, он знакомится там со своей будущей женой американкой из Бруклина Шарлоттой Гарриг. Их свадьба состоялась 15 марта 1878 г. во время его 14 дневной поездки в Америку. Молодожены поселились в Вене, где жили очень скромно, если не сказать бедно. Масарик усиленно трудился. Одна из его работ этого периода называлась "Самоубийство как распространенное общественное явление современности". В 1879 г. у них родилась дочь Алиса, а еще через год сын Герберт. В это время Т.Г. Масарик переживает серьезный духовный кризис, который закончился его переходом в евангелистскую церковь. Согласно воспоминаниям, "его разум был протестантским, но сердце оставалось на стороне весьма набожной матери-католички"⁴. Он был весь поглощен религией, часто ходил в церковь со сборником духовных песнопений и даже подумывал оставить профессию и стать пастором. Его философские построения всегда основывались на религиозных канонах.

После разделения Пражского университета Масарик переходит в Чешский университет и начинает читать там лекции по философии, а уже через год, в 1882 г., получает звание доцента.

Вскоре Масарик начал издавать газету литературного и научного профиля "Атенеум". На страницах этого издания он сам часто участвует в острых литературных дискуссиях, одной

из которых стала полемика о так называемых "старочешских" рукописях. Несмотря на патриотический настрой, Масарик всегда оставался предельно честным в своих научных изысканиях и поставил под сомнение подлинность этих документов.

В 1889 г. Т.Г. Масарик, Й. Кайзл* и К. Крамарж** организовали группу вокруг издаваемого ими еженедельника "Час"⁵. По аналогии с русскими писателями-реалистами группа получила название чешских реалистов. Накануне парламентских выборов реалисты заключают соглашение с Национальной партией свободомыслящих (младочехами)^{***}. Платформой объединения реалистов и младочехов стал проект национальной программы, большую роль в подготовке которого сыграл Масарик. В нем было сформулировано требование федерализации Австрии, а затем и всей империи. На выборах 1891 г. все трое лидеров реалистов становятся депутатами австрийского парламента. Депутатская деятельность Масарика продолжалась два с половиной года и была достаточно заметной. На одном из заседаний палаты в 1892 г. он заявил: "Мы хотим независимости и самоопределения чешского народа, хотим полноценного национального существования"⁶. Один из австрийских депутатов назвал Масарика за эти слова предателем, но был освистан чешскими депутатами. У Масарика имелась своя тактика. Он признавал государственное историческое право, но дополнял его принципом естественного права наций на самоопределение. Будучи реально мыслящим

*Кайзл Й. (1854–1901) – чешский политик, педагог, научный и государственный деятель, профессор экономики Пражского университета, депутат австрийского парламента, в 1898–99 гг. министр финансов.

**Крамарж К. (1860–1937) – чешский либеральный публицист и политик, депутат чешского сейма и австрийского рейхсрата, лидер младочехов, а затем национально-демократической партии, первый председатель правительства ЧСР.

***Либерально-демократическое крыло Национальной партии, выделившееся в самостоятельную партию, программа которой предусматривала в качестве конечной цели признание за землями чешской короны "самостоятельной государственной жизни" в рамках Австро-Венгрии.

политиком, он учитывал сложившуюся ситуацию, но не мог согласиться с неизменностью существующего порядка.

В 90-е годы прошлого века активизируется деятельность Масарика по всем направлениям, и главным образом, его работа на политическом и литературном поприщах. Он также возвращается к преподавательской деятельности и в 1897 г. становится профессором философии Пражского университета. Одновременно с этим он начинает редактировать газету "Наша доба", на страницах которой стремится сформулировать концепцию чешского национального развития. Вскоре из газетных статей и университетских лекций появилось несколько работ, имевших принципиальное значение: "Чешский вопрос", "Наш современный кризис", "Ян Гус", "Карел Гавличек", "Социальный вопрос". В них была изложена философская доктрина Масарика, в дальнейшем положенная в основу чешской национальной программы. Последняя из этих работ имела подзаголовок "Социальная и философская критика марксизма". В ней Масарик опровергал исторический материализм и идею Маркса о революции как "насильственной эволюции". Он писал: "Я против революционности потому, что верю в эволюцию и прогресс... Всеобщий экономический коммунизм я и в будущем считаю невозможным и не признаю социальным идеалом, так же как не признаю и требование материального равенства"⁷. Вместе с тем он положительно относился к идеям социализма в духе левого либерализма. Модель общественного развития у Масарика была очень близка взглядам социал-демократов-реформистов того времени. Его философия основывалась на индивидуалистском подходе. В центре всего для него стояла личность и ее интересы, а общество понималось им лишь как сумма индивидуумов. Большое внимание он уделял проблемам духовного и нравственного усовершенствования каждого как важнейшего пути обновления общества. "Без коренного изменения сердца и ума, без перемены мышления и нравов мы можем революцией устранить дьявола, но лишь для того, чтобы на его место посадить Вельзевула"⁸, — подчеркивал он.

В конце века в жизни Масарика случился неприятный инцидент. Он выступил за пересмотр решения нашумевшего судебного процесса, в ходе которого еврей Леопольд Гильснер был без достаточных на то оснований обвинен в убийстве молодой чеш-

ской девушки. Антисемитская кампания, развязанная против обвиняемого, обрушилась и на его "защитника" Масарика. Студенты провели демонстрации у его дома и на факультете, против него появились выпады в прессе. Масарик болезненно воспринял поведение студентов и коллег по университету, что явилось причиной его отъезда из Праги.

В 1900 г. Масарик становится лидером новой партии, получившей название Народной. В конце 90-х годов он разочаровался в политике младочехов, разошелся с Кайзлом и Крамаржем, обвинив последнего в том, что тот слишком ушел вправо, чересчур доверяет династии и страшится Австрии. Создание новой партии оказалось сложным делом. Масарик хотел, чтобы программные документы, национальные идеалы и тактические лозунги были увязаны в логическое целое. Он подчеркивал, что гуманистические идеалы чешского национального развития в его понимании не являются абстрактными, а предполагают интенсивную практическую деятельность. Созданная им Народная (позднее прогрессивная) партия, или так называемые реалисты, была немногочисленной, в основном представляла либерально и радикально националистически настроенную интеллигенцию и студенчество. В нее входили люди высокой политической культуры, которым одинаково чужд был как показной радикализм, так и пассивный оппортунизм. В этот период взгляды Масарика окончательно принимают антиавстрийскую направленность, так как он считал Австро-Венгрию государством несправедливым и недемократичным. На учредительном съезде партии 31 марта – 1 апреля 1900 г. была принята ее программа, в которой Масарик сформулировал новое понимание государственного исторического права: "Мы добиваемся прежде всего так называемого естественного права, ему мы придаем содержание права исторического... Не переоценивая государственно-правового самосознания чешского народа, мы понимаем историческое право... преимущественно в национальном и экономическом смысле; наша политическая тактика будет направлена на достижение политической самостоятельности чешского народа".⁹ Давая предпочтение естественному праву над историческим, он ставил себя в оппозицию ко многим чешским историкам и политикам. Далее в программе были сформулированы принципиальные требования партии. Она выступала за совер-

шенствование конституции и общественного устройства в духе последовательного демократизма, за как можно более широкую автономию земель, ответственность земских наместников перед сеймами, всеобщее равное прямое и тайное избирательное право, национальное разграничение судебных и избирательных районов и административных округов, культурную взаимность со славянскими народами, против угнетения словаков венграми в языковом, экономическом, национальном и культурном отношениях, за равноправие всех австрийских народов, увеличение числа средних чешских школ и т.д.¹⁰

Первые годы XX столетия ознаменовались непрерывающейся борьбой по целому комплексу проблем. Эти идейные сражения велись на страницах газет и журналов, на многочисленных собраниях и лекциях. В это время были нередки столкновения Масарика с представителями католического клира, которые обвиняли его в попытках разрушения веры. На самом деле все обстояло далеко не так. В 1906 г. вышла книга Масарика "Интеллигенция и религия". В чешской литературной среде на рубеже веков Масарик был едва ли не единственным философом и политиком, считавшим веру одним из важнейших вопросов в жизни человека. Если он и вступал в спор с католическими священниками, то не по атеистическим соображениям, которые начисто отвергал, а из-за чрезмерной приверженности католической церкви к австрийскому государству, срастания государственных структур и церкви, неискренности и лицемерия отдельных церковных представителей.

Летом 1902 г. Масарик был приглашен читать лекции в университет в Чикаго. Успех его лекций был отмечен тем, что он стал почетным доктором Чикагского университета.

В начале века в Австрии развернулась борьба за всеобщее избирательное право. Масарик включился в эту борьбу, читая лекции перед рабочими. В январе 1907 г. всеобщее избирательное право было узаконено, а в мае были проведены выборы в австрийский парламент. Масарик был вновь избран депутатом. С особым вниманием он следил за политикой великих держав на Балканах. На съезде партии в самом начале 1913 г. он впервые предсказал начало будущей мировой войны. В этом же году вышла его большая работа "Россия и Европа".

После начала первой мировой войны на страницах "Нашей добычи" Масарик опубликовал статью "Война", в которой анализировал главные причины войны и ее основной мотив, представлявшие ему в столкновении экономических интересов и военно-политической борьбе за преобладание в мире. В первые же месяцы войны встал вопрос о поисках объективной информации для лучшей ориентации и сплочения круга единомышленников. После нескольких вояжей за информацией в Голландию Масарик предложил организовать тайное общество, позднее получившее название "Маффия". В деятельности этой организации участвовали представители большинства чешских партий. Ее секретарем стал сподвижник и друг Масарика Э. Бенеш*. В декабре Масарик выехал за границу, сначала в Рим, где установил контакты с дипломатическими кругами, а затем в Швейцарию. Вместе с некоторыми другими чешскими эмигрантами он занялся организацией чешской колонии за границей. В марте 1915 г. Масарик направил всем эмигрантским организациям послание, где изложил программу действий. Затем он перебрался из Швейцарии в Париж и основал еженедельник "Чехословацкая независимость". В Париже он понял, что чешский вопрос на Западе неизвестен**. Началась огромная просветительская и пропагандистская работа, большую помощь в которой оказывал ему французский исто-

*Бенеш Э. (1884—1948) — чешский политик и государственный деятель, с 1912 г. доцент, а с 1921 г. профессор социологии Пражского университета, в 1915—1919 гг. деятель заграничного сопротивления, в 1919—1935 гг. министр иностранных дел, с 1935 г. президент ЧСР.

**Чешские земли еще в XVI веке подпали под власть Габсбургов. С конца XVIII столетия началось движение чешского возрождения. Лучшие чешские умы на протяжении всего прошлого века выступали в защиту культурно-языковой самобытности чехов. Масарик подхватил эту "эстафету": разработал национальную программу, составной частью которой являлся тезис о полном экономическом и политическом равноправии всех "австрийских" наций. Планы строительства независимого чешского государства появились лишь накануне первой мировой войны, обрели реальные очертания в ходе войны и были напрямую связаны с победой союзников и распадом империи Габсбургов.

рик Э. Дени, издававший журнал "Чешская нация". Чтобы чешские эмигрантские деятели могли выступать от лица какой-либо организации; ими был создан Чешский заграничный комитет. Его председателем стал Т.Г. Масарик. 14 ноября 1915 г. в Париже было опубликовано заявление Чешского заграничного комитета о том, что чешская колония за границей встает на сторону сражающихся славянских народов и их союзников в войне против Австро-Венгрии и Германии. Кроме всего прочего в заявлении говорилось: "Мы боремся за независимое чешское государство... Мы потеряли веру в жизнеспособность Австро-Венгрии, не признаем уже оправданность ее существования... Дуалистическая Австро-Венгрия стала угнетателем немецких и венгерских народов, является преградой миру в Европе и превратилась в инструмент захватнической политики Германии на Востоке без собственной позитивной цели, неспособна образовать органическое государственное целое равноправных, свободных и культурно развивающихся народов..."¹¹. Чешский заграничный комитет в феврале 1916 г. поменял название на Чехословацкий национальный совет, непосредственной задачей которого стала организация независимого чехословацкого войска.

Осенью 1915 г. Масарик перебрался в Лондон. Работа в Париже была продолжена Э. Бенешем и М.Р. Штефаником*. В Лондоне предстояло начать все сначала. Но уже через несколько месяцев подготовительной работы был основан еженедельник "Новая Европа", и к решающему 1918 г. Масарик имел много сторонников среди английских политических деятелей и пользовался поддержкой общественного мнения Англии.

Вот как описывал встречу с Масариком в это время чешский журналист В. Бенеш: "Мы сидели в простеньком лондонском ресторанчике за чашкой кофе. Масарик в простой, но проникновенной манере говорил о нашей борьбе". Он считал, что в Европе до тех пор не будет прочного мира, пока идея демократии и принципы свободы для каждого — в том числе и малых народов — не станут реальностью. Речь зашла о финансовых проблемах. "Я по-

*Штефаник М.Р. (1880—1919) — словацкий естествоиспытатель, журналист и дипломат, в 1918—1919 гг. военный министр ЧСР, погиб в авиакатастрофе.

советовал ему обратиться за помощью непосредственно к некоторым нашим людям". Он отказался, сославшись на то, что каждый чех сам должен осознать свой долг. "Его глаза, их взгляд говорили о том, что он болеет за дело. Он так мягко по-братски смотрел на меня. Никогда не забуду этот взгляд, он для меня как лучший подарок. Звучал его голос, в котором чувствовалось пережитое за эти трудные годы. В нем самом было что-то близкое, родное и вместе с тем исключительное, что я не могу четко выразить. Я вижу его перед собой, его полужакрытые глаза, морщинки на высоком челе, слышу его голос: "За эти два года за границей я едва ли проспал и 3 ночи"¹².

И усилия Масарика увенчались успехом. В ноте держав Согласия от 10 января 1917 г., содержащей ответ союзников на мирные предложения Вильсона, говорилось, что одной из целей союзных держав в войне является "освобождение итальянцев, румын, чехов и словаков от иностранного господства"¹³. Это явилось первой крупной победой чехословацкого сопротивления за границей.

Узнав о февральских событиях в России, Масарик послал телеграмму председателю российской Думы с приветствиями и поздравлениями, одновременно с этим он заверил министра иностранных дел П.Н. Милюкова, что чехословацкий народ поддерживает русскую революцию. Т. Масарик рассматривал мировую войну как столкновение двух систем — Западной демократии и монархических консервативных режимов Центральной и Восточной Европы. Царская Россия в стане союзников не укладывалась в созданную им схему. Именно поэтому февральскую революцию, покончившую с монархией и провозгласившую свободу и демократию, Масарик воспринял как логическое следствие позиции России в войне. Однако события в России нарастали как снежный ком, и никто на Западе не мог предсказать их дальнейшего развития. В этой ситуации Масарик решает выехать через скандинавские страны на Восток, чтобы на месте уяснить себе, что чехи и словаки могут ожидать от России. В мае 1917 г. он прибыл в Петроград, а уже в июне в "Таймс" были опубликованы его рассуждения о шансах сохранения России в стане союзников. Хотя А.Ф. Керенский твердил о военном наступлении и верности союзническому долгу, Масарик уже тогда советовал союзным

державам больше не рассчитывать на Россию. Чешские политические требования не находили особой поддержки в российском обществе, раздираемом собственными противоречиями. Русские социалисты считали чехословацкое движение за независимость проявлением национализма, а чешский вопрос склонны были рассматривать как внутреннее дело Австро-Венгрии. Масарик находил понимание лишь у небольшой группы социал-демократов во главе с Г.В. Плехановым, народных социалистов ("Воля России") и "бабушки русской революции" К. Брешковской¹⁴. Тем не менее Т. Масарик использовал любую возможность, чтобы обратиться к чехам и словакам, повлиять на российских политических и государственных деятелей: выступал в печати и с лекциями, рассылал своих агитаторов по всей России. Он стоял за полную победу Антанты и отвергал лозунг о мире без аннексий и контрибуций. Свою задачу в России он видел в организации независимого чехословацкого войска из пленных чехов и словаков. И это ему удалось. В 1917 г. чехословацкие части в России насчитывали уже около 30 тыс. человек. Масарик с самого начала стремился к тому, чтобы чехословацкое войско не принимало участия в борьбе российских политических сил. Он был уверен, что чехословацкие воины не должны вмешиваться в русские дела вообще, не хотел, чтобы гражданская война в России отвлекала чехов и словаков от главной цели — борьбы за собственную независимость и разъединяла бы их на враждующие лагеря. 15 октября 1917 г. между Филиалом Чехословацкого национального совета в России (ЧНС) и представителями Временного правительства на Украине было подписано соглашение о невмешательстве чехословацких частей в политическую борьбу, но предусматривающее их использование для подавления волнений, "угрожающих безопасности имущества" при отсутствии надежных русских частей. Большевицкий переворот застал Масарика в Петрограде и был для него неожиданным. 29 октября чехословацкие подразделения приняли участие в уличных боях в Киеве, однако буквально через пару дней было подписано перемирие, и они были выведены из города. В связи с этим 9 ноября 1917 г. председатель ЧНС Т.Г. Масарик обратился ко всем полкам чехословацкого армейского корпуса: "Сохраняйте в своих рядах полный порядок и дисциплину... Была достигнута договоренность с

русскими военными органами о том, что наше войско не будет использовано в политических распрях русских партий; мы последовательно не будем вмешиваться в эту политическую борьбу... Я решительно осуждаю попытки безответственных лиц использовать наше войско в полицейских и жандармских целях"¹⁵. До тех пор пока Масарик находился в России ему удавалось сохранить нейтралитет чехословацкого войска даже вопреки сопротивлению его некоторых друзей и соратников. После того, как он договорился о выводе чехословацких частей во Францию, а также после того, как большевики подписали Брестский мир с Центральными державами, Масарик решает покинуть Россию. В день своего 68-летия он вместе с английской военной миссией отправился в дальний путь через Владивосток. По дороге в Америку он остановился в Токио, где подал японскому правительству меморандум о чехословацком войске и подробно изложил американскому послу свои доводы, почему союзники все же должны признать советскую Россию и установить с ней отношения. Т. Масарик крайне негативно относился к большевизму вообще и октябрьскому перевороту в России. Он полагал, что там была установлена не диктатура пролетариата, а диктатура вождей небольшой политической партии над пролетариатом. Масарик же в принципе выступал против любой диктатуры и даже во имя самых прекрасных идеалов не мог согласиться с отсутствием демократии и свободы. Ему претило насилие, в огромных масштабах осуществляемое большевиками. Он не мог простить их за то, что они "особо излеществовали в уничтожении жизней". И вместе с тем Масарик был уверен в правильности принципа невмешательства в "русские дела", в чужую внутреннюю политику. Он считал, что большевизм — это внутренний кризис России и его нельзя "лечить вмешательством извне"¹⁶. В целом чехословацкий лидер полагал, что и марксизм, и большевизм должны быть "нравственно преодолены социальными реформами и политическим воспитанием" и предсказывал падение большевистского режима в будущем¹⁷.

В конце апреля корабль, на борту которого находился Масарик, прибыл в канадский порт в Ванкувере, а 4 мая даже германфильская "Чикаго трибьюн" писала, что Соединенные Штаты гордятся визитом этого государственного деятеля. В Чикаго Ма-

сарика восторженно встречала 100 тыс. толпа чехов и словаков. Во время пребывания в Америке Т.Г. Масарик заключил очередное, питтсбургское, соглашение со словаками, предусматривавшее объединение чешской и словацкой нации в федеративном союзе государств, состоялась его встреча с В. Вильсоном, и наконец была опубликована "Декларация независимости", в которой провозглашалось свободное чехословацкое государство. То, о чем деды и отцы могли лишь мечтать, стало действительностью. Вскоре в Америку пришла весть о распаде Австро-Венгрии и образовании чехословацкого государства. Национальный комитет в Праге 14 ноября единодушно провозгласил президентом новой республики Т.Г. Масарика. Сам Масарик узнал об этом из нью-йоркских газет. Еще до отъезда на родину ему удалось подписать с США договор о кредите на 10 млн. долларов, что в будущем оказало молодому государству действительную экономическую помощь.

Возвращение на родину 21 декабря 1918 г. было триумфальным. Президента с воодушевлением приветствовали все, в том числе и бывшие политические противники. Он получил титул президента-освободителя и стал национальным героем. После короткой поры всеобщего ликования для Масарика начался период больших забот: границы не были защищены, войско деморализовано, национальные меньшинства оказывали сопротивление, шли острые споры между аграриями и социалистами, с Польшей возник конфликт из-за Тешина, сложная обстановка была в Словакии. Почти 70-ти летнему президенту не был уготовлен почетный отдых на лаврах. Ему приходилось решать, как из послевоенного хаоса создать жизнеспособное демократическое государство. Основой государственного строительства стала конституция 1920 г. В ее основу была положена теория разделения законодательной, исполнительной и судебной властей, их взаимного контроля и равновесия. Высшую законодательную власть представляло Национальное собрание, состоящее из палаты депутатов и сената, исполнительную — правительство, которое в основном на протяжении межвоенного периода являлось коалиционным, контроль за судебной деятельностью осуществлял Конституционный суд. Конституция провозглашала равенство граждан независимо от происхождения, языка, расы и вероисповедания, свободу лич-

ности, неприкосновенность имущества и жилища, тайну переписки, свободу союзов, собраний, печати, совести, узаконивала республиканскую форму правления. Основным законом закреплял демократическую политическую систему централизованного государства. Декларировались равные права всем гражданам независимо от национальности, широкие права национальным меньшинствам, указывалось на недопустимость нарушения принципа национального равноправия и политики насильственной ассимиляции. Государственным официальным языком объявлялся "чехословацкий", а в районах, где 20% составляли национальные меньшинства разрешалось употребление родного языка наравне с официальным. Идея Масарика о единой "чехословацкой" нации (когда словаки понимались лишь как ветвь этой единой нации) и едином языке была не случайной. Президент ЧСР считал необходимым сохранить национальное объединение для поддержания европейского равновесия, перед лицом сильных европейских, особенно соседней немецкой, наций как один из способов решения проблемы малых народов¹⁹. Эта идея (кстати, вполне естественная для него, наполовину словака, родом из Моравии) вызывала неприятие и сопротивление некоторых словацких политиков и вела к зарождению сепаратистского движения в Словакии.

На основе нового избирательного закона в мае 1920 г. Масарик был избран президентом. Согласно конституции, президент избирался сроком на 7 лет и обладал широкими полномочиями: назначения и отзыва членов кабинета, созыва и роспуска парламента, правом отлагательного вето в отношении законопроектов, являлся главнокомандующим вооруженными силами, назначал государственных чиновников, судей, офицеров, профессоров высшей школы, представлял государство на международной арене, что давало ему реальную возможность воздействовать на внешнюю и внутреннюю политику.

В 1922 г. разгорелась борьба за проведение аграрной реформы, а 1923 г. принес президенту тяжкую утрату — умерла его жена Шарлотта Масарикова, его ближайший друг и соратник. Переживания военного времени: умер сын Герберт, Алиса 8 месяцев находилась в заключении, сын Ян был в армии, а дочь Ольга сопровождала отца в постоянных разъездах, — серьезно подорвали ее здоровье.

В 1925 г. Т. Масарик опубликовал свои воспоминания о мировой войне и мировой революции. В этой работе он кратко останавливался на своей деятельности в этот период, а далее рассуждал о смысле тогдашних событий и их возможном развитии в будущем, что собственно явилось новой формулировкой национальной программы для уже свободной нации.

В следующем году берлинский журнал проводил опрос наиболее популярных политиков и деятелей культуры о том, "кто мог бы стать президентом Соединенных штатов Европы, если таковые были бы созданы?" Известный английский драматург Бернард Шоу на этот вопрос ответил: "Конечно же Масарик, кто же еще"²⁰. Но внутри страны политические противники президента — один из лидеров национальных социалистов И. Стржибрны и генерал Р. Гайда, покровитель профашистской группировки "Краснобелых", развязали против правящей группировки, получившей в литературе название Пражского Града, активную кампанию. Накануне парламентских выборов Масарик умышленно уехал за границу, вначале в Женеву, а затем в Палестину и Египет. Но на июньских выборах 1927 г. Т.Г. Масарик вновь избирается президентом уже на 3-й срок.

В начале 30-х годов усилия основателя и главы чехословацкого государства были направлены на поиски путей выхода из экономического кризиса и борьбу с коррупцией. Крайне беспокоили его и международные события: приход Гитлера к власти в Германии в 1933 г. вел к усилению правых профашистских группировок в соседней Чехословакии, укреплению там немецких националистических партий. В этих условиях Т. Масарик был вынужден большее внимание уделять армии и вопросам вооружения. Кроме того, осознавая внешнюю угрозу Чехословакии со стороны усиливающейся Германии, Масарик начинает поддерживать идею Дунайской федерации. В одной из бесед с австрийским посланником в сентябре 1933 г. он заявил: "В теперешнем состоянии нельзя оставаться, и европейские народы должны будут, в конце концов, договориться друг с другом. Для наших государств и для всей Центральной Европы может быть было бы лучшим, а может быть и единственным выходом, если бы "мы трое", то есть Австрия, Чехословакия и Венгрия, снова объединились"²¹. Внешней угрозой была вызвана и подготовка чехословацко-фран-

цусского и чехословацко-советского договора, подписанного уже в 1935 г.

Несмотря на политические неурядицы и преклонный возраст, Т. Масарик не прекращал и литературную деятельность. В это время выходят его диалоги с Э. Людвигом под названием "Дух и действие", а также его беседы с К. Чапеком.

Между тем атмосфера в Европе все более накалялась: фашистская Германия открыто вооружалась, в Австрии разгорелась гражданская война, а затем последовал переворот, в Марселе был убит югославский король Александр и министр иностранных дел Франции Л. Барту. В Чехословакии к экономическим трудностям прибавились и политические, в связи с выступлением немецкого радикала К. Гейнлейна. В этой обстановке на выборах 1934 г. Масарик в 4-й раз подавляющим числом голосов был избран президентом.

Однако вскоре президент серьезно заболел: у него отказала правая рука, резко ухудшилось зрение. Правда через какое-то время наступило улучшение. Но после того, как на парламентских выборах в мае 1935 г. судето-немецкой партии Гейнлейна удалось одержать крупную победу, Масарик решил, что для чехословацкой демократии скоро наступят тяжелые времена и будет нужен сильный лидер, способный защитить ее. С этого времени все его усилия были направлены на то, чтобы увидеть на посту президента своего преемника Э. Бенеша. Когда же выбор этой кандидатуры был согласован с основными политическими силами страны, Масарик подал в отставку. 14 декабря 1935 г. с его дома был спущен президентский флаг, который развевался над ним 17 лет.

Масарик трудился до конца своих дней — работал над очередной книгой и не переставал интересоваться большой политикой.

2 октября 1937 г. по радио было объявлено об ухудшении состояния его здоровья, а 14 октября его не стало.

Благодаря усилиям официальной чехословацкой историографии межвоенного периода, возвеличивавшей деяния первого президента ЧСР, а также вопреки стараниям историков так называемой социалистической Чехословакии, вообще отрицавших какие-либо его заслуги, образ Масарика превратился в миф, а его жизнь и деятельность в легенду.

На самом деле Т.Г. Масарик, как и любой человек, не был лишен отдельных недостатков и некоторых слабостей. Рассказы-вают, что он был человеком властным и самолюбивым. Его фило-софские построения нередко грешили противоречиями. В реаль-ной политической практике он не всегда последовательно прово-дил те принципы, которые провозглашал в теории. Однако это ни-как не умаляет значимость Т. Масарика для истории, а просто делает его из абстрактного героя человеком, имя которого еще при его жизни стало символом свободы, демократии и националь-ной независимости и сохраняет это значение по сей день.

Примечания

¹ *Cohen V.* The life and times of Masaryk — the president-liberaler. London, 1941, p. 12.

² *Marek F.* Tomáš Garrigue Masaryk — Hrdinové a vestčí čes-kého národa. K oslavě let 1848—1948. Přešov, 1948, s. 444.

³ *Herben J.* Masaryk. Život a dílo presidente osvoboditele. 5-te vyd. Pr. 1946, s. 127.

⁴ *Marek F.* Op. cit. S. 445.

⁵ *Чиняева Е.В.* Программа и общественно-политическая дея-тельность Т.Г. Масарика и чешской народной партии (реалистов) 1900—1914. Автореф. дис. к. и н. М. 1990, с. 1.

⁶ *Marek F.* Op. cit. S. 447.

⁷ *Masaryk T.G.* Socialní otázka. Pr. 1898, s. 649.

⁸ *Nové Rusko.* 1925, č. 10—11.

⁹ Хрестоматия по истории южных и западных славян. Т. II. Минск, 1989, с. 175.

¹⁰ Там же. С. 176—179.

¹¹ *Dokumenty našeho osvobození.* Pr. 1919, s. 15—19.

¹² *Čechoslovan.* 1917. 19 března.

¹³ Хрестоматия... С. 263.

¹⁴ *Tobolka Z.* Politické dějiny československého národa od R. 1848 az do dnešní doby. Díl IV, 1914—1918, Pr. 19/.../, s. 298.

¹⁵ Документы и материалы по истории советско-чехословац-ких отношений. Т. I. М., 1973, с. 29.

16 *Масарик Т.Г.* Мировая революция. Воспоминания. Т. I. Пр. 1926. Пер. с чеш., с. 205; *Zeman F.* T.G. Masaryk a revoluce 1917. Pr. 1920, s. 293; *Радль Э.* Профессор пражского университета Т.Г. Масарик. Его жизнь, общественная и научная деятельность. Ужгород, 1927, с. 74.

17 *Nové Rusko.* 1925, с. 9.

18 *Фирсов Е.Ф.* Эволюция парламентской системы в Чехословакии в 1920-е годы. М. 1989, с. 7.

19 *Beneš E.* Masarykovo pojetí ideje národní a problem jednoty Československé. Bratislava, 1935, s. 13–18.

20 *Marek F.* Op. cit. S. 453.

21 Цит. по: *Турок Е.М.* Очерки истории Австрии 1929–1938. М. 1962, с. 336.

ЮГОСЛАВИЯ

В.В. Зеленин

КОРОЛЬ АЛЕКСАНДР КАРАГЕОРГИЕВИЧ 1888—1934

9 октября 1934 г. в 4 часа 20 минут пополудни во французском городе Марселе во время следования в автомобиле от Бельгийской набережной по улице Канебьер двумя выстрелами в упор фашистским террористом был убит король Югославии Александр Карагеоргиевич, прибывший с официальным визитом во Французскую Республику. Двумя другими выстрелами был смертельно ранен министр иностранных дел Франции Луи Барту.

Александр Карагеоргиевич родился в Цетинье 5(17) декабря 1888 г., где его отец — князь Петр Карагеоргиевич жил с 1883 г. Его матерью была княжна Зорка — старшая дочь черногорского князя Николы I Петровича Негоша. После ее смерти в 1890 г. князь Петр уехал в Женеву, где Александр окончил начальную школу. В 1899 г. отец направил мальчика для продолжения учебы в гимназию в Петербург, но заканчивал гимназию Александр уже в Белграде, куда Карагеоргиевичи переехали в июне 1903 г., после того, как в ночь на 29 мая (ст.ст.) группа молодых офицеров-заговорщиков устроила "майский переворот" и свергла династию Обреновичей. 2 (15) июня 1903 г. королем Сербии был избран Петр Карагеоргиевич.

Свое образование Александр продолжил в Военной академии в Белграде и в Пажеском корпусе в Петербурге, где он пробыл до 1909 г.¹ Пребывание в российской столице, близость к императорскому двору, обучение в элитном военном заведении — все это, несомненно, оказало большое влияние на формирование мировоззрения молодого сербского принца. "Политическим идеалом Александра, — писал В.К. Волков, — стала абсолютистская монархия наподобие русского самодержавия"². Домой в Белград

он вернулся полный честолюбивых замыслов, готовый на все ради их осуществления.

Будучи младшим сыном короля Петра, Александр не мог рассчитывать на королевский титул, но он страстно хотел стать королем в отличие от старшего брата Джордже, равнодушно относившегося к своему статусу наследного принца. Александр все-таки получил желаемое: король Петр указом от 15 (28) марта 1909 г. провозгласил его наследником престола. В югославской исторической науке утвердилось мнение, что Александр заставил брата отречься от права наследования короны³. Более того, он как будто был готов принять участие в физическом устранении брата, такой план предложил офицер королевской гвардии Петр Живкович. Но этому решительно воспротивился один из главных руководителей "майского переворота" Драгутин Димитриевич ("Апис"). Этот эпизод положил начало тесной связи престолонаследника с Живковичем и их активной неприязни к Димитриевичу⁴.

Становление Александра совершалось в условиях, когда доминантой во всех сферах жизни сербского общества был лозунг: "Сербия — Пьемонт южных славян". В нем была сформулирована "историческая миссия" сербского государства в деле освобождения от чужеземного ига и объединения под эгидой династии Карагеоргиевичей всех сербов и родственных им югославянских народов, все еще остававшихся под гнетом Австро-Венгрии и Турции. Мечта о "Великой Сербии" стала главной внешнеполитической целью Александра. В этом он находил полную поддержку со стороны Сербской народной радикальной партии, возглавляемой Николой Пашичем.

Идея "Великой Сербии" во многом смыкалась с "югославянской идеей", основным содержанием которой было стремление хорватов и словенцев к освобождению из-под австро-венгерского господства и объединению с уже независимыми Сербией и Черногорией в единое государство Югославию. Выразителями этой идеи стали зародившиеся в конце XIX в. в среде хорватской и словенской интеллигенции политические группы и партии. Наряду с ними существовали и сторонники "Великой Хорватии" и "Великой Словении", правда, не имевшие мало-мальски прочной общественной базы.

И сторонники "Великой Сербии", и протагонисты "югославянской идеи" четко представляли себе, что их планы могут быть реализованы лишь при условии насильственного разрушения Австро-Венгрии*.

Деятельность Александра как лидера великосербской идеи в целом объективно отвечала охватившему югославянские народы на рубеже XIX—XX вв. стремлению к объединению. Различия между идеей "Великой Сербии" и "югославянской идеей" в методах их реализации и формах будущего объединенного государства пока оставались на втором плане.

Наиболее активной общественной силой в Сербии в начале XX в. было офицерство, ведущую роль среди которого играли участники "майского переворота". После аннексии Австро-Венгрией в 1908 г. Боснии и Герцеговины, поставившей ее на грань войны с Сербией, между офицерами, с одной стороны, и Александром вместе с премьер-министром Пашичем — с другой, обозначились существенные разногласия в вопросах внутренней и внешней политики. В 1911 г. возникла тайная офицерская патриотическая организация "Объединение или смерть" ("Черная рука") во главе с Д. Димитриевичем, поддерживавшая связи с национально-патриотическими, преимущественно молодежными организациями в югославянских провинциях Австро-Венгрии. "Черная рука" приобрела большой вес в общественной жизни, и это вызвало неприязнь к ней со стороны самолюбивого и автократичного престолонаследника.

Во время балканских войн 1912—1913 гг. двадцатичетырехлетний Александр занял пост командующего 1-й армией, выигравшей ряд решающих сражений. Резко возрос авторитет и престиж Сербии среди угнетенных югославянских народов Австро-Венгрии, милитаристские круги которой стали открыто готовиться к походу на Белград.

*Свою "освободительную миссию" великосербы распространяли и на югославянские земли, остававшиеся под властью Турции, — Македонию и Новобазарский санджак, население которых, однако (македонцы и косовские албанцы) далеко не однозначно смотрели на присоединение к Сербии.

В январе 1914 г. престолонаследник Александр и премьер-министр Н. Пашич отправились в Петербург с целью выразить благодарность России за ее позицию во время минувших войн и попросить помощи в связи с новой угрозой миру на Балканах, исходящей от австро-германского блока. Но не только это привело Александра в столицу России. Наследному принцу пришло время подумать о женитьбе, а планы в этом отношении у него были самые честолюбивые...

На аудиенции у Николая II сербский премьер выразил желание Сербии еще более упрочить ее связи с Россией посредством брака Александра с одной из царских дочерей. "Если нам будет суждено иметь королевой дочь русского императора, — заявил Пашич, — она будет пользоваться симпатиями всего сербского народа и, возможно, если бог даст и позволят обстоятельства, она станет царицей сербско-хорватского, югославянского народа"⁵. Но сватовство оказалось неудачным.

Летом 1914 г. возник конфликт между "Черной рукой" и Н. Пашичем, который, по мнению этой организации, вел капитулянтскую политику по отношению к Австро-Венгрии. Офицеры потребовали от короля смещения Пашича с поста премьер-министра, и Петр I уже заготовил указ, но за Пашича и его Радикальную партию энергично вступились Россия в лице ее посланника в Сербии Н.Г. Гартвига и принц Александр. Оказавшись в двусмысленном положении и будучи человеком чести, король Петр I 12 (25) июня 1914 г. издал манифест, объявив, что состояние здоровья временно лишает его возможности исполнять обязанности короля, и возложил их на Александра⁶, получившего титул принца-регента. Так, за три дня до выстрелов в Сараево при живом отце-короле Александр Карагеоргиевич стал неограниченным правителем Сербии. Исполнилась его заветная мечта. В разразившейся вскоре первой мировой войне Александр в соответствии с конституцией занял пост верховного главнокомандующего.

После 14-месячной героической борьбы против австро-венгерской армии Сербия в октябре-декабре 1915 г. не устояла перед мощным натиском объединенных войск германского блока. Обливаясь кровью, сербская армия и многие десятки тысяч гражданских беженцев отходили на юг. Вместе с отступающими войска-

ми и народом престарелый король Петр и принц-регент Александр проделали весь скорбный путь через Черногорию и Албанию ("Сербская Голгофа"). По решительному настоянию лично императора Николая II остатки сербской армии на кораблях союзников были перевезены на греческий остров Корфу.

После отдыха и переформирования уцелевшие части сербской армии (147 тыс. человек) были перевезены на Салоникский фронт, созданный союзниками осенью 1915 г. для оказания содействия Сербии и Черногории и боевых действий против австро-венгерских, германских, болгарских и турецких войск. Александр пожелал возглавить командование этим союзническим войсковым объединением, однако правительство Франции и ее военные круги отказали ему в этом. Главнокомандующим Салоникского фронта был назначен французский генерал Морис Поль Эммануэль Саррай, который командовал войсками "от имени короля Петра и союзников"⁷. Александру пришлось удовлетвориться командованием только сербскими войсками*.

В конце марта – начале апреля 1916 г. Александр совершил поездку в Париж и Лондон с целью привлечения к судьбе Сербии большего внимания политических и деловых кругов стран Антанты. Выступая в Лондоне перед представителями высших слоев английского истеблишмента, он подчеркнул, что идеалом, за который борется Сербия, является объединение в единое государство всех сербов, хорватов и словенцев, являющихся одним народом, но разделенных злой судьбой⁸.

Следует иметь в виду, что идеалом сербских правящих кругов было создание "Великой Сербии", т.е. присоединение к сербскому королевству других сербских, а также хорватских и словенских земель, поскольку -де все сербы, хорваты и словенцы – один народ.

Сторонники же создания Югославии, опираясь на ту же теорию единого сербско-хорватско-словенского народа, признавали наличие у каждого из составлявших его "племен" национальных, культурных и иных особенностей и выступали за федеративное

*На союзников крайне тягостное впечатление оказывали су- ровые порядки, царившие в сербской армии, и, в частности, телесные наказания палками, введенные по личному указу Александра.

объединение всех сербов, хорватов и словенцев, при котором каждое "племя" могло бы получить наиболее благоприятные условия для своего развития.

Горячим пропагандистом образования такой Югославии был Югославянский комитет, созданный представителями общественности югославянских провинций Австро-Венгрии и в 1915–1918 гг. действовавший в Лондоне. Именно за такую Югославию сражались многие добровольцы – выходцы из этих провинций, а также прибывшие из рядов югославянских переселенцев в Северной и Южной Америке и присоединившиеся к сербским частям на Салоникском фронте, как и солдаты Сербского Добровольческого корпуса в России, сформированного из добровольцев-военнопленных, уроженцев югославянских земель Австро-Венгрии.

Престолонаследник Александр был непримиримым противником федеративного устройства будущей Югославии, ибо в этих планах он видел прежде всего ограничение его самодержавных амбиций. Этот же подтекст лежал в основе желания принца-регента раз и навсегда расправиться с "Черной рукой". В декабре 1916 г. было арестовано несколько десятков ее членов. Весной 1917 г. в Салониках состоялся инсценированный судебный процесс против группы руководителей этой организации во главе с полковником Д. Димитриевичем, которые были обвинены в заговорщической деятельности и подготовке покушений на ряд европейских царственных особ.

Материалы Салоникского процесса неопровержимо свидетельствуют о том, что его главным вдохновителем был Александр, ему регулярно докладывали о ходе процесса и получали указания ведущие лица трибунала. Когда стала очевидной несостоятельность обвинений в адрес "Черной руки", подсудимым были предъявлены новые обвинения – о якобы состоявшемся покушении на Александра за полгода до начала процесса⁹. Построенный на лжесвидетельствах процесс и особенно жесткий приговор (9 обвиняемых из 11 были приговорены к смертной казни) вызвали возмущение мировой демократической общественности, под давлением которой Александр помиловал шестерых осужденных смертников, кроме полковника Димитриевича и двух его соратников – они были расстреляны на рассвете 13 (26) июня 1917 г. близ деревни Митра под Салониками¹⁰.

Процесс по делу "Черной ру:и" имел два аспекта: внутренний и внешний. Сущностью первого была личная ненависть Александра к этой организации, которой он, несомненно, побаивался, и особенно к ее лидеру Д. Димитриевичу*. С другой стороны, как известно, австро-венгерское руководство в ультиматуме, Сербии в июле 1914 г. потребовало наказания виновников сараевского покушения. Смертным приговором в Салониках Александр стремился "набрать очки" в случае заключения сепаратного мира с Австро-Венгрией, начавшей активный зондаж в этом направлении в конце 1916 г. Таков был внешнеполитический аспект Салоникского процесса.

На состоявшейся вскоре на о. Корфу встрече делегаций сербского правительства во главе с Н. Пашичем и Югославянского комитета под руководством Анте Трумбича (Корфская конференция, 15 июня — 20 июля 1917 г.) было достигнуто согласие о составе и характере будущего объединенного югославянского государства (конституционная монархия во главе с династией Карагеоргиевичей) и принято его компромиссное название — Королевство сербов, хорватов и словенцев.

Военное поражение Центральных держав и распад Австро-Венгрии создали реальные предпосылки для завершения объединения югославянских народов в единое государство. Но, несмотря на соглашение в Корфской декларации, буквально до последней минуты не было ясно, каким же будет новое государство — "Великой Сербией" или все-таки "Югославией".

В начале ноября 1918 г. стрелка маятника, казалось, сильно колебнулась в сторону "Югославии": в Женеве собрались делегации Югославянского комитета во главе с А. Трумбичем, Народного вече словенцев, хорватов и сербов** с его председате-

*Еще в 1915 г. Александр открыто говорил о своей ненависти к Димитриевичу и желании уничтожить его.

**Народное вече было создано на состоявшемся 5—6 октября 1918 г. в Загребе собрании представителей словенцев, хорватов и сербов из Словении, Триеста, Истрии, Хорватии, Боснии и Герцеговины, Далмации и Венгрии. 28 октября оно провозгласило отделение югославянских провинций от Австро-Венгрии и образование независимого Государства словенцев, хорватов и сербов; Народное вече исполняло функции временного правительства Государства СХС.

лем А. Коровецом, представители оппозиции в Народной скупшине Сербии и премьер сербского правительства Н. Пашич. Последний считал встречу в Женеве формальной, полагая, что она лишь повторит Корфскую декларацию. Однако партнеры по переговорам были склонны считать эту конференцию форумом, призванным решать вопросы как о способе создания будущего объединенного югославянского государства, так и о его внутреннем устройстве.

В итоге переговоров принятый документ — "Женевская декларация" — отражал концепцию объединения югославянских земель Австро-Венгрии, с одной стороны, и Сербии и Черногории — с другой, на равноправной основе, а не присоединение первых ко вторым, что в корне противоречило стремлениям сербских правящих кругов во главе с Александром и Пашичем, воспринявших Женевскую конференцию как свое поражение. "В самый тяжкий момент в моей жизни; — заявил Н. Пашич, поставив свою подпись под декларацией, — когда решается вопрос об объединении, я сжал сердце в кулак, признал унижение Сербии и мое лично и принес их в жертву объединению народов..."¹².

Но вслед за тем Пашич приложил все усилия к тому, чтобы свести на нет основные положения Женевской декларации и добиться де-факто присоединения Государства словенцев, хорватов и сербов к объединившимся Сербии и Черногории*. Этому в огромной мере способствовали и до предела накалившаяся обстановка в Государстве СХС (революционные выступления рабочих и крестьян, голодные бунты, солдатские восстания), и начавшаяся оккупация итальянскими войсками ряда территорий, обещанных Италии Лондонским договором 1915 г., в связи с чем Народное вече СХС в спешном порядке направило делегацию в Белград с адресом на имя Александра Карагеоргиевича. Принимая этот адрес 1 декабря 1918 г., Александр фактически в одностороннем порядке провозгласил образование Королевства сербов, хорватов и словенцев (Королевство СХС).

*13 (26) ноября 1918 г. Великая черногорская народная скупщина провозгласила детронизацию короля Николы I Петровича Негоша и его династии и объединение Черногории с Сербией.

Этот день стал важным рубежом в истории югославянских народов: завершился этап борьбы за образование единого югославянского государства. Однако под покровом торжества национально-государственной идеи были глубоко скрыты зародыши межнациональных противоречий. Теория единого "троименного" сербско-хорватско-словенского народа придавала новому государству форму национального, хотя в действительности оно было многонациональным. Непризнание этого факта со стороны Александра и сербских правящих кругов уже очень скоро повлекло за собой серьезные осложнения во внутривосточной жизни страны и межэтнических отношениях.

День 1 декабря 1918 г. престолонаследник Александр Карагеоргиевич мог с полным основанием считать днем своего личного триумфа, его престиж достиг вершины. Несмотря на гигантские жертвы, Сербия вошла в число стран-победительниц и объединила всех югославян. Эпитеты "победитель" и "объединитель", как правило, прилагались к имени Александра. Но он не мог забыть и тех неприятных минут, которые пережил, прочитав телеграмму Пашича о результатах Женевской конференции. А за это Пашич должен был поплатиться...

Одной из первоочередных задач новосозданного государства было формирование правительства. По общему мнению представителей политических партий и групп, его должен был возглавить Пашич, внесший, несомненно, наибольший вклад в дело объединения всех югославян. Но ко всеобщему удивлению престолонаследник 15 декабря 1918 г. категорически отказался утвердить его кандидатуру на пост премьер-министра, заявив при этом, что он "скорее отречется от престола, чем будет сотрудничать с ним"¹³. Такое отношение принца-регента к Н. Пашичу легко было понять: когда главная цель была достигнута, ни к чему было иметь возле себя политического лидера, с которым приходилось делиться славой.

Автократичный поступок регента вызвал резко негативную оценку в рядах политических партий как в Сербии, так и в составе Народного веча СХС. "Это — государственный переворот, — заявил видный политический деятель из Далмации Йосип Смодлака. — Мы не имеем права допустить его. Мне нет дела до Па-

шича, но под вопрос поставлен принцип". И далее Смодлака произнес поистине пророческие слова: "Если этот господин так поступает сегодня, то что будет творить он через десять лет" 14. Через десять лет и 22 дня король Александр совершил государственный переворот и установил свою личную диктатуру...

А тем временем инцидент с Пашичем был улажен.

Премьер-министром стал заместитель Н. Пашича в руководстве Радикальной партии Стоян Протич*, а сам опальный лидер вместе с А. Трумбичем, ставшим министром иностранных дел, надолго отправился во Францию во главе делегации для участия в мирной конференции.

Так в самые первые дни существования нового государства с неуклюжим названием Королевство сербов, хорватов и словенцев** регент Александр недвусмысленно дал понять своим подданным, что он собирается править самовластно, и если принципы парламентаризма и демократии не допускают таких методов правления, то тем хуже и для парламентаризма, и для демократии.

Принц-регент целиком и полностью взял на себя руководство внутренней и внешней политикой страны. А перед государством стояли чрезвычайно сложные задачи, многие из которых требовали срочного решения. Необходимо было сформировать временный парламент – так называемое Народное представительство, которое вместе с правительством должно было принять законы, регулирующие политическую и экономическую жизнь страны, в частности, закон о выборах депутатов Конституционной

*Хотя в правительство вошли представители многих политических партий и групп, общественность страны обратила внимание на то, что из 20 министров сербов было 13, хорватов 4, словенцев 2 и 1 мусульманин.

**Черногорцы сами себя считали сербами, а термин "черногорец" для них означал "живущий в Черногории". Македонцам было отказано в праве на национальную особенность; Македония была объявлена "Южной Сербией", а ее население подвергалось насильственной сербизации. В Боснии и Герцеговине католики считались хорватами, православные – сербами, а мусульмане – "неопределившимися" (!).

скупщины. Характерно, что список депутатов Временного народного представительства был подготовлен в коридорах-власти и по существу состоял из угодных правительству людей.

Открывая первую сессию ВВП в сочельник 1918 г. (24 декабря ст.ст. — 6 января 1919 г. нового стиля), Александр в тронной речи торжественно обещал: "Как король* свободного и демократического народа я буду во всем непоколебимо соблюдать принцип конституционно-парламентского правления, которое будет краеугольным камнем нашего государства, созданного свободной волей народа"¹⁵. Далее он обещал принятие "демократической конституции", которая обеспечила бы народу "самые широкие политические свободы и гражданские права", причем предполагалось распространение на все государство сербских законов. Было объявлено о намерении решить аграрный вопрос путем ликвидации остатков крепостничества и раздела крупных земельных владений; первоочередной целью была поставлена задача накормить народ. В области внешней политики предстояло добиться полного признания нового государства ведущими державами мира и установления его границ, Последнее было делом сложным ввиду притязаний ряда соседних государств, особенно Италии, на территории, населенные югославянами.

С самого начала своего правления Александр недвусмысленно дал понять, что английский тип монархии (когда "король правит, но не управляет") ему не подходит. Он был намерен и править, и управлять. Была найдена и подходящая формула: король — "верховный политический арбитр между народом, парламентом и правительством..." На деле же, согласно первой конституции Королевства СХС, король занял положение и над правительством, и над парламентом¹⁶.

Опорой короля в его непрерывной борьбе с народом, политическими противниками, внутренней и внешней оппозицией стала офицерская клика — так называемая "Белая рука", возникшая еще в годы войны как противовес "Черной руке". Во главе ее

*В начале речи принц-регент отметил, что он осуществляет королевскую власть от имени своего отца-короля, но в дальнейшем отбросил эту "формальность".

стояли генералы Иосиф Костич и Петар Живкович*, последний стал ее единоличным руководителем и одним из самых близких к Александру человеком. "Белая рука" нередко по поручению двора оказывала давление на правительство, парламент, отдельных политических деятелей и считалась наиболее влиятельной придворной группировкой.

На протяжении десятилетнего "парламентского" периода Королевства СХС "Белая рука" появлялась на политической сцене каждый раз, когда возникали различные кризисы и начинались разговоры о военной диктатуре. За всеми этими разговорами неизменно стоял король. Бывший член "Белой руки" Д. Оканович дал организации такую убийственную характеристику: "Словно гангрена, она все больше отравляет и подтачивает все наше государство, все общество. Под ее знаком находится все происходящее в этой стране и в первую очередь, разумеется, политика; именно в ней сосредоточено все нынешнее зло, угрожающее существованию страны"¹⁷.

Злейшими своими врагами регент считал все революционные организации (после возникновения компартии — в первую очередь коммунистов), республиканские, федералистские и сепаратистские течения. Лишь сторонники жесткой унитаристской и централистской политики могли рассчитывать на его симпатии и поддержку. В условиях мощного революционного подъема, охватившего королевство в первые годы его существования, власти проводили сугубо репрессивный курс подавления борьбы народных масс.

В ночь на 30 декабря 1920 г. по всей стране была развешана прокламация ("Обзнана"), подписанная министром внутренних дел, в которой говорилось о запрещении деятельности компартии, о роспуске всех ее организаций, конфискации ее архивов, закрытии рабочих клубов, увольнении членов КПЮ с государственной службы¹⁸. "Обзнана" была типичным актом произвола полицейского режима, поскольку не имела силы закона, не обсуждалась в парламенте и не была подписана принцем-регентом.

*29 мая 1903 г. подпоручик П. Живкович открыл ворота королевского дворца заговорщикам. В 1913 г. он стал начальником королевской гвардии. Очень скоро порвав с участниками "майского переворота", Живкович был одним из инициаторов Салоникского процесса 1916–1917 гг.

Во внешней политике Александр придерживался линии на тесную дружбу с Францией. Еще будучи принцем-регентом Сербии, он занял непримиримо враждебную позицию по отношению к Советской России. После образования КСХС его правительство установило контакты со штабами Деникина и Колчака и имело там своих представителей. В Белграде "представителем России" считался назначенный Колчаком В. Штрандтман, бывший российский поверенный в делах при сербском дворе. Указом от 2 июля 1920 г. Александр назначил чрезвычайным посланником в Петрограде М. Бошковича, который должен был в Париже дожидаться свержения большевиков. По мнению либерально настроенных политических деятелей Югославии, Александр не мог простить революции гибель монархии и царской семьи, всегда помнил об огромной помощи, оказанной Россией и лично Николаем II Сербии в годы балканских войн и первой мировой войны.

Внутренняя репрессивная политика не могла не вызвать сопротивления в обществе. Летом 1921 г. группа молодых коммунистов приняла решение осуществить покушение на принца-регента. Исполнить этот акт взялся С. Стеич — двадцативосьмилетний рабочий-строитель, бывший доброволец-участник боев в Добрудже и на Салоникском фронте.

28 июня 1921 г. Конституционная скупщина приняла первую — Видовданскую конституцию Королевства СХС. На следующий день Александр принес торжественную присягу, обещая свято соблюдать конституцию, после чего проследовал в центр города на площадь Теразие, где по этому случаю должен был состояться военный парад. Путь его пролегал мимо одного строившегося здания, откуда из окна четвертого этажа Стеич метнул бомбу, которая, однако, зацепившись за провода, упала далеко позади автомобиля регента, не причинив ему никакого вреда*.

*Этот террористический акт вызвал новую волну репрессий. Полиция изобразила покушение как звено обширного заговора, якобы подготовленного компартией. Было арестовано около 10 тыс. коммунистов, включая ряд руководителей КПЮ. Состоявшийся в 1922 г. суд приговорил Стеича к смертной казни (замененной 20-летней каторгой), 9 человек — к разным срокам тюремного заключения.

Покушение произвело весьма сильное впечатление на Александра, поспешившего уехать в Париж для "поправки здоровья".

Меньше чем через месяц в курортном местечке Делнице в Горском Котаре член террористической организации "Красная справедливость" Алия Алиягич убил главного инициатора "Обзаны" тогдашнего министра внутренних дел Милорада Драшкивича*. Получив информацию об этом, Александр в тот же день отправил шифровку из Парижа в Белград, потребовав неотложных и крайне решительных мер против коммунистов²⁰. В ответ из Белграда ему был послан на одобрение проект закона о защите государства, ужесточавший меры против всех революционных и прогрессивных партий и движений, в первую очередь компартии²¹.

"Состояние здоровья" правителя Королевства СХС, видимо, было настолько "слабым", что он не откликнулся на призыв обеспокоенного его долгим отсутствием правительства вернуться на родину в связи с тяжелой болезнью его отца короля Петра I. Не помогли заверения о том, что правительство "предприняло все меры предосторожности и обеспечения безопасности по всей стране"²².

16 августа 1921 г. в Белграде, забытый своей родней, в одиночестве, в возрасте 77 лет скончался король Петр I Карагеоргиевич. Его сын, ставший в этот день королем, не счел возможным прервать свой отдых и лечение в Париже. Что же это за болезнь, спрашивал Милан Чурчин в журнале "Нова Европа", которая помешала сыну приехать на похороны отца²³.

Александр направил из Парижа манифест "Моему дорогому народу", в котором заявил о своем вступлении на престол и дал дежурные обещания "добросовестно исполнять свои королевские обязанности". На родину он вернулся лишь 31 октября, а 6 ноября принял в Скупшине торжественную присягу.

Наряду с многочисленными проблемами, вставшими перед полновластным королем, оставалась еще одна, которую пора было решить. 17 декабря 1921 г. Александру исполнилось 33 года.

*Суд над А. Алиягичем и его группой состоялся в Загребе в октябре 1921 г. Алиягич был приговорен к смертной казни и повешен 8 марта 1922 г.

Вопрос о женитьбе и будущем наследнике уже нельзя было откладывать. По соседству подросла подходящая невеста — дочь румынского короля Фердинанда Гогенцоллерна-Зигмарингена Мария, состоявшая по материнской линии в родственных отношениях с королевским домом Великобритании. Бракосочетание состоялось в Белграде 8 июня 1922 г. 6 сентября 1923 г. у Александра и Марии родился сын, названный в честь деда Петром и объявленный наследником престола*.

Можно без преувеличения сказать, что доминирующим фактором внутривосточной жизни Королевства СХС в 20-е годы было противоборство сил централизма и сил федерализма. Первые включали королевский двор с окружавшей его камарильей, сербскую Радикальную партию и возникшую в начале 1919 г. Демократическую партию. Созданная первоначально как партия, объединявшая политические группировки буржуазии всех национальностей, проживавших на территории бывшей Австро-Венгрии**, Демократическая партия вскоре превратилась практически в рупор лишь сербских буржуазных кругов, поскольку проводимая ею жесткая линия защиты унитарного централизованного государства оттолкнула от нее представителей хорватов, словенцев, боснийских мусульман и др.

Главными выразителями идей федерализма были Хорватская народная крестьянская партия, Словенская народная партия, в значительной степени Югославянская мусульманская организация. Крайние позиции по национальному вопросу занимали Хорватская партия права и особенно так называемая Чистая партия права, требовавшая отделения Хорватии от Королевства СХС.

*В январе 1929 г. у королевской четы родился второй сын, получивший имя Томислава в память о первом хорватском короле Томиславе I, правившем в 1025—1028 гг., что было расценено как явное заигрывание с хорватами.

**Демократическая партия (ДП) была создана по инициативе Светозара Прибичевича — видного политического деятеля, серба из Хорватии, председателя Хорватско-сербской коалиции, министра внутренних дел в первом правительстве Королевства. Образование ДП связано с конференцией в Сараево 15—16 февраля 1919 г., участники которой, собравшиеся из всех частей бывшей Австро-Венгрии, провозгласили создание единой партии, главной задачей ее была выдвинута защита и укрепление унитарного централизованного государства.

Политика централизма опиралась в основном на насилие. Все политические организации и течения, приверженные принципам федерализма, а тем более сторонники республиканских идей и сепаратисты объявлялись режимом "антигосударственными" и преследовались на основании Закона о защите государства. Поскольку Белград олицетворял собой центр этой жестко унитаристской политики, а ее носителями были королевский двор и сербские партии, то постепенно в сознании несербских народов все негативные черты режима стали отождествляться с сербским народом. Любая антидемократическая акция властей обостренно воспринималась населением несербских территорий как ущемление прав национальностей. Национальный фактор становился доминирующим во внутривнутриполитической жизни югославянского общества.

Решительная позиция сторонников федеративного устройства государства, в авангарде которых выступала Хорватская народная крестьянская партия во главе с ее председателем Степаном Радичем, усиливала раздражение и гнев короля Александра. Дело доходило до того, что в периоды обострения политической борьбы со стороны двора и окружавшей его камарильи раздавались голоса о необходимости так называемой "ампутации", т.е. отсечения от Королевства СХС Хорватии (а заодно и Словении, не имевшей границы с сербскими областями), в результате чего осталась бы "Великая Сербия". Принимая 7 июля 1928 г. С. Прибичевича, Александр вне себя кричал, что ни за что не согласится на федерацию и его больше устраивает даже сепарация. То же самое он повторил и словенскому политическому деятелю Г. Жерьяву, а когда тот заметил, что в этом случае Александр будет "единственным в истории королем, желающим уменьшить свое государство", монарх так грубо приказал ему убраться вон, что немолодой и тяжело больной собеседник в полуобморочном состоянии упал в кресло. В страхе, что может случиться еще одна смерть после аудиенции во дворце*, Александр принялся успокаивать Жерьява²⁴.

*Прецедентом была недавняя смерть Николы Пашича, который умер 10 февраля 1926 г. в ночь после аудиенции у Александра, во время которой король кричал на него, не стесняясь в выражениях.

На протяжении всего первого десятилетия Королевства СХС его внутреннее положение было крайне неустойчивым, о чем, в частности, свидетельствовала недолговечность очень многих правительств. Так, за этот период сменилось 24 кабинета, причем лишь в двух случаях смена произошла в ходе нормальной парламентской процедуры, остальные были проведены по воле "второго конституционного фактора" — т.е. короля²⁵.

В начале 1928 г. обстановка в Народной скупшине обострилась до предела. Словесные перепалки между депутатами от правительственной Радикальной партии, составлявшими большинство в Скупшине, и представителями оппозиционной Крестьянско-демократической коалиции; ядром которой была Хорватская крестьянская партия, захлестнули парламент. Вновь зазвучали голоса о необходимости нейтрального беспартийного правительства во главе с представителем генералитета*.

В Скупшине и в прессе все чаще стали раздаваться угрозы ярых сторонников режима в адрес депутатов оппозиции, в свою очередь не оставлявших эти выпады без ответа. 20 июня 1928 г. во время заседания Скупшины депутат от Радикальной партии П. Рачич, незадолго до этого осыпавший угрозами депутатов от ХКП и в первую очередь С. Радича, открыл стрельбу, поразив несколько депутатов. Были убиты племянник С. Радича депутат Павел Радич и д-р Джуро Басаричек, ранен сам Степан Радич**.

Попытка короля сохранить старое правительство радикалов потерпела неудачу, и 4 июля оно было вынуждено подать в отставку. Оппозиция требовала назначения новых выборов и пересмотра конституции. Поиски главы "генеральского" кабинета успехом не увенчались. В конце концов правительство, аналогичное предыдущему, сформировал 27 июля лидер католической Словенской народной партии, бывший ранее министром внутрен-

*О желательности генеральского правительства, в частности, говорил в Народной скупшине 5 марта 1928 г. С. Радич.

**Король Александр поспешил навестить в больнице раненого С. Радича. Правительство предложило похоронить погибших депутатов за государственный счет, но руководство ХКП не согласилось на это, а также вернуло телеграмму премьер-министра с изъятиями соболезнования.

них дел Антон Коросец, на которого общественное мнение несербских областей возлагало большую долю ответственности за трагические события в Скупшине. Последовавшая 8 августа смерть С. Радича, не оправившегося от ранений, усилила возмущение политикой режима. В рядах хорватской оппозиции значительный размах приобрели сепаратистские тенденции и антисербские настроения. Одновременно оживились разговоры об "ампутации", исходившие от королевского двора. Лидер Крестьянско-демократической коалиции С. Прибичевич в интервью "Политике" от 7 сентября 1928 г. назвал такие планы изменой родине. Преемник С. Радича на посту председателя ХКП Владимир Мачек на собрании партии 9 сентября в Загребе заявил, что его партия не стремится к разрушению государства, но Хорватии должна быть предоставлена широкая внутренняя автономия при полном равноправии со всеми другими частями страны и в случае, если этого не удастся достигнуть, "возможен развод, а не ампутация"²⁶.

Внутриполитическая ситуация в Королевстве СХС не оставляла безучастными правящие круги европейских держав, в особенности главного союзника и покровителя — Франции, с которой официальный Белград связывали тесные отношения, в том числе и в военной области. В ноябре 1928 г. король Александр нанес визит в Париж, где ему дали понять, что франко-югославский договор, подписанный 11 ноября 1927 г., потеряет свое значение, если в стране не будет обеспечен "прочный режим"²⁷. А что может быть прочнее самодержавного, единоличного правления, без ограничивающих волю правителя статей конституции, без шумного скандального парламента, многочисленных политических партий, вечно ссорящихся друг с другом? Весьма возможно, что именно так размышлял Александр, возвратившись в Белград. Во всяком случае месяц спустя он совершил то, что предсказал И. Смодлака в далеком декабре 1918 г.

К установлению диктатуры Александра открыто подталкивал и Лондон. 21 ноября 1928 г. газета "Таймс" писала: "Чтобы поставить политиков на свои места, Югославии понадобится Муссолини, Пилсудский или Примо де Ривера. Время от времени говорят, что король Александр нашел такую личность в лице генерала П. Живковича"²⁸.

6 января 1929 г. появилась подписанная королем прокламация, в которой он, обращаясь к народу, провозгласил, что "наступил момент, когда между народом и королем больше не может и не должно быть посредников". "Парламентаризмом, — заявлял далее король, — который как политическое средство по традиции от моего незабвенного отца остался и моим идеалом, стали злоупотреблять слепые политические страсти в таких масштабах, что он стал помехой всякой плодотворной работе в государстве"²⁹. Поэтому ради сохранения "единства народа и целостности государства" Александр объявил об отмене конституции и о роспуске Народной скупщины, что означало переход всей полноты власти в руки короля, иначе говоря, установление его личной диктатуры.

В тот же день был опубликован состав нового правительства, который показал, что идея "генеральского" кабинета была воспринята Александром со всей серьезностью, в результате чего премьером стал ни кто иной, как сам шеф "Белой руки" генерал П. Живкович. Тогда же появились "Закон о королевской власти и верховном государственном управлении", провозгласивший ничем не ограниченную власть короля, и новый "Закон о защите государства", на основании которого распускались все политические партии и организации.

3 октября 1929 г. был принят "Закон о названии Королевства и разделении его на административные области", согласно которому страна получила новое название — Королевство Югославия. "Это название не только означает полное государственное и народное единство, но и символически выражает идею полного равенства, равноправия и братства нас — славян на юге: сербов, хорватов и словенцев", — заявил генерал Живкович на заседании правительства 3 октября³⁰.

Вспомним, как категорически возражал принц-регент против этого названия в 1917—1918 гг., видя в нем символ федерации, которая угрожала бы его самовластию. Сейчас же он счел возможным принять его, но уже как олицетворение высшей ступени централизации страны.

Введение единоличной королевской диктатуры отнюдь не привело к умиротворению общества. Напротив, в Хорватии уси-

лились великохорватские сепаратистские настроения, выразителем которых стала подпольная террористическая организация усташей, возглавляемая деятелем из Чистой партии права Анте Павеличем, проживавшим то в Венгрии, то в Австрии и оттуда руководившим ею. Вскоре в поддержку усташских террористических групп стали принимать участие и итальянские фашистские власти.

Режим обрушил жестокие репрессии на всех, кто пытался противостоять диктатуре. Так, был арестован и просидел в тюрьме больше пяти месяцев председатель ХКП В. Мачек, был выслан под надзор полиции председатель Независимой демократической партии С. Прибичевич³¹. Постоянным и еще более жестоким преследованиям режим подвергал Коммунистическую партию Югославии³².

Государственный переворот 6 января 1929 г. не разрешил острых социальных, политических и национальных противоречий, раздиравших страну, и 3 сентября 1931 г. Александр в очередной прокламации объявил о даровании народу новой, второй конституции. Конституция вводила двухпалатное "Народное представительство", состоявшее из Сената в качестве верхней палаты и Народной скупщины, пользовавшихся весьма ограниченными правами. Король оставался неограниченным правителем.

В своей тронной речи на открытии сессии парламента нового созыва 18 января 1932 г. Александр подчеркнул, что конституция 1921 г. была не в состоянии решить задачу преодоления племенных различий и обеспечить национальное и государственное единство страны: напротив, преобразования, начатые 6 января 1929 г., изменили положение, королевство получило свое истинное название и порвало с явными следами прошлого. По словам Александра, главное в новой конституции — "национальное единство и целостность государства".

Новая конституция ни в коей мере не могла разрешить жгучие внутривнутриполитические проблемы. Очень скоро наступило очередное обострение борьбы федералистов против централизма, обострение пресловутого "хорватского вопроса". Режим ответил репрессиями и, в частности, арестом и осуждением на три года тюрьмы лидера ХКП В. Мачека, что не только не подавило народное движение в Хорватии, но и послужило толчком к его расши-

рению, а заодно и усилению крайних сепаратистских настроений, в этой среде родилась мысль о физическом устранении короля как главной фигуры ненавистного режима. Усташи начали настоящую охоту на Александра

В декабре 1933 г. король посетил Загреб. Усташскому террористу П. Оребу было поручено его убить, но тот не решился стрелять по причине, как он потом объяснил арестовавшей его полиции, огромной популярности короля в народе³³ (видимо, попросту струсил).

Хотя и на этот раз все обошлось благополучно, Александр решил принять меры для обеспечения преемственности наследования престола. С этой целью 5 января 1934 г. он издал указ, которым назначил регентство в составе трех человек (и трех заместителей) на случай, если его трон перейдет к сыну до того, как тому исполнится 18 лет. Этот документ-завешание король написал собственноручно в двух экземплярах, поместив в запечатанные конверты, один из которых был передан королеве, другой — премьер-министру. Вскрыть их полагалось только после смерти монарха. Вряд ли могло Александру придти в голову, что это случится так скоро.

24 июня 1934 г. министр иностранных дел Франции Луи Барту посетил Белград и передал Александру приглашение нанести официальный визит во Францию с целью согласования важнейших вопросов совместной политики. Решено было, что визит состоится в первой декаде октября. До поездки в Париж Александр посетил Болгарию, где ему 27 сентября была устроена весьма торжественная встреча. В ходе переговоров речь велась об установлении более тесных отношений стран Балканской Антанты (Югославия, Греция, Румыния и Турция) с Болгарией³⁴.

7 октября 1934 г. из Сплита отплыл и взял курс на Марсель эсминец "Дубровник". Короля сопровождал министр иностранных дел Б. Ефтич. В Марселе к ним должен был присоединиться маршал двора генерал А. Димитриевич. Королева Мария не решилась плыть морем и отправилась в Париж по железной дороге.

"Дубровник" прибыл в Марсель 9 октября около двух часов дня. После торжественного салюта в честь высокого гостя корабль бросил якорь и на французском военном катере Александр, одетый в парадный адмиральский мундир, был доставлен на Бель-

гийскую набережную Старого порта. Церемония встречи была краткой, после нее Александр и Барту в открытой машине последовали в ратушу. В 4 часа 20 минут раздались выстрелы террориста. Король Александр скончался на месте. Тяжело раненный французский министр умер в больнице, не приходя в сознание³⁵. И хотя рядом с убитым королем не было никого из его соотечественников, ехавший во второй машине сопровождения Б. Ефтич по возвращении в Белград утверждал, что прежде чем навсегда закрыть глаза Александр произнес исторические слова: "Берегите мою Югославию"³⁶.

Завершился земной путь Александра Карагеоргиевича как правителя. Но каким он остался в исторических свидетельствах и памяти современников как личность, как человек?

Мы уже видели, что немалое место в его характере занимали мстительность и жестокость — от них погибли Д. Димитриевич, Л. Вукевич и Р. Малобаич, были изгнаны из армии десятки преданных родине талантливых офицеров. Как отмечали современники, Александр не любил людей самостоятельных, независимых, обладавших собственным мнением и "негнушимся позвоночником". Таких людей он отталкивал от себя, а нередко и преследовал. В окружение короля попадали чаще услужливые и раболепные. За оказанные ему услуги король обычно награждал (как правило, за счет государства). Так, в своей книге о Салоникском процессе историк Боривоје Нешкович приводит большой список свидетелей — преимущественно лжесвидетелей, показывая, как многие из них в межвоенной Югославии стали министрами, депутатами парламента, заняли высокие посты в армии, полиции и т.д. Примечательна карьера Пуниши Рачича — убийцы Степана Радича и двух других депутатов в Скупшине 20 июня 1928 г. По собственному признанию, в Салониках он стремился войти в доверие к офицерам, слушал их разговоры, а потом свидетельствовал против них. Пользовался покровительством и поддержкой Александра и Пашича, за короткое время стал владельцем больших лесных угодий и двух лесопилок в Сербии, каменоломни в Косове, имения в несколько сот гектаров в Македонии и буксира на Охридском озере. Из назначенных ему судом 20 лет тюремного заключения он отбыл 12 и был выпущен в 1941 г. В годы войны сотрудничал с оккупантами³⁷.

Интрига была излюбленным средством, которым Александр постоянно пользовался³⁸. На видные государственные посты он выдвигал лично преданных ему людей, как, например, В. Вукичевич — неизменный участник королевских съездов, а посему дважды занимавший пост премьер-министра³⁹. По свидетельству современников, Александр был восприимчив к восхвалениям его подлинных и мнимых достоинств, в конце концов вообразил себя чуть ли не гением, великим полководцем и крупным государственным деятелем⁴⁰.

Югославский король отличался и редким корыстолюбием. Так, в 1922 г. он запросил для себя цивильный лист фантастических размеров — в сумме 24 млн динаров, причем четвертая часть должна была выплачиваться во французских франках, что по тогдашнему курсу повышало сумму до 60 млн динаров (около 1 млн долларов)⁴¹. Он требовал, чтобы часть этой суммы выплачивалась золотом. Министр финансов М. Джорджевич жаловался в июне 1934 г. своему другу С. Милосавлевичу: "Как только подходило время выплаты королевского цивильного листа, чиновники министерства финансов вынуждены были носиться по городу, чтобы закупить у менял необходимое количество золота..."⁴².

Александр был известен и как разносторонний бизнесмен. По свидетельству генерала С. Милосавлевича, он занимался промышленной деятельностью, торговлей, банковским делом. Ему принадлежали золотые копи на р. Нереснице (на подставное лицо) и угольная шахта "Ерма" (позднее называвшаяся "Звонце"); добываемый на ней низкосортный уголь обязаны были закупать по высокой цене государственные железные дороги. В течение 1930–1933 гг. король скупил контрольный пакет акций одного из крупнейших белградских банков. Благодаря махинациям с ценными бумагами, он "заработал" большие миллионы.

Королю принадлежали два поместья — одно крупное в долине р. Вардар и одно поменьше под Белградом. Выращенные на них овощи и фрукты продавались на белградском рынке, где имелись дворцовые павильоны и прилавки, за которыми торговали королевские гвардейцы в мундирах (!). При этом товар доставлялся по железной дороге из Македонии бесплатно, продавцы были освобождены от всех пошлин.

В заключение генерал С. Милосавлевич в рукописи, озаглавленной "Король Александр Карагеоргиевич (рассмотренный сквозь призму дворцовых скандалов с 6.I.1929 по 9.X.1934)", из которой Ф. Чулинович привел обширные выдержки, дал общую убийственную характеристику герою нашего повествования: "Будучи интеллигентным и неглупым, Александр был двуличен, изворотлив, коварен и нагл, но нет никакого сомнения в том, что величайшей его слабостью была алчность, неуемная жажда денег, золота..."

... В 1944–1946 гг. автор этих строк был сотрудником советской военной миссии в Югославии. В освобожденном Белграде миссию разместили в районе под названием Дединье, где жила элита бывшей королевской Югославии. Как молодой советский офицер, к тому же свободно говорящий по-сербски, я был принят в общество проживавшей там в роскошных особняках "золотой молодежи". На одной вечеринке сын расстрелянного гестаповцами бывшего министра финансов М. Джорджевича Саша, в доме которого я жил, показал мне девушку лет 20-ти. "Мы зовем ее "княжна", – сказал он. – Она – вылитый портрет короля Александра. Ее мать, некогда одна из первых красавиц Белграда, была фрейлиной королевы и любовницей короля. Ее муж в Румынии звался Маркулеску. Здесь он Маркович – один из первых богачей, директор государственных монополий, обладатель всех орденов Югославии".

Что ж, ничто человеческое не чуждо и королям!

Примечания

¹ *Stanojević St.*, prof. Narodna enciklopedija srpsko-hrvatsko-slovenančka. S.a. Статьи: Aleksandar I; Petar I Veliki Oslobođilac. Enciklopedija Jugoslavije. Zagreb. MCMLV–MCMXXI. Статьи: Karadorđević Aleksandar, Karadorđević Petar.

² *Волков В.К.* Операция "Тевтонский меч". М., 1966. С. 13.

³ Enciklopedija Jugoslavije. Sv. 5. S. 199.

⁴ *Нешковић Б.* Истина о Солунском процесу. Београд, 1953. С. 20.

- 5 Поповић Н. Србија и Русија 1914–1918. Београд, 1977.
С. 32.
- 6 Božić O., Ćirković S., Екмеџић М., Дедијер В. Историја Југославије. Београд, 1972, с. 348–349.
- 7 Алжунин М. Солунски фронт. Београд, 1967. С. 105.
- 8 Šišić F. Dokumenti o postanku Kraljevine Srba, Hrvata i Slovenaca.
- 9 Нешковић Б. Исто. С. 8, 93, 108.
- 10 Исто. С. 242.
- 11 Исто. С. 56.
- 12 Smith Pavelić A., Dr. Ante Trumbić. Problemi hrvatsko-srpskih odnosa. München, 1959. S. 180.
- 13 Ćulinović F. Jugoslavija između dva rata. I. Zagreb, 1961. S. 172.
- 14 Gligorijević B. Demokratska stranka i politički odnosi u Kraljevini Srba, Hrvata i Slovenaca. Београд, 1970. S. 25.
- 15 Šišić F. Оп. cit. S. 299.
- 16 Подробно об этом см.: Зеленин В.В. Некоторые аспекты становления и кризиса представительной системы Королевства сербов, хорватов и словенцев // Проблемы истории кризиса буржуазного политического строя. М., 1984. С. 65–80.
- 17 Gligorijević B. Оп. cit. S. 503.
- 18 Ćulinović F. Оп. cit. I. S. 315–321.
- 19 Krizman B. Vanjska politika jugoslavenske države 1918–1941. Zagreb, 1975. S. 69.
- 20 Gligorijević B. Оп. cit. S. 240.
- 21 Ibidem.
- 22 Ibidem. S. 243–244.
- 23 Vid. ibidem.
- 24 Ćulinović F. Оп. cit. I. S. 546–547.
- 25 Ibid. S. 356.
- 26 Ibid. S. 544–546.
- 27 История Югославии в двух томах. Т. II. М., 1963. С. 113.
- 28 Gligorijević B. Оп. cit. S. 539.
- 29 Ćulinović F. Оп. cit. II. S. 7.
- 30 Ibid. S. 14.

- 31 Ibid.
- 32 Преглед историје Савеза комуниста Југославије. Београд, 1963. С. 161 и след.
- 33 *Krizman B.* Neuspio atentat na Aleksandra // "Danas". Zagreb, 1984. Br. 187. S. 75–76.
- 34 *Bystrický V.* Diplomatski razvoj u jugoistocnoj Evropi 1932–1934 // Radovi Instituta za hrvatsku povijest. Zagreb, 1978. Br. 11. S. 318.
- 35 *Čulinović F.* Op. cit. II. S. 65; Волков В.К. Указ. соч. С. 12–13. 27–31.
- 36 *Čulinović F.* Ср. cit. II. S. 65–66.
- 37 *Нешкових Е.* Исто. С. 173–181.
- 38 См., например: *Gligorijević B.* Ср. cit. S. 331.
- 39 Ibid. S. 474.
- 40 *Čulinović F.* Ср. cit. II. S. 245–246.
- 41 Ibid. S. 393.
- 42 Ibid. S. 252.
- 43 См. подробно: *Čulinović F.* Op. cit. I. S. 244–252.

А.Л. Шемякин

НИКОЛА ПАШИЧ
1845–1926

На белградском Новом кладбище, справа по "аллее Великанов"*, среди других надгробий стоит памятник. Широкая мраморная плита, стела с бюстом пожилого господина с окладистой бородой работы ученика знаменитого Родена хорватского скульптора Ивана Мештровича. На плите надпись – Никола П. Пашич (1845–1926).

*Место захоронения крупнейших сербских политиков, государственных деятелей, полководцев.

Камень спас эту могилу от исчезновения, чем грозило ей почти полувековое табу, наложенное на имя упокоенного здесь человека. Все это время его, на хорошо нам известном новоязе, именовали не иначе как буржуазным националистом, шовинистом и гегемонистом. Запрет в эпоху "Братства и единства" был тотальным. Еще несколько лет назад публичное возложение цветов на могилу старца грозило арестом. Так, по крайней мере, говорили автору этих строк белградские коллеги. Редкие прохожие сворачивали в аллею Великанов.

Однако постепенно приходили новые времена, извлекая со дна забвения многие, казалось бы, прочно там погребенные имена. Одним из первых, кого востребовала "проснувшаяся" историческая память народа, оказался именно он — пожилой господин с бородой.

* * *

Для каждого беспристрастного наблюдателя ныне совершенно очевидно, что Никола Пашич занимает в истории сербского народа исключительное место. Его жизнь и политическая деятельность протекали в переломную для Сербии и всей Европы эпоху. Он родился в 1845 г. в Заечаре — городке в восточной части вассального Сербского княжества — формально подданным Турецкой империи, а умер в 1926 г. в Белграде — столице объединенного югославянского государства — Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев*, — уйдя лишь за несколько месяцев до смерти с поста его премьер-министра.

В промежутке между этими крайними датами произошли многочисленные события, сыгравшие огромную роль в исторических судьбах сербского и других южнославянских народов. Великий Восточный кризис 1875–1878 гг.; Берлинский конгресс 1878 г.; сербско-болгарская война 1885 г.; "майская революция" в Белграде 1903 г., в результате которой на сербский престол была возведена династия потомков легендарного Карагеоргия; Бос-

*Так до 1929 г. официально называлась Югославия.

нийский кризис 1908 г.; Балканские войны 1912–1913 гг.; еще одна война – теперь уже мировая, в огне которой сгорели две России – монархическая и демократическая, но из которого в 1918 г. родилось (к счастью ли?) объединенное югославянское государство; Парижская мирная конференция 1919–1920 гг., юридически закрепившая появление на карте Европы этой новой геополитической реальности – таковы вехи исторического пути Сербии, Балкан и Европы в конце XIX – начале XX веков.

Но они же, эти вехи, являлись также и важнейшими рубежами в жизни Николы Пашича, который во всех этих событиях принимал самое непосредственное участие сначала как лидер оппозиции и "бунтовщик", приговоренный к смерти королем из династии Обреновичей, затем как влиятельный, но в основном "теневой" политический деятель, и наконец, как многолетний глава сербского правительства. Полвека (срок для Балкан немислимый) он активно участвовал в политической жизни, причем не где-нибудь на задворках, а на самой что ни есть ее авансцене. Впервые он был избран в Народную скупшину (Парламент) в 1878 г. и оставался ее депутатом с небольшими перерывами, связанными с эмиграцией, вплоть до своей смерти в декабре 1926 г. Свое первое правительство он сформировал 24 февраля 1891 г., последнее – 18 июля 1926 г. По числу возглавлявшихся им кабинетов мало кто из европейских деятелей может с ним сравниться. За три с половиной десятилетия он 25 раз был премьер-министром, а в самые драматические, переломные 1912–1918 гг. беспрерывно находился во главе сербской исполнительной власти. Несть числа должностям в государственной иерархии, которые занимал Пашич в различные годы своей долгой политической карьеры. Председатель Народной скупщины, мэр Белграда, посланник в Петербурге, министр строительства, министр иностранных дел, глава делегации на Парижской мирной конференции. И наконец, еще одна – партийная "должность". 45 лет (!), начиная с 1881 г., Пашич беспрерывно находился во главе основанной им же Сербской народной радикальной партии.

Из одного этого перечня ясно следует, что перед нами неординарный и "непотопляемый" политик.

* * *

В молодости Пашич отдал дань увлечению социализмом. Остаться в стороне от модных тогда теорий было довольно сложно, так как Цюрих, где в 1868—1872 гг. он учился в Высшей политехнической школе, готовясь стать инженером-строителем, представлял собой в то время "настоящее гнездо русских социалистов и нигилистов"¹. В этом гнезде нашлось место и для сербских студентов. Большинство из них, и Пашич в том числе, поначалу примкнули к движению М.А. Бакунина, влияние которого на цюрихскую молодежь было в начале 1870-х гг. весьма велико.

Позднее, уже будучи у власти, Пашич любил при случае упомянуть знаменитого русского анархиста, шегольнуть своей с ним некогда близостью, нередко цитировал его, "как будто, — по словам современника, — хотел показать, что знакомство с ним не пропало даром"².

Однако к общественным теориям Бакунина Пашич, который, кстати, с ранних лет отличался от своих сверстников несвойственными юности и горячему балканскому темпераменту практичностью, реализмом и хладнокровием, относился с плохо скрытым скепсисом. Согласно ставшей уже легендарной версии, в ответ на предложение Бакунина посвятить себя борьбе "за общее дело", т.е. подготовке в славянских областях социальной революции, со стороны сербского студента последовал вежливый, но твердый отказ: "Я вас люблю, я вам поражаюсь, но-я не могу довериться только вашему авторитету, так как мне пока еще не ясно, чем вы замените существующий порядок, если вдруг свершится однажды социальная революция... Вы знаете, — продолжал Пашич, — что я готовлюсь стать инженером-строителем, и я никогда бы не решился разрушить дом до того, пока не знал бы твердо, что я построю на его месте"³.

Было, однако, нечто, что и позволяет говорить о "ненаправленности" знакомства Пашича с Бакуниным. Это нечто — сама идея переворота, как вполне допустимого средства достижения цели в политической борьбе, привитая ему в Цюрихе знаменитым русским анархистом. Привязанность к этой идее Пашич пронес через всю свою жизнь. Авторитетнейший сербский историк Слободан Йованович с правом подчеркивал, что "от социалистиче-

ской молодости в нем осталась тайная вера в спасительность немирных средств, будь то революция или война"4*.

Значительно больше чем социальные, Пашича занимали наиболее актуальные для Сербии вопросы — политические и национальные. Швейцария, эта самая свободная в те времена страна в Европе с ее либеральной конституцией и пользующимися широким самоуправлением кантонами, стала навсегда для него примером государственного устройства, образцом для подражания в деле демократизации собственной страны, необходимость которой, по его мнению, давно назрела.

Властно, как "пепел Клааса", стучало в сердце Пашича и постоянное напоминание об исторической разделенности сербского народа, лишь часть которого проживала в собственном государстве; многие же сотни тысяч сербов из Боснии и Герцеговины, Новипазарского Санджака, Старой Сербии и Македонии, Воеводины, Далмации, Хорватии и Славонии оставались под властью Турции и Австро-Венгрии. Борьба за "освобождение и объединение" сербского народа стала для Пашича главным делом всей его жизни. Восстание в Боснии и Герцеговине 1875 г. он посчитал началом этого процесса. Но не тут-то было. Пролитая повстанцами кровь, а также жертвы, принесенные Сербией в двух войнах с Турцией в 1876 и 1878 гг., не привели к ожидаемому объединению с ней Боснии и Герцеговины. Берлинский конгресс, собравшийся для рассмотрения итогов русско-турецкой войны 1877—1878 гг. и даровавший Сербскому княжеству полную государственную независимость при некотором его территориальном увеличении, дал Австро-Венгрии санкцию на оккупацию этих "сербских Эльзаса и Лотарингии"5.

О решении европейской дипломатии Пашич отозвался горькими словами: "Наша идея освобождения и объединения получила на Берлинском конгрессе смертельный удар"6. Его можно понять, ибо еще в 1875 г., во время боснийско-герцеговинского восстания, явившегося прологом Великого Восточного кризиса, он пришел к выводу: "Кем были для наших дедов и отцов турки, тем

*А.П. Извольский, занимавший в 1906—1910 гг. пост министра иностранных дел России, единственный из российских бюрократов высшего ранга, с кем у Пашича не сложились отношения, называл его "старым заговорщиком".

же станут для нас австрийцы, если мы не организуем отпор тому окружению, которое для нас готовит Вена"⁷. Отпора не получилось, и на западных (Босния) и юго-западных (Новипазарский Санджак) границах три года спустя Сербии угрожал новый и значительно более мощный неприятель. "Противник нашего освобождения и объединения изменился, — констатировал Пашич, — место "прогневшей" Турции заняла Австро-Венгрия"⁸. С этого момента и вплоть до своего краха в 1918 г. она будет для него врагом номер один, ибо, оккупировав исконные сербские земли, стала главным препятствием на пути реализации национальных амбиций Сербии, на пути решения "прадедовской задачи освобождения и объединения"⁹. В противостоянии сербского Давида и австро-венгерского Голиафа часы были пущены. Чья-то судьба была предрешена.

Пашич начинал свою парламентскую деятельность в очень сложное время. Сербский князь Милан Обренович, более озабоченный укреплением собственного престола чем защитой интересов страны, согласился удовлетворить все требования Габсбургской империи — в частности он пошел на предоставление северной соседке значительных односторонних преимуществ при заключении с ней в 1880 г. торгового договора — и, чтобы доказать Вене свою безграничную лояльность, заключил в следующем году с правительством Франца Иосифа знаменитую "Тайную конвенцию", поставившую под серьезное сомнение сербский суверенитет.

В условиях открытой экспансии Дунайской монархии откровенно антинациональная политика М. Обреновича, придерживавшегося, кстати, весьма реакционного курса внутри страны, требовала от демократической оппозиции поиска действенного ей противовеса. 8 января 1881 г. была основана Сербская радикальная партия. Ее основателями стали молодые интеллигенты, бывшие соратники известного сербского социалиста Светозара Марковича (1846—1875) Пера Тодорович, Раша Милошевич, Пера Велимирович, Лаза Пачу и др. В этой компании "отцов-основателей" заметную роль играл и Никола Пашич, бывший некогда в весьма близких отношениях с покойным Светозаром. Именно он стал председателем Главного комитета радикальной партии.

В ее программе торжественно провозглашалось: "Целью нашего государственного устройства мы считаем: внутри страны — народное благосостояние и свободу, а вне ее — государственную независимость и освобождение и объединение остальных частей сербского народа"¹⁰. Антиправительственная пропаганда радикалов, выступавших против всевластия, бюрократии, за введение демократических прав и свобод и тотального самоуправления снизу доверху, а также за изменение внешнеполитического курса страны, падала на благодатную почву. В сербском крестьянстве, вынесшем все тяготы двух сербо-турецких войн и получившем от независимости лишь усиление налогового гнета с целью покрыть потребности постоянно разбухавшего государственного аппарата и способствовать выплате огромного внешнего долга, зрело недовольство и усиливалось брожение. Имея прекрасных агитаторов и "уйдя в народ", наследники С. Марковича добились того, что крестьяне в массовом порядке вставали под радикальные знамена. Партия, которая в момент своего образования являлась фактически лишь клубом радикальных депутатов Скупщины, менее чем за два года стала огромной, хорошо организованной силой общенационального масштаба, и уже в 1882 г. превратилась в один из решающих, наряду с королем* Миланом Обреновичем, факторов политической жизни страны. Именно радикальная партия и монарх, который желал единолично управлять государством, оказались во главе двух враждебных лагерей.

Противостояние это отличалось бескомпромиссностью и очень скоро превратилось в прямую конфронтацию. Милан, которому не было еще и тридцати лет, считал всякую оппозицию режиму своим личным и династическим противником и не шел ни на какие уступки. Радикальные же лидеры, которые за исключением Пашича тоже были не намного старше, под воздействием своих быстрых успехов полагавшие, что победа над режимом не за горами, также не были склонны к компромиссу. Самые горячие головы уже предвкушали "увидеть Милана, свергнутого с престола, кельнером в пивной, разносящим пиво"¹¹. Каждый лагерь имел свою опору. Оппозиция рассчитывала на поддержку народа, король надеялся на "Тайную конвенцию" и регулярную

*В феврале 1882 г. Сербия была провозглашена королевством.

армию. В воздухе запахло грозой, которая не замедлила разразиться. На восстание крестьян Тимоцкого края, что в восточной Сербии, осенью 1883 г. король ответил карательными действиями, военно-полевым судом, тюрьмами и расстрелами. Главный комитет радикальной партии в полном составе был арестован. Пашич, чью голову жернова королевской мести смололи бы в первую очередь, бежал за границу. Начались его шестилетние скитания по Болгарии, Румынии, России.

Победа короля Милана и временный разгром радикальной партии не привели, однако, к умиротворению страны. Оппозиционный настрой народа не спадал. Мало того, ореол мучеников добавил радикалам новую дозу популярности. Желание монарха санировать внутреннюю обстановку с помощью небольшой победоносной войны с Болгарией закончилось в ноябре 1885 г. жестоким поражением сербской армии под Сливницей. Ко всем неприятностям добавились неурядицы внутри собственного семейства, чему причиной были как неумный темперамент его главы, так и политические амбиции его супруги — королевы Натальи.

Нервы короля не выдержали, и он решил отступить. В 1888 г. он созвал Великую народную скупщину, на которой была принята новая конституция Сербии, установившая было в стране парламентский режим. Многие положения программы радикальной партии нашли в ней свое воплощение. Сам король не мог выдержать этой "вакханалии" демократии и в феврале 1889 г. отрекся от престола в пользу своего несовершеннолетнего сына Александра. В марте того же года из эмиграции на родину вернулся Никола Пашич. Его возвращение было триумфальным. Казалось, вот она, олицетворенная в триумфе лидера, победа радикальной партии. Но нет. До полной победы было еще далеко.

* * *

Следующие четырнадцать лет сербской истории были временем крайне нестабильным. Режим Александра Обреновича, совершившего в 1893 г. государственный переворот и отменившего конституцию 1888 г., бросался из крайности в крайность — от "оттепели" к "заморозкам". Относительно либеральный курс начала 90-х гг. сменился к концу столетия "завинчиванием гаек",

символом которого стала так называемая "владановщина" (по имени премьера (1897–1900) "внепартийного" кабинета Владана Джорджевича). Неустойчивость во внутренней политике сопровождалась колебаниями и во внешнеполитической ориентации: от Австро-Венгрии к России и обратно.

Венцом противоречивого правления Александра Обреновича стала его женитьба на Драге Машин — бывшей фрейлине его матери, женщине с безупречной репутацией. Своим выбором Обренович-младший оттолкнул от себя и тех немногих, кто продолжал его поддерживать, включая и собственного отца. Этот брак, а также связанные с ним аферы вроде ложной беременности королевы и слухов об объявлении престолонаследником ее брата, ускорили развязку. 29 мая 1903 г. король и его супруга были убиты в результате офицерского заговора, и династия Обреновичей, таким образом, навсегда сошла с исторической арены. Живых ее представителей более не осталось. Провидение хранило экс-короля Милана от участи свидетеля трагедии собственного сына; он умер в 1901 г.

Параллельно с судорогами правительственной линии раскачивался в эти годы и маятник политической судьбы лидера радикалов. Причем, амплитуда его колебаний была значительной. От кресла премьер-министра и постов мэра Белграда и посланника в Петербурге до тюремной камеры, от монарших милостей до очередного смертного приговора, от попытки стать одним из Регентов при малолетнем короле до новой эмиграции.

Рубеж веков был не лучшим временем в жизни Н. Пашича. Когда в Иванов день 1899 г. было совершено покушение на М. Обреновича (так называемый Иванданский атентат), обладавшего при дворе своего сына до его женитьбы колоссальным влиянием и официально занимавшего должность главнокомандующего королевской армией, мстительный экс-монарх нашел, что пришла пора окончательно свести счеты с ненавистными радикалами. Лидеры партии, включая Пашича, были арестованы. Несмотря на абсолютную абсурдность предъявленных обвинений, у Пашича были все шансы живым из тюрьмы не выйти. Положение его было отчаянным. Тем более, он и не предполагал, что с определенного момента жизнь его была вне опасности — Россия решительно и недвусмысленно высказалась против смертных приговоров радикальным руководителям. А тогда ее слово значило немало.

На суде Пашич признал, что радикальная партия якобы действительно вынашивала тайные замыслы против династии Обреновичей, взяв на себя ответственность за подготовку психологической атмосферы покушения. Мало того, он обвинил в этом не только себя, но и своих коллег по партийному руководству, сидевших вместе с ним на скамье подсудимых. В сущности это был самооговор, и Обренович-старший не мог им не удовлетворяться, полагая, что публичное покаяние Пашича и "сдача" им своих соратников означают его моральную смерть в глазах как членов партии, так и общественного мнения. Получив пять лет каторги, он был немедленно помилован. Его репутация была, действительно, серьезно "подмочена". Однако Пашич и не собирался складывать оружия. Вместе с тем он не стремился и торопить события. Бросив весла, он, казалось, фаталистически плыл по течению.

Отойдя временно от политики, Пашич занялся "литературным" трудом. В ноябре 1902 г. из-под его пера вышла обширная рукопись "Моя политическая исповедь (заметки для брошюры)", в которой он объяснял причины своего поведения на суде, а кроме того рассматривал и перспективы решения сербского национального вопроса.

В "Исповеди" Пашич сформулировал основной принцип своей политической позиции: "Национальная свобода всего сербского народа всегда была для меня большим идеалом, чем политическая свобода сербов в Королевстве (собственно в Сербии. — А.Ш.)". Вместе с тем, находя между первым и вторым тесную взаимосвязь, Пашич полагал, что лишь демократическое устройство самого Сербского королевства может стать важнейшим критерием его способности претендовать на роль сербского Пьемонта*, т.е. объединителя всех земель, населенных сербами. "Только свободная и конституционная Сербия, — писал он, — может соответствовать своей национальной задаче, поэтому я и стал проповедником радикальных принципов. Я уверен, что только демократически-конституционная Сербия может быть центром притяжения всех сербов...". И далее: "Сербские политики, стремящиеся к

*Именно Пьемонт возглавил в свое время процесс объединения многочисленных государств Апеннинского полуострова в единое Итальянское королевство.

тому, чтобы привлечь внимание всех сербов, живущих за пределами Сербии, к ней, желающие создать такое настроение у сербов за границами Королевства, что они бы могли пожертвовать чем угодно в своем стремлении объединиться с Сербией, должны быть всегда защитниками конституционных свобод в своей стране, даже оставаясь в душе абсолютистами"¹². Очевидно, таким образом, что борьбу радикальной партии с бюрократией за конституционное устройство Сербии Пашич рассматривал отнюдь не как самоцель. Для него победа демократии в собственной стране была лишь средством осуществления идеала, воплощения векового сна об освобождении и объединении всех сербов.

"Исповедь" Пашича так и не увидела света, ибо буквально через полгода после ее написания "майская революция" 1903 г. поставила перед автором иные задачи.

Внук славного Карагеоргия Петр Карагеоргиевич, ставший в июне 1903 г. сербским королем и по-иному, чем Обреновичи, смотревший на сербские национальные приоритеты, был готов для их обеспечения связать судьбу страны и династии с радикальной партией, за которой шло большинство народа. Национальный консенсус был достигнут. Радикалы "всерьез и надолго" пришли к власти в Сербии. Все это означало окончательную победу демократии и установление подлинно парламентского режима. В "победном" 1903 г. Великая народная скупщина приняла очередную конституцию, которая в принципе повторяла основные положения радикальной конституции 1888 г. Новый король обязался уважать конституционный порядок и правил в согласии с Парламентом все последующие отпущенные Сербии мирные годы.

Политическая свобода была завоевана, предстояло круто переложить руль и "плотно" заняться проблемами национальными. На первое место выходила задача внешнеполитического, психологического, технического обеспечения сербских национальных амбиций; подготовки страны к маячившим в отдалении решающим событиям. В том, что они грядут, у Пашича не было сомнений еще в 1878 г., в момент триумфа Вены. Начиналась новая эпоха в истории Сербии, новая фаза в развитии радикальной партии, новый этап в жизни Николы Пашича.

Довольно быстро Пашичу удалось вернуть утраченные было позиции в партии и снова стать ее неформальным лидером. После прихода радикалов к власти он постепенно отошел от внутренних проблем и сконцентрировался на внешней политике. Внутреннюю политику он доверил ведущему радикальному идеологу и защитнику сербского парламентаризма Стояну Протичу, а финансы — "сербскому Витте" Лазе Пачу. Все трое, будучи в своей области отнюдь не дилетантами, много лет прекрасно дополняли друг друга.

Главной задачей Пашича в эти годы было противодействие Австро-Венгрии, которая в правление короля П. Карагеоргиевича проводила по отношению к Сербии откровенно враждебную политику. Приход к власти сербских национальных элементов не мог не подействовать на Вену, интересам которой отвечала только слабая и зависимая Сербия, как красная тряпка на быка. Кроме того, недовольство югославян монархии, проявления которого в конце XIX — начале XX века стали быстро множиться, политики с Балль-платца приписывали "подрывной" деятельности Белграда, хотя их причины лежали в негармоничности самой системы австро-мадьярского дуализма, особенно проявившейся в это же время. По ту сторону Савы снова зазвучали призывы с помощью небольшого победоносного похода вернуть монархии крепость и монолитность. Вместо внутренних реформ Вена решила проучить южного соседа. И если во времена оккупации Боснии и Герцеговины стратегия венского кабинета заключалась в том, чтобы в один прекрасный день через Новипазарский Санджак (остававшийся еще под властью Турции и отделявший Сербию от Черногории) спуститься в Вардарскую долину, далее на побережье Эгейского моря и занять Салоники, то в начале XX века в военных кругах Дунайской монархии крепло убеждение, что путь к Салоникам ведет не через Санджак, а через Сербию. Следовательно, занятие Сербии для особо горячих голов было предпосылкой дальнейших завоеваний. Даже те из австро-венгерских политиков, кто был против дальнейшего "расползания" империи по Балканам, боясь катастрофического уменьшения немецко-мадьярского элемента в ее населении, советовали-таки предпринять "марш на Белград", так как им казалось, что обострившиеся внутренние проблемы монархии невозможно решить, пока не будет уничтожено или по

крайней мере значительно ослаблено Сербское королевство, государственная самостоятельность которого была, по их мнению, главным источником постоянно тлевшего недовольства австро-венгерских югославын. Часы австро-сербского противостояния, пущенные еще на Берлинском конгрессе, набирали ход.

Пашич не мог не видеть растущую угрозу с севера. Его политика заключалась в поисках серьезного противовеса ей. Как в борьбе против М. Обреновича он нашел таковой в сербском крестьянстве, которое в массе своей пошло за радикальной партией, так и в стремлении нейтрализовать опасность со стороны мощной соседки он сделал главную ставку на ее главного соперника в балканских делах — на Россию.

Н. Пашич был убежденный русофил. С начала 1880-х гг. он выступал за тесный союз Сербии с Россией. Без ее содействия он не мыслил себе решения сербского национального вопроса в полном объеме. Еще в 1887 г. он четко выразил эту свою уверенность: "Македонию мы в состоянии освободить сами без военной помощи России, однако без ее содействия мы не сможем возвратить Боснию и Герцеговину и другие сербские земли, находящиеся ныне под властью Австро-Венгрии"*¹³. Интересное заключение он сделал и в своей "Политической исповеди": "У нас, т.е. в сербской политике, можно считать непреложным правилом следующий расклад: определение во внутренней политике в пользу парламентских методов и конституционной власти, пользующейся доверием большинства народа, непременно ведет во внешней политике к ориентации на славянскую, православную Россию. И наоборот: опора во внешней политике на Австро-Венгрию обязательно приводит к реакции, власти меньшинства, столкновению ее с народной волей, к мерам строгим и чрезвычайным"¹⁴.

Подобная закономерность отнюдь не случайна, если вспомнить, что внутреннее устройство страны было для Пашича глав-

*После Боснии и Герцеговины Македония, которая все еще оставалась под властью Турции, была главным объектом сербских национальных вождедений. И не только сербских. За преобладание в этой области шло острое соперничество между Сербией и Болгарией, также претендовавшей на нее, как на свою этническую территорию. Спор вокруг Македонии на протяжении десятилетий серьезно омрачал взаимные отношения двух соседних югославянских государств.

ным критерием способности Королевства претендовать на роль объединителя сербских земель. Весьма любопытным представляется то, что российское правительство также принимало эти "правила игры". На одной из депеш российского дипломатического представителя в Белграде А.И. Персиани, в месте где говорилось о целесообразности и полезности для России способствовать установлению в Сербии конституционного порядка, Александр III начертал: "Да". Тот же Персиани в ноябре 1887 г. писал министру иностранных дел России Н.К. Гирсу: "Будущность принадлежит этой (радикальной. — А.Ш.) партии и с нею придется считаться. Хотя я знаю недоверие, которое питает к ней императорское министерство (из-за излишнего революционаризма в первый период ее истории. — А.Ш.), и держусь, на основании инструкций, в стороне от радикалов, долгом считаю уверить Ваше Высокопревосходительство, что между ними можно насчитать более искренних приверженцев России, чем даже между либералами (партией бывшего "сильного человека" Сербии Йована Ристича, считавшейся традиционно русофильской. — А.Ш.)" 15.

К концу 80-х гг. в отношении российских верхов к сербским радикалам прагматический подход окончательно вытеснил раннюю идеологическую нетерпимость. Так постепенно складывалась, на первый взгляд, несколько парадоксальная "дружба" радикалов — единственной подлинно демократической партии в Сербии — и "деспотического" Петербурга. Хотя почему парадоксальная? Ведь лежавшие в глубине того же франко-русского союза, по словам посла Франции в России Мориса Палеолога, "моральная противоположность и молчаливая двусмысленность" 16, не помешали ему стать одним из решающих факторов глобальной мировой политики.

При всем своем прочном прорусском определении Пашич не был, конечно, "агентом Петербурга", в чем его нередко обвиняли многочисленные политические противники. В далеком 1883 г. он писал, что следует четко выяснить политические намерения России, чтобы "она не потребовала от нас за свои услуги того, чего бы мы не смогли выполнить, или что нам любовь к своему отечеству и народу не позволила бы сделать" 17. Этому кредо Пашич оставался верен всегда. Важнейшим мотивом любого его внешнеполитического шага всегда оставались интересы Сербии

и сербского народа. По словам часто его наблюдавшего современника, "Пашич искал опору в России, однако он никому не был обязан, а если кому и был, то не останавливался перед корректировкой своих обязательств, когда этого требовали интересы его страны, его народа, в который он верил безгранично"¹⁸.

Важнейшим критерием профессионализма политика, особенно политика из малой страны, является, на наш взгляд, умение заручиться надежной поддержкой великой державы, сохранив при этом государственное достоинство своей "малой" родины, и не превратившись в заурядного сателлита могучего покровителя. Лидер сербских радикалов обладал этим умением сполна, о чем свидетельствует, кстати, и оценка, данная ему А.Ф. Керенским: "Родоначальник новой Сербии, он всегда был тесно связан с жизнью нашей страны. Он умел быть славянином-русофилом, никогда не впадая при этом в крайности вульгарного "москвофильства"¹⁹.

Всю свою долгую жизнь в политике Пашич оставался верным другом России. Во многом благодаря именно ему, русско-сербские межгосударственные отношения после 1903 г. заметно потеплели, а времена Берлинского конгресса, когда, по словам последнего российского посланника при сербском дворе князя Г.Н. Трубецкого, "Болгария была нашим любимым детищем, а Сербия — забытой падчерицей"²⁰, ушли в прошлое. Пашичу так удалось привязать, как тогда говорили, "маленький сербский плот к огромному русскому кораблю", что интересы Сербии нередко рассматривались в Петербурге как свои собственные (особенно, что касалось отношений Белград-Вена) и никакие штормы политической конъюнктуры не могли нарушить единство курса. Показателем этого стали роковые дни июля 1914 г.

Давно уже не утихает спор, чего же было больше в балканской политике России — стремления использовать славян для реализации собственных "империалистических" интересов в регионе или православно-сентиментального чувства, корысти или бескорыстия. Истина же, наверное, как всегда, лежит где-то посередине, хватало и того, и другого. Приведем высказывание человека, несомненно, компетентного в этой деликатной сфере — князя Трубецкого: "Нельзя сказать, чтобы русская политика на Балканах отличалась устойчивостью и последовательностью. Она ко-

лебалась между утилитарным оппортунизмом, который лежит в основе внешней политики всякого государства, и идеологией, которая в большинстве случаев брала над ним верх. Самая идеология нашей политики на Балканах в свою очередь не была соткана из одного куска. В нее входили два мотива: вероисповедное начало, в силу которого Россия считала себя призванной поддерживать православие на Ближнем Востоке, равномерно покровительствовать единоверным народам, и национальный принцип, в силу коего славянские народы приобретали особое привилегированное положение в наших глазах. Ни один из указанных принципов не проводился полностью, и по большей степени разнообразные стимулы уживались вместе — зачастую, в самом незаконном сожительстве"²¹. В моменты кризисов второй элемент в политике России, не без влияния русского общественного мнения, заметно усиливался.

2 августа 1914 г. в день объявления императорского манифеста о вступлении России в войну с Германией кинохроника запечатлела огромную толпу, собравшуюся перед Зимним дворцом, где проходило торжественное богослужение о даровании победы русскому воинству: тысячи людей становятся на колени, а затем, поднимаясь, кричат "Ура", вздымая вверх полотнища с лозунгом "Помоги своему младшему брату сербу!"²². Надо полагать, эти люди не думали тогда о Константинополе и проливах. Все напоминало времена сорокалетней давности, когда за сербо-турецкой войной 1876 г., закончившейся, как известно, поражением сербских войск, последовала война русско-турецкая и когда, по словам С.Ю. Витте, "... все... были заражены патриотическим духом, тем патриотическим направлением, которое, в сущности говоря, и вынудило Александра II объявить войну Турции"²³.

Великий Князь Александр Михайлович, шурин Николая II, писал в своих мемуарах, что в одном из разговоров с ним у его коронованного родственника "вырвалось признание, что он мог избежать войны, если бы решился изменить Франции и Сербии, но что этого он не захотел..."²⁴ Когда временный поверенный в делах России при сербском королевском дворе В.Н. Штрандтман принес Пашичу телеграмму императора престолонаследнику Александру Карагеоргиевичу, в которой говорилось, что в случае провала всех усилий избежать войны Россия "ни в коем случае не

останется равнодушной к участи Сербии", сербский премьер, человек с железными нервами и не по-балкански хладнокровный, перекрестился и с полными слез глазами произнес: "Господи, великий милостивый русский царь"²⁵.

Шаг Николая II в конечном итоге оказался самоубийственным. Россия мировой вс"ны не пережила. Трагический конец ожидал и императорскую фамилию. Пашичу в отличие от многих других политиков было свойственно чувство благодарности. Понимание того, что "под влиянием мировой войны психология русского народа изменилась и что старое вернуть невозможно"²⁶, не мешало ему всегда помнить о роли последнего российского монарха в спасении Сербии. В сопроводительном письме к своему текущему счету в белградском банке Пашич писал: "Деньги (а их было более 800 тысяч франков. — *А.М.*) может снять со счета только вкладчик, т.е. г-н Никола Пашич. В случае его смерти деньги следует передать председателю Народной скупщины с пожеланием употребить их на возведение памятника блаженнопочившему русскому царю Николаю II в знак благодарности сербского народа"²⁷. Средства эти были переданы по назначению, и в 1935 г. памятник "Николаю II и двум миллионам русских солдат Великой войны 1914 года", сооруженный по проекту русского архитектора из эмигрантов Р.Н. Верховского, был открыт. Монумент сей и поныне стоит на том же кладбище в Белграде, что и могила жертвователя, на так называемой "русской парцелле".

Трудно переоценить также роль и участие Пашича в деле приема и обустройства в Югославии многочисленных русских эмигрантов. По словам одного из них, известного журналиста Алексея Ксюнина, "друзья познаются в беде. Пашич познал русскую дружбу в момент, когда его страну заняли немцы. И русские (эмигранты. — *А.М.*) познали Пашича в тяжелое для них время"²⁸.

В России Николая Петровича (так здесь звали Пашича) ценили и уважали. Начиная с конца 80-х гг. минувшего столетия он пользовался полным доверием как правительства, так и русской общественности. Уже в феврале 1890 г. он был избран пожизненным членом Санкт-Петербургского Славянского Благо-

творительного Общества и удостоен Александром III своей первой российской награды — ордена Святого Станислава I степени. В особо для него драматичные моменты российское правительство не оставалось в стороне и всегда оказывало ему прямую или косвенную поддержку. В октябре 1885 г., когда над находившимся в румынской эмиграции Пашичем сгущались тучи, Н.К. Гирс направил российскому посланнику в Бухаресте князю Л.В. Урусову одобренную императором телеграмму, в которой ему предписывалось "употребить все старание к защите Пашича в случае, если румынское правительство было бы склонно выдать его Австрии или Сербии"²⁹. Подобного рода действия в его защиту петербургский кабинет предпринимал по крайней мере еще дважды — в 1894 и 1899 гг. В первом случае, когда в Сербию неожиданно вернулся главный политический оппонент радикалов и заклятый враг их лидера бывший король М. Обренович, а во втором — после "Иванданского атентата".

Отношение официального Петербурга к Пашичу недвусмысленно выразил сам Николай II. История донесла его слова, сказанные сербскому посланнику Димитрие Поповичу, во время аудиенции в Царском Селе в 1908 г.: "Пашич — основа здоровой политики Сербии"³⁰. Император, как и его отец Александр III, не раз отмечал Пашича российскими наградами. Кроме Станислава он получил также Белого Орла (1891 г.), бриллианты к нему (1910 г.), Александра Невского (1912 г.); и наконец, в апреле 1916 г., в разгар мировой войны, ему была пожалована красно-черная лента ордена Святого Владимира I степени — награда редчайшая и потому исключительно почетная. Вернемся однако к годам довоенным.

* * *

Привязав свой "плот" к русскому кораблю, Пашич тем самым сумел привязать его к могучей "эскадре" под названием "Антанта". Своей ориентации он не скрывал. Когда в 1906 г. Австро-Венгрия, в очередной раз пытаясь поставить Сербию в зависимое от себя положение, оказывала на нее сильнейшее давление с целью обеспечить размещение крупного заказа Белграда на поставку артиллерийских орудий на собственных заводах, угрожая при негативном ответе закрытием венгеро-сербской границы,

что, по ее мнению, привело бы сербскую экономику к коллапсу, Пашич — глава кабинета, инициировавшего вопрос о закупке орудий, без колебаний ответил отказом, хотя прекрасно понимал, что такая позиция сербского правительства грозит Сербии таможенной войной. Все сербские политические партии опасались закрытия границы и требовали от радикального кабинета уступок, но Пашич был непреклонен. Отдать заказ на орудия Вене значило для него стать ее заложником. И заказ был передан французской фирме "Шнейдер-Крезе". Политика диктовала свою волю экономике. Австрия закрыла границу с Сербией. Началась таможенная (или "свиная") война, длившаяся вплоть до 1911 г.

Всё, однако, не удалось поставить Белград на колени. С помощью антантовских, в первую очередь, французских капиталов была модернизирована сербская легкая и пищевая промышленность — основа экономики страны. Строились бойни, холодильники, консервные предприятия. Скот — главный экспортный товар — стали вывозить не в живом (как раньше на рынки Австро-Венгрии), а в "готовом" виде. Покупатели нашлись*. Убытки Сербии оказались во много раз меньше, чем полагали в Вене.

Таможенная война была для Сербии тяжелым испытанием; однако еще более тяжким стал Боснийский кризис, связанный с аннексией в 1908 г. (в год шестидесятилетия правления Франца-Иосифа Габсбурга) Боснии и Герцеговины. Пашич, который не был в тот момент у власти, в качестве "частного" лица требовал отпора аннексии, говоря о возможной защите сербских национальных интересов с оружием в руках. Будучи с чрезвычайной миссией в Петербурге, он, однако, понял, что Россия, сама явно уязвленная акцией венского министра иностранных дел графа А. Эренталя, еще не готова выступить в защиту Сербии. Она только-только переводила дух после поражения на Дальнем Востоке и двухлетней внутренней смуты. "Еще не время, — говорил Пашичу Николай II, — но в следующий раз Австрия заплатит за все". Сербия отступила. Но отступление было временным. В отблесках последнего триумфа Австро-Венгрии уже являлась тень древнего царя Пирра.

*Сербской тушенкой, к примеру, снабжался британский гарнизон на острове Мальта.

Во время Боснийского кризиса Пашич проявил себя незаурядным психологом. С одной стороны, его решительная "частная" позиция импонировала общественному мнению Сербии, оскорбленному в национальных чувствах. С другой стороны, когда министр иностранных дел Милован Милованович, с подачи дипломатов Антанты, стал задумываться о территориальных компенсациях за аннексию, на что Вена, может быть, и согласилась бы, он резко выступил против каких бы то ни было сделок. "Пусть на теле сербского народа останется живая рана", — говорил Пашич. Ясно, что он хотел сохранить высокий национальный тонус сербов для будущего реванша. Кто знает, может, он вспоминал тогда одну из парижских площадей, где стояли статуи женщин по числу провинций солнечной Франции, две из которых, олицетворяющие Эльзас и Лотарингию, уже в течение почти сорока лет были покрыты черным крепом, как вечное напоминание французам об отторгнутой и кровоточащей части Отечества.

Отступив и не ввязавшись в авантюру локальной войны с Австро-Венгрией, Сербия спустя считанные годы добилась сатисфакции с другой стороны. В 1912 г. она, Болгария, Греция и Черногория, заключив военный союз, объявили войну Турции, под властью которой все еще находились обширные территории, населенные славянами и греками. Многие политические противники Пашича в собственной стране злорадствовали: "Ну на этот раз Байя (сербское прозвище Пашича) сломает себе шею". Однако чего уж точно не было в нем, так это банального авантюризма. К 1912 г., благодаря кропотливой работе радикальной партии, Сербия имела мощную, хорошо и вовремя, с помощью России и Франции, вооруженную армию, моральный дух народа был, как никогда, высок, за спиной стояли могучие союзники. Многолетний заместитель Пашича-премьера по финансам и близкий его друг еще из 70-х гг. XIX века, Лаза Пачу говорил Льву Троцкому, обозревавшему в качестве военного корреспондента "Киевской мысли" балканские коллизии тех лет: "Наши финансы в прекрасном состоянии. Мобилизация обходится нам в один миллион динаров ежедневно. Мы сделали значительные запасы золота и спокойно смотрим навстречу завтрашнему дню. О займе мы не помышляем. На шесть месяцев нас хватит"³¹. Словом, каждый спокойно делал свое дело. Даже конституционный режим на время войны не был отменен.

Шлоды этой подготовки были впечатляющими. Сербские войска выиграла ряд решающих сражений I Балканской войны. Особенно отличилась сербская артиллерия, вооруженная теми самыми французскими орудиями, за которые в свое время "на смерть" бился Пашич. Вслед за I Балканской последовала II Балканская (межсоюзническая) война. Теперь Сербия, Греция, Румыния и примкнувшая к ним побежденная год назад Турция воевали уже против Болгарии, которая, будучи неудовлетворенной разделом освобожденных от турок территорий и взалкав их передела, неожиданно напала на сербские и греческие войска у местечка Брегалница. Боевые действия закончились быстро. Болгария в итоге потеряла почти-все, что только что приобрела. Бухарестский мир 1913 г., юридически закрепивший результаты обеих войн, признал за Сербией Вардарскую Македонию и Старую Сербию*. Южный "аспект" сербского национально-территориального вопроса, как его понимало сербское руководство, был решен. Оставался, однако, нерешенным главный — северный.

После сербских побед в Балканских войнах конфликт Вены с Белградом стал по сути неизбежным. Австрия не желала терпеть на своих границах усилившееся сербское государство, само существование которого будило в среде австро-венгерских югославян определенные центробежные тенденции, Целостность двуединой монархии теперь во многом зависела от того, сможет ли она сломить резко выросшую сербскую силу, нейтрализовать ее влияние в среде своих югославянских подданных.

В Вене отдавали себе отчет в рискованности войны с Сербией, опасаясь возможного вступления в нее России, после которого по принципу "домино" австро-сербское столкновение автоматически превратилось бы в войну европейских коалиций (что в конечном счете и произошло). Вместе с тем, полагая, что Россия, нуждавшаяся еще по крайней мере в нескольких годах мира для завершения своих оборонных мероприятий, не рискнет пока вмешиваться в конфликт на Балканах, австро-венгерские политики хотели успеть "наказать" Сербию в поединке "один на один".

*Нынешние Косово и Метохия.

Время работало против Габсбургской монархии, и в расчет ее правящих кругов не входило откладывать войну надолго.

Руководство Сербии, которую нередко обвиняли и обвиняют в развязывании мировой войны, рассуждало в ее канун по-иному. Считая столкновение с Австрией неизбежным, Пашич тем не менее стремился всячески оттянуть его. "В наших интересах, — говорил он своим сотрудникам, — чтобы Австро-Венгрия просуществовала еще лет 25—30, дабы мы могли так "переварить" наши новые территории на юге, что вопрос об их принадлежности уже никогда и никем не мог бы быть поставлен заново"³². Кроме того, после двух войн страна явно нуждалась в "мирной передышке". Однако таковой она не получила. Убийство эрц-герцога Франца-Фердинанда 28 июня 1914 г. в Сараево правящие круги Венны сочли слишком соблазнительным поводом для "локальной" войны, чтобы его не использовать. Что из этого вышло, хорошо известно. Мировая война стала реальностью.

В марафонской партии "Сербия — Австро-Венгрия" наступила решающая фаза — эндшпиль. По сравнению с долгим дебютом, который с явным преимуществом черно-желтых начал разыгрываться в 1878 г., и с десятилетним, начиная с 1903 г., миттельшпилем, во время которого красно-бело-синие несколько уравнили позицию, ответив на взятие Боснии и Герцеговины рокировкой в Македонии и Старой Сербии, эндшпиль был короток и смертелен. Причем смертельным он оказался, как это ни парадоксально, для обеих сторон. В 1918 г. не стало Австро-Венгрии, однако с карты мира исчезла и Сербия. Ее заменила Югославия. Правда, пагубность этой трансформации для Сербии станет очевидной значительно позже.

* * *

С началом мировой войны в повестку дня был поставлен югославянский вопрос. Сербское правительство и Народная скупщина определили в качестве своих военных целей освобождение и объединение в единое государство всех сербов, хорватов и словенцев. Пашич, стоявший во главе кабинета, естественно, разделял подобное определение. Сербские национальные амбиции достигли, таким образом, крайней степени выражения. Вопрос этот имеет свою предысторию.

В последние десятилетия XIX века и в начале века нынешнего представления о "народном единстве" сербов, хорватов и словенцев были достаточно широко распространены среди югославянской интеллигенции. Считалось, что и одни, и другие, и третьи являются частями одного народа, разделенного "злой судьбой". "Три племени одного народа" — это выражение надолго стало крылатым. Естественно, не раз заходила речь о путях возможного воссоединения родственных "племен". Однако ответы на вопрос, как его достигнуть, давались различные.

Политики собственно Сербии видели центром югославянского объединения свою страну. Представители хорватской и словенской интеллигенции, наоборот, считали возможным объединение югославян под скипетром династии Габсбургов при условии предоставления им тех же политических прав, какие имели обе господствующие нации — немцы и мадьяры. Они требовали замены австро-венгерского дуализма австро-венгеро-югославянским триализмом. Немалое их число приветствовало в связи с этим оккупацию, а затем и аннексию Боснии и Герцеговины, видя в этой акции усиление славянского фактора в монархии и пролог ее внутренней "перестройки". Что же касается австрийских и венгерских сербов, то они всегда с нескрываемой симпатией смотрели в сторону Белграда.

Никола Пашич также не остался в стороне от попыток хотя бы теоретического осмысления этого вопроса. В его архиве хранится рукопись, написанная, по-видимому, на рубеже 80—90 гг. XIX века, под названием "Согласие сербо-хорватов"³³. В ней он, вопрошая "кто объединит сербо-хорватов?", рассматривает шансы одного и другого "племени" на лидерство в этом процессе. Полагая, что "развитие современной европейской культуры с ее индустриальным производством и железнодорожным проникновением грозит малым государствам крахом", Пашич делает вывод о необходимости, дабы избежать этого, "собрания родственных племен в одно сильное государство". А так как "между языком сербского и хорватского племен и их литератур не существует никакой разницы", что для Пашича наряду с общностью происхождения было главным критерием их потенциального национального единства, то их объединение, по его мнению, было бы делом совершенно естественным. Мало того, оно кажется органически

вписывающимся в современную ему европейскую тенденцию "собираания народов", ибо в качестве примера для подражания он берет недавнее объединение Германии и Италии.

Проанализировав основные вехи истории сербов и хорватов, Пашич заключает: "... совершенно очевидно, что для сербо-хорватского народа в любом случае предпочтительнее группироваться вокруг демократической Сербии". И далее: "Так как сербский народ лучше сохранил свои славянские особенности, то именно он должен держать знамя славяно-сербо-хорватской идеи". В качестве главных славянских особенностей он полагал общину и православную церковь.

Очевидна некоторая антизападническая направленность документа, что, впрочем, и неудивительно, если учесть, что в тот момент Пашич находился под немалым влиянием знаменитой книги Н.Я. Данилевского "Россия и Европа", в которой, в частности, излагается учение о культурно-исторических типах: "Всякое племя или семейство народов, характеризуемое отдельным языком или группой языков, довольно близких между собою, ... составляет самобытный культурно-исторический тип"³⁴. Как прекрасно подходят под эту дефиницию югославыне. Не потому ли и у Пашича главным критерием и доказательством национальной идентичности сербов и хорватов является наличие у них единого языка. Кроме того, Данилевский, первое издание книги которого вышло еще в 1871 г., также считал сербов, хорватов и словенцев "сербскими племенами", предполагая вхождение когда-нибудь во Всеславянский союз "Королевства Сербо-Хорвато-Словенского"³⁵ (чем не Королевство СХС полвека спустя!).

Таким образом, в теории Пашич полагал возможным создание объединенного югославянского государства, в котором бы объединившиеся вокруг Сербского королевства иные "сербские племена" "излечились" бы от родимых пятен Запада, вернувшись в традиционное славянское лоно. Если это югославизм, а формально так оно и есть, ибо он представляет собой "идею об объединении югославянских народов и создании их общего государства"³⁶, то югославизм явно сербоцентристского толка. Об этом говорят и параллели, которые проводит Пашич. Вот одна из них: "В России малороссы и белорусы не являются более какими-то особыми народностями, они представляют собой только варианты

русской народности"³⁷. Аналогия с сербами, хорватами и словенцами абсолютно прозрачна.

Этот подход Пашича к решению югославянского вопроса, когда хорваты и словенцы объявлялись лишь частями "сербского племени", грешил явной облегченностью. Такая облегченность вообще была свойственна многим сербским политикам. Критерии были весьма упрощенными. Абсолютизировалась общность происхождения и языка и не учитывались иные важные, объективно разделяющие, факторы. Кроме того, подход этот во многом определялся и диктовался политической конъюнктурой. Лишь отдельные интеллектуалы видели потенциальные мины замедленного действия, в нем заложенные. Так, крупнейший сербский историк, филолог, писатель, дипломат и государственный деятель, иностранный член Российской Академии наук и кавалер российского ордена Белого Орла Стоян Новакович писал в мае 1912 г. директору Русского Археологического института в Константинополе Ф.И. Успенскому: "Все умные и хорошо к нам относящиеся люди советуют нам югославянское сообщество. Вы, русские, требуете от нас верности светлым традициям православия. Но когда мы опираемся только на них, мы теряем весь запад до Альп и Адриатики, где пропаганда нашей единой народности имеет более всего шансов на успех и где католические племена идут за нами. Поэтому я и кричу от отчаяния"³⁸. Маститый ученый вовремя заметил в потенциальных межконфессиональных осложнениях источник немалой опасности для идеи "единого народа", такой гармоничной на бумаге.

Как бы то ни было, югославянский вопрос с началом мировой войны был поставлен сербским правительством. Однако в условиях вооруженного противостояния он в еще большей степени оказался в зависимости от военно-политической конъюнктуры. Можно даже говорить о его использовании в чисто политических целях. Не секрет, что в противоборстве с Австро-Венгрией Пашич рассчитывал на югославян монархии как на своих потенциальных союзников, национальное движение которых неминуемо привело бы к ее внутреннему ослаблению. По свидетельству очевидца (секретаря сербского премьера), декларация о военных целях

Сербии приобрела югославянскую упаковку лишь, после того, как Пашича убедили, что "это поможет Сербии в войне, так как вызовет выступление югославянских и иных славянских народов Австро-Венгрии"³⁹. Политическая подоплека просматривается здесь явно. А как было на самом деле? Действительно ли Пашич стремился к созданию объединенного государства и верил в достижимость подобной амбициозной цели?

Обратимся к запискам младшего современника Пашича, многолетнего редактора радикальной "Самоуправы" и прекрасного знатока эпохи Милана Йовановича-Стоимировича, в архиве которого хранятся целые россыпи записей, заметок, свидетельств о жизни и деятельности лидера сербских радикалов. Одна из заметок, сделанных для себя внимательным и компетентным наблюдателем, особенно интересна. "Те, кто серьезно изучал жизнь Николы Пашича, — читаем в ней, — обычно утверждают следующее: если бы не произошла русская революция, Пашич бы добился создания Великой Сербии, ... поскольку в этом деле Россия оказала бы ему свою помощь. С помощью царской России Пашич бы смог создать такое государство, какое он и замышлял... Все земли, населенные сербами, были бы собраны воедино. Я записываю эту мысль, — продолжал автор, — только потому, что она часто звучит в разговорах и что она опирается на одно довольно реальное предположение, которое дает возможность понять личность Пашича, и хотя я не в состоянии ни понять, ни предугадать, как и в каком виде этот замысел мог быть реализован на практике, я верю, что при поддержке царской России Пашичу удалось бы воплотить в жизнь свой идеал"⁴⁰.

Что ж, поддержка России в этом деле ему действительно была гарантирована. Французский посол М. Палеолог вспоминал, как в ноябре 1914 г. Николай II заговорил с ним о возможных целях участников Антанты в начавшейся войне. Говоря о Сербии, он подчеркнул необходимость присоединения к ней Боснии и Герцеговины, Далмации и Северной Албании. Македония же должна была быть поделена между Сербией и Болгарией, которую предполагалось привлечь к участию в войне на стороне Антанты⁴¹. Кстати, Россия довольно косо смотрела на планы югославянского объединения, выдвинутые сербским правительством. Обладая

богатым опытом общения с собственными католиками в Царстве Польском, русские, в том числе и царь, предостерегали сербов от объединения с хорватами и словенцами.

В мае 1915 г. в Лондоне был основан так называемый Югославянский комитет, который возглавил Анте Трумбич — хорват из Далмации, стоявший на точке зрения народного единства сербов, хорватов и словенцев. Комитет выступал за создание единого югославянского государства. Пашич, однако, не желая признавать Комитет в качестве единственного представителя интересов австро-венгерских югославян, отнюдь не спешил с официальными заявлениями. Полагая "попечительство" над сербами, хорватами и словенцами монархии прерогативой исключительно сербского королевского правительства, он пытался низвести Югославянский комитет до роли всего лишь одной из его внешнеполитических структур. Только через два года, 20 июля 1917 г., на острове Корфу представителями сербского правительства и Югославянского комитета была подписана известная "Корфская декларация", в которой стороны однозначно высказались за создание единого государства сербов, хорватов и словенцев.

Почему же только теперь Пашич пошел на сближение с Комитетом и установил с ним официальные контакты? Все дело, как представляется, в том, что коренным образом изменились внешнеполитические обстоятельства. Речь идет о крахе в феврале—марте 1917 г. императорской России — главного союзника Сербии и Пашича. До Февральской революции Пашич, предполагавший, что именно Россия сможет в конце войны поставить перед союзниками австро-венгерский вопрос во всем его объеме (быть или не быть монархии Габсбургов, а если быть, то в каком виде), не желал связывать себя какими-либо посторонними обязательствами. Он крепко стоял на ногах: постановка австро-венгерского вопроса хотя бы в его "великосербской" форме, т.е. в виде присоединения к Сербии Боснии и Герцеговины и Далмации, была ему гарантирована. И здесь, скорее всего, прав в своем заключении М. Йованович-Стоимирович.

Когда же Россия "вышла из игры", Пашичу пришлось перестраиваться на ходу: в лице Югославянского комитета был найден союзник, а совместная "Корфская декларация" была призва-

на поставить перед правительствами стран Антанты австро-венгерский вопрос уже от имени нового политического тандема. Кроме того, не была ли эта декларация и неким превентивным шагом, ведь в начале 1917 г. упорно ходили слухи о предстоящей в Сараево коронации молодого императора Карла Габсбурга югославянским королем.

Как бы то ни было, совместное заявление на Корфу стало для Пашича не более, чем следствием изменившейся политической конъюнктуры. Дальше него дело не пошло. Пашич продолжал маневрировать. Поэтому не кажется чем-то удивительным его резкий "вираж" в сторону от "согласованной" югославянской политики в начале 1918 г., когда США и Великобритания сочли вдруг целесообразным сохранение Австро-Венгрии (знаменитые "14 пунктов" Вудро Вильсона). Реагируя на этот поворот, Пашич срочно поручил сербским дипломатическим представителям в Лондоне и Вашингтоне поднять вопрос о Боснии и Герцеговине, чтобы обеспечить Сербии хоть что-нибудь в той ситуации⁴². Югославянские же деятели, полагавшие, что отделение Боснии и Герцеговины от Австро-Венгрии привело бы лишь к ослаблению в ней славянского элемента, и, следовательно, к уменьшению шансов на благоприятный исход в их борьбе за автономию югославянских областей в рамках монархии, упрекали Пашича в том, что колебнувшись в сторону "Великой Сербии", он нарушил югославянскую солидарность. Для того же подобная постановка вопроса являлась чистой абстракцией. Отнюдь не "Великая Сербия" или Югославия была главной дилеммой, стоявшей тогда перед ним; сохранится (а если да, то в какой форме) или распадется Австро-Венгрия в результате войны — вот как она формулировалась. Причем, в глубине души Пашич вряд ли был абсолютно уверен в том, что она обязательно развалится. Отсюда и его мгновенная реакция на ход англо-американской дипломатии. Когда же союзники, наконец, определились в своем принципиальном решении "разменять" Австро-Венгрию на несколько национальных государств, Пашич вернулся к своему "югославизму". Как видим, его политика была очень гибкой. Стремясь при любом раскладе обеспечить интересы Сербии и сербского народа, Пашич в зависимости от изменений международной обстановки "колебался" от "великосербства" до "югославизма".

Оценивая деятельность Николы Пашича в годы мировой войны, приведем высказывание С. Йовановича, автора блестящего о нем исследования: "После краха царской России он сначала пришел к выводу, что без сотрудничества с австрийскими югославянами Сербия сама не в состоянии поднять австрийский вопрос. Пойдя же в этом направлении, он все больше убеждался в том, что объединения всех сербов невозможно добиться ни в какой иной форме, кроме Югославии. Его попытка поставить вопрос о Боснии и Герцеговине объясняется дипломатической ситуацией, которая объективно способствовала сохранению Австро-Венгрии и соответственно делала весьма сомнительной возможность югославянского объединения. Но как только все изменилось и обстановка стала благоприятствовать этому объединению, Пашич поспешил к ней приспособиться"⁴³. Сербский коготок увязал все больше и больше... Финал известен. Вслед за империей Романовых рухнула монархия Габсбургов. Ее югославянские области 1 декабря 1918 г. объединились с Сербией и Черногорией в единое государство — Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев.

* * *

С политической точки зрения результаты войны для Сербии были триумфальными. В единой упряжке с членами Антанты, потеряв, правда, на повороте российского коренника, она смогла прийти к победному финишу. Многолетняя, изнурительная борьба с Веной и Будапештом закончилась, казалось, полным успехом.

Роль в триумфе Сербии ее премьера огромна и бесспорна. В самые трагические моменты он делил с народом и армией все тяготы: они были вместе и во время тяжелейшего отступления 1915 г. через Албанию и Черногорию на побережье (народ прозвал его "Сербской Голгофой"), и во время корфского изгнания. Именно в военное время железная воля Пашича, его упорство и крепость духа достигли невиданных высот. Фактически потеряв собственную страну, он сумел сохранить все атрибуты государственности: на Корфу пополнялась и переформировывалась сербская армия, работало правительство, заседала Народная скупщина. Легитимная государственная машина двигалась. Сохранялись крепкие связи с союзниками. С интересами Сербии считались. Что говорить, если побежденные немцы потом признавали, что "из одного Пашича можно вытесать трех Бетман-Гольцгоф"⁴⁴.

В 1919 г. в качестве главы югославянской делегации Пашич присутствовал на Парижской мирной конференции. Человек, привыкший за свою долгую жизнь к борьбе, и здесь, в Париже, приближаясь к семидесятипятилетию, отстаивал интересы своего нового государства решительно и талантливо. По словам Дэвида Ллойд-Джорджа, "Пашич был одной из наиболее красочных фигур конференции, и ни одна страна не могла похвастать более талантливым, более проницательным, более упорным защитником своих притязаний"⁴⁵. В конце концов ему удалось отстоять югославские границы и добиться международного признания нового объединенного королевства.

Это был его звездный час. Весь сербский народ оказался, наконец, в едином государстве. Задача всей жизни была выполнена. Ему казалось, навсегда... Но трудности подстерегали с другой стороны.

Образование единого югославянского государства, увы, не означало достижения ожидаемой гармонии в отношениях между вошедшими в его состав "тремя племенами одного народа". Будущее государственное устройство только что обретенной общей родины виделось из Белграда, Загреба и Любляны по-разному. В борьбе за конституцию Королевства СХС столкнулись унитаристские поползновения одних и федералистские устремления других.

Пашич, который до конца жизни оставался убежденным государственным деятелем, увидел в требованиях федерализации Югославии, что для него было синонимом сепаратизма (который, кстати, также имел место), открытую угрозу государственному единству. В этих условиях, по словам его биографа, "он стал консервативным, а иногда, как в 1921 году, и самым консервативным его охранителем"⁴⁶.

В 1921 г. Учредительной скупщиной была принята Видовданская конституция, закрепившая централизованное устройство Королевства СХС с сербской династией Карагеоргиевичей во главе. Принятие Основного закона, несмотря на то, что хорватские и словенские депутаты Скупщины проголосовали против, Пашич мог считать своей политической победой. Однако главная его ошибка заключалась в том, что он воспринимал хорватскую оппозицию (наиболее мощную и активную) как обычную парламентскую оппозицию, которую можно победить фракционными комби-

пациями и рутиной скупщинских голосований. Оппозиция же хорватских политиков унитаризму отражала движение целого народа, а против этого обычная парламентская тактика, как правило, не помогает. Сама жизнь наносила удар по "трехименной" теории.

Как писал С. Йованович, "Королевству СХС был необходим или пророк югославизма, который мог зажечь своим воодушевлением и верой и сербов и хорватов, или конструктивный политик, который смог бы примирить сербо-хорватские противоречия в рамках некоего государственно-правового компромисса. Пашич же не был ни тем, ни другим..."⁴⁷

История любит парадоксы. В случае с Пашичем он заключался в том, что унитарист и защитник во что бы то ни стало государственного единства по-прежнему оставался заядлым конституционалистом. И это не могло не привести к его столкновению с королем Александром Карагеоргиевичем, чьи авторитарные замашки становились все более откровенными. В год своей смерти Пашич, "последний из могикан," которому уже перевалило за 80, говорил о необходимости создания широкой коалиции различных партий для отпора надвигающемуся режиму личной власти. Как и в свои ранние годы, он готов был бороться против самовластия монарха, отстаивая конституцию и прерогативы представительной власти. Однако борьбе этой не суждено было начаться. 10 декабря 1926 г. в возрасте 81 года Никола Пашич скончался. По словам Йована Дучича, блестящего дипломата, поэта и философа, "когда разнесся слух, что Пашич умер, вся страна почувствовала, что после него все пойдет наперекосяк. И она не обманулась. Приближался хаос"⁴⁸. Отбросив некоторые преувеличения, свойственные натурам творческим, заметим, что автор этой сентенции знал, что говорил.

Примечания

¹ Цит. по: *Перовић Л.* Из историје руско-српских веза у другој половини XIX века // *Зборник Матице Српске*. Бр. 40/1989. С. 735.

² *Milojević P.* О Ijudima i čudima. Beograd, 1982. S. 38.

³ *Сфорца К.* Никола Пашић и уједињење Југословена. Ратне и дипломатске успомене. Београд, 1937. С. 34–35.

- 4 *Јовановић С.* Никола Пашић // Србија и коментари. Изд. Задужбине М. Црњанског. Београд, 1989. С. 238.
- 5 История XIX века. Под ред. проф. Лависса и Рамбо. М., 1939. С. 453.
- 6 *Радонић Ј.* Никола Пашић и његов радикални програм из 1876 године // Сlike из историје и књижевности. Београд, 1938. С. 241.
- 7 *Сфорца Е.* Указ. соч. С. 40.
- 8 Видело. 2 мај 1880 г. Бр. 54.
- 9 *Милошевић Р.* Тимочка буна 1883 године. Успомене Раше Милошевића. Београд, 1923. С. 16.
- 10 Самоуправа. 8 јануар 1881 г. Бр. 1.
- 11 *Јовановић С.* Указ. соч. // Србија и коментари. С. 285.
- 12 *Пашић Н.* Моја политичка исповест // Србија и коментари. С. 129, 131.
- 13 *Митровић Ј.* Никола Пашић о основним питањима унутрашње и спољне политике Србије после Сливнице // Историјски гласник. 1971. Бр. 1, С. 128.
- 14 *Пашић Н.* Моја политичка исповест // Србија и коментари. С. 175.
- 15 Архив Внешней Политики Российской Империи (далее АВПРИ). Ф. Политархив. Д. 437 (1887 г.). Л. 167 об.
- 16 *Палеолог М.* Царская Россия во время первой мировой войны. М., 1991. С. 28–29.
- 17 *Раденић А.* Радикална странка и Тимочка буна. Зајечар, 1988. Т. 2. С. 904–905. Прилоге.
- 18 *Протић М.* Ст. Пашић и Протић пре 1914 // Историјски гласник. 1971. Бр. 1. С. 105.
- 19 Цит. по: *Пашић.* Илустровани радикални алманах. Градња за педесетогодишњу историју Народне Радикалне странке и политичку историју Србије. Књ. 4. Београд, 1927. С. 120.
- 20 *Трубецкой Г.Н.* Воспоминания. Монреаль, 1983. С. 38.
- 21 Там же. С. 37.
- 22 *Ферро М.* Николай II. М., 1991. С. 184.
- 23 *Витте С.Ю.* Избранные воспоминания. М., 1991. С. 62.
- 24 Великий Князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М., 1991. С. 209.

- 25 Международные отношения в эпоху империализма. Сокращенное издание. Серия III. Т. I. М., 1935. С. 468.
- 26 *Ксјунин А.* Пашић у Русији // Политика. 11 децембар 1926 г. Бр. 6693. Страна II.
- 27 *Пашић.* Илустровани радикални алманах... Књ. 4. С. 97.
- 28 *Ксјунин А.* Указ. соч. // Политика. Бр. 6693.
- 29 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 19. Л. 88.
- 30 *Поповић Д.* Никола Пашић и Русија // Годишњица Николе Чупића. Књ. XLVI. Београд, 1937. С. 146.
- 31 *Троцкий Л.* Сочинения. М.—Л., 1925—1927. Т. 6. С. 81.
- 32 Никола П. Пашић (10 децембар 1926 — 10 децембар 1936). Београд, 1937. С. 246.
- 33 Архив Српске академије наука и уметности (далеко АСАНУ). Бр. 11857.
- 34 *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М. 1991. С. 91.
- 35 Там же. С. 360, 368.
- 36 *Петрановић Б.* Историја Југославије. Књ. I, Београд, 1988. С. 3.
- 37 АСАНУ. Бр. 11857.
- 38 Ленинградское отделение Архива Российской Академии наук. Ф. 116. Оп. 2. Д. 245. Л. 4 об.
- 39 *Milojević P.* Ср. cit. S. 42.
- 40 Рукописно Одељење Матице Српске. Бр. М. 13.413.
- 41 *Палеолог М.* Указ. соч. С. 128.
- 42 *Јовановић С.* Указ. соч. // Србија и коментари. С. 298.
- 43 Там же. С. 306.
- 44 Никола П. Пашић (10.12.1926 — 10.12.1936). С. 235.
- 45 *Ллойд-Джордж Д.* Правда о мирных договорах. М., 1957. Т. 2. С. 44.
- 46 *Казимировић В.* Никола Пашић и његово доба. 1845—1926. Београд, 1990. Кн. I. С. 10.
- 47 *Јовановић С.* Указ. соч. // Србија и коментари. С. 281.
- 48 *Дучић Ј.* Личност Николе Пашића // Стазе поред пута. Есеји. Сабрана дела. Књ. 6. Сарајево, 1969. С. 198.

А.В. Городнянский

СТЕПАН РАДИЧ

1871—1928

В истории Хорватии 20 века фигура Степана Радича, пожалуй, одна из самых впечатляющих и неординарных. Жизнь Радича — это история крестьянского самоучки, волею судеб ставшего национальным лидером хорватского народа в самый сложный период его истории, в момент краха Австро-Венгрии и создания на ее обломках новых государственных структур.

Сын неграмотного крестьянина, 9-й ребенок в семье, вынужденный с ранних лет самостоятельно заботиться о своем "хлебе насущном", Радич уже с гимназической скамьи мечтал о политической карьере. Бунтарский, неуживчивый характер и "охота к перемене мест" на долгие годы превратили его жизнь в постоянные скитания с одной единственной целью: как можно больше узнать и увидеть. В гимназические и студенческие годы Радич прошел "вдоль и поперек" всю Хорватию, Славонию, Далмацию, Боснию и Герцеговину, побывал в Германии, России, Франции, Швейцарии¹. Несмотря на поразительные способности (особенно к языкам*), Радичу так и не удалось получить законченного университетского образования: из-за бурного политического темперамента его дважды изгоняли из загребского университета, в Праге по той же причине он был объявлен "persona non grata", в московском университете Радич сам не захотел оставаться из-за царившей там казенно-официальной атмосферы: лишь в 1899 году ему удалось получить диплом "Свободной школы политических наук" в Париже. Тем не менее, этот "вечный студент", всеми гонимый, но всюду находящий убежище, по своей образованности превзошел многих своих современников, принадлежавших к политической элите хорватского общества. Вместе с тем

*Радич знал словенский, польский, русский, чешский, немецкий, французский, венгерский, английский языки, был автором чешско-хорватского и русско-хорватского словарей и учебников.

свойственные Радичу наблюдательность и стремление к эмпирическому познанию жизни удивительным образом сочетались у него с пристрастием к схоластическому теоретизированию и "политической маниловщине". Радич был автором целого ряда полуфантастических проектов (наподобие планов "славянизации" монархии Габсбургов или же создания "Хорватской крестьянской республики" в рамках международно признанных границ Королевства сербов, хорватов и словенцев)*, настолько же смелых, насколько и нереальных.

Пока искушенные политические оппоненты Радича упражнялись в язвительных насмешках по поводу его "политической наивности", "мании величия" и "отсутствия рациональности" ², он шаг за шагом укреплял свои позиции в низших слоях общества — том самом "народе", которому в 20 веке суждено было стать игрушкой и орудием разрушительных идеологических страстей. Радич первым из хорватских политиков нового времени понял, что политика перестает быть уделом узкой кучки людей, оторванных от народа, что наступающая эпоха несет с собой "власть толпы". В отличие от политиков "старой закалки", поднаторевших в интригах и закулисной борьбе за влияние в "высших сферах", Радич избрал объектом своей политической деятельности ту среду, которая существовала раньше как бы "вне политики" — хорватское крестьянство. Составляя большинство населения Хорватии, крестьянство вплоть до начала 20 века оставалось, фактически, политически бесправным. Высокий образовательный и имущественный ценз лишал крестьян возможности участвовать в выборах депутатов хорватского сабора — высшего органа автономной

*До 1918 г. Хорватия входила в состав Австро-Венгерской монархии в качестве особой политической единицы (бановины), обладавшей определенной степенью внутренней автономии. После создания на обломках Габсбургской империи в декабре 1918 г. Королевства сербов, хорватов и словенцев, в состав которого наряду с Сербией, Черногорией, Далмацией, Словенией и Воеводиной вошли и земли бывшей "банской Хорватии", Хорватия потеряла всякую "политическую индивидуальность", растворившись в конгломерате югославянских земель. Это способствовало резкой активизации хорватского национального движения, явившегося серьезным дестабилизирующим фактором в политической жизни Королевства СХС на протяжении всей истории его существования.

власти в Хорватии. Достаточно сказать, что из 2,6 миллиона человек, составлявших население Хорватии в начале века, избирательным правом пользовались лишь 190 тысяч, а до проведения избирательной реформы в 1910 г. и того меньше: всего лишь 45 тысяч³. В 1899 году брат Степана Радича Антун, известный филолог и этнограф, стал издавать первую в Хорватии газету для крестьян — "Дом". Газета выходила два раза в месяц и имела достаточно большой по тому времени тираж: 3 тысячи экземпляров⁴. Степан Радич с самого начала активно сотрудничал в "Доме", а с осени 1903 года в его руки переходит издание журнала «Hrvatska misao», созданного полтора года до этого группой молодых загребских интеллектуалов. «Dom» и «Hrvatska misao» стали идейно-организационным центром формирующейся Хорватской крестьянской партии, главным идеологом и создателем которой был Степан Радич. В 1902 году в Загребе была опубликована брошюра С. Радича "Самая сильная партия в Хорватии", в которой впервые сформулирована задача создания "новой, истинно народной" партии на крестьянской основе. По словам Радича, "ясная и радикальная программа максимально возможной государственной самостоятельности теперешней Хорватии"* должна быть дополнена требованиями, выражающими "стремления и нужды крестьян, ремесленников и рабочих" и, в первую очередь, крестьян как наиболее многочисленных представителей хорватского народа, составляющих его цвет и гордость. Таким образом, по мнению С. Радича, "наш новый национализм должен быть одновременно политическим и социальным"⁵. Радический аграризм** с самого начала имел не только, а иногда даже не столько социальное, сколько национальное содержание. Даже само понятие "народ" в интерпретации Радича приобретало двойкий смысл. С одной стороны, он употреблял это слово для обозначения низших слоев населения, преимущественно крестьянства, а с дру-

*В те годы Хорватия входила в состав Венгерского королевства в рамках Австро-Венгерской монархии.

**Идеология, характерная для целого ряда стран Восточной Европы в переходный период от доиндустриального к индустриальному обществу; аграризм претендовал быть выразителем интересов крестьянства — "хранителя национальных традиций и ценностей".

гой, пользовался им в традиционном его значении ("этнокультурная общность")⁶. Объявляя тождественными интересы хорватского крестьянства и нации в целом, объединяя их общим понятием "narod", Степан Радич пытается синтезировать в одной идеологической схеме приоритеты национальной политики и социальные идеалы хорватского крестьянства. Однако в предвоенные годы радичевский национальный аграризм не получил особого распространения в хорватских землях Австро-Венгрии*. Хорватское крестьянство оставалось еще в значительной степени политически индифферентным. На выборах в сабор Хорватская крестьянская партия, созданная Радичем в 1904 году, всегда выглядела более чем скромно. Ее электорат насчитывал порядка 15–17 тысяч человек, а количество завоеванных мандатов составляло в разные годы от 2 до 9 (из 88 депутатских мест)⁷.

В правящих кругах Монархии у Радича была репутация весьма "неблагонадежного элемента", вследствие чего он находился под постоянным полицейским надзором. Однако радическое бунтарство всегда было несколько показным, рассчитанным, скорее, на широкого публику, к тому же оно носило преимущественно, антивенгерский характер. Уже в 1901 году Радич недвусмысленно высказывается в пользу сохранения монархии Габсбургов, правда в ее трансформированном виде, в форме "Дунайской федерации". В статье "Славянская политика в Габсбургской монархии", написанной в 1901 году, а впервые опубликованной спустя год на чешском языке, Радич рассматривает возможность раздела монархии на 5 областей (Чехию, Галицию с Буковиной, Венгрию, Альпийские земли, Хорватию со Словенией и Приморьем), каждая из которых имела бы свои законодательные органы и решала бы самостоятельно все вопросы кроме тех, которые отнесены к компетенции федеральных органов (оборона, внешняя политика, гражданское политическое право, языковые вопросы, торговое, аграрное и рабочее законодательство, транспорт, тамо-

*В Австро-Венгрии хорватские земли в административном отношении не составляли единого целого: Далмация входила в австрийскую часть Монархии, Хорватия и Славония были частью Венгерского королевства.

женная система, финансы)⁸. По мнению Радича, федерализация монархии Габсбургов означала бы, в конечном счете, ее "славянизацию", т.к. славянский элемент в численном отношении преобладал в составе населения империи. Осознавая опасность немецкого "Drang nach Osten", Радич, тем не менее, настаивал на необходимости сохранения Австро-Венгрии, рассматривая ее в качестве "естественного барьера" на пути немецкой экспансии. Лозунг, выдвинутый Радичем, гласил: "Долой Гогенцоллернов! * Да здравствуют Габсбурги!"⁹.

Отношение Радича к перспективе объединения южных славян в рамках единого независимого государства было достаточно сдержанным в силу опасения чрезмерного усиления сербского фактора на Балканах. Вместе с тем Радич не отвергает возможность того, что рано или поздно все южные славяне будут жить в одном государстве. В любом случае южные славяне, по его словам, должны стремиться к "объединению народных сил". Если вне монархии Габсбургов формой такого объединения могла бы стать "южнославянская" или "балканская" федерация, то в самой Австро-Венгрии, по мнению Радича, центром объединения южных славян должна быть Хорватия¹⁰.

Свою лояльность по отношению к австрийскому правящему дому Радич сохранил вплоть до 1918 года, когда неминуемый исход войны в пользу Антанты заставил его сделать выбор, во многом противный всем его прежним убеждениям. В марте 1918 года на совещании представителей хорватских и чешских политических партий в Праге Радич недвусмысленно высказался за объединение Хорватии с Сербией и Черногорией "на основе полного и реального равноправия в духе хорватской государственности"¹¹. Трудно сказать, как конкретно представлял себе Радич создание Югославии "в духе хорватской государственности". Вероятнее всего это был вариант конфедеративного государственного устройства. Однако Радич по своему обыкновению избегал расставлять все точки над "i", предпочитая формулировать свои мысли таким образом, чтобы сохранять свободу тактического маневра. В октябре 1918 года в статье, опубликованной в партий-

*Германская правящая династия.

ном органе — газете "Дом" утверждалось, что целью партии является создание "независимого государства сербов, хорватов и словенцев", в котором бы обеспечивались необходимые гарантии равноправия всех трех имен и вер, а также свобода вероисповедания и культурного развития отдельных народностей будущего государства¹². Полтора месяца спустя Радич яснее формулирует цели своей политики: "хорватская государственность в рамках Югославии" как "союзной федеративной республики", созданной в результате объединения Хорватии и Сербии¹³. На историческом ночном заседании Народного веча* 24 ноября 1918 года, на котором решался вопрос об объединении с Сербией, Радич всячески предостерегал против необдуманных шагов, решительно выступая против безусловного объединения. По его мнению, в едином государстве сербов, хорватов и словенцев необходимо гарантировать сохранение "исторической государственно-правовой индивидуальности Хорватии", при этом юридический акт об объединении должен быть предварительно одобрен хорватским сабором и сербской скупщиной¹⁴. Несмотря на ясно выраженное несогласие с позицией большинства членов Народного веча, выступавших за скорейшее безусловное объединение с Сербией, Радича все-таки избрали в состав делегации, которой надлежало отправиться в Белград для подписания Акта об объединении. Однако, как и следовало ожидать, Радич в Белград не поехал. Спустя два месяца, в феврале 1919 года, руководимая им Хорватская крестьянская партия принимает республиканскую программу, провозгласившую государственно-правовую самостоятельность Хорватии и крестьянскую республику¹⁵. Тем самым был перейден Рубикон и сделан решительный шаг к окончательному разрыву с Белградом. Период югославистских иллюзий закончился для Радича очень быстро: фактически в тот самый день, когда было провозглашено создание Югославии в форме Королевства сербов, хорватов и словенцев. Да и существовали ли они в действительности, эти самые иллюзии? На теоретическом уровне, в соответствии со своей идеологизированной схемой на-

*Высший орган власти на территории Государства сербов, хорватов и словенцев, созданного в октябре 1918 г. на развалинах Габсбургской монархии и включавшего в себя земли, населенные южными славянами.

родного единства южных славян (не только сербов и хорватов, но и болгар и словенцев), Радич допускал возможность создания их общего государства. Но в сфере реальной политики и до, и после 1918 года деятельность Степана Радича целиком шла вразрез с теми идеальными целями, которые он декларировал. "Убеденный австрийский патриот" в годы существования Монархии — хорватский сепаратист в королевской Югославии — такова общая линия идейной эволюции Степана Радича, которая оставляет мало сомнений относительно искренности югославистских деклараций лидера ХКП. Радический "югославизм" в 1918 году, похоже, носил чисто конъюнктурный характер: он был продиктован, в первую очередь, состоянием массового психоза, в котором пребывало хорватское общество в момент завершающей стадии первой мировой войны, когда неизбежность распада Австро-Венгрии стала очевидной. В обстановке всеобщей нестабильности, в ситуации, когда Хорватия могла стать объектом дележа между Италией* и Венгрией, для многих хорватских политиков югославизм казался спасительным решением или, по крайней мере, меньшим из двух зол. Желание примкнуть к лагерю победителей оказалось сильнее антисербских предрассудков и политических антипатий. В этом смысле не был исключением и Степан Радич, который, однако, вследствие своей природной импульсивности не смог долго удерживать "хорошую мину при плохой игре". Избрав путь конфронтации с белградским правительством, Радич незамедлительно получил от него ответный удар: в марте 1919 года он на 11 месяцев был брошен в тюрьму по обвинению в антигосударственной деятельности¹⁶. Недостаточно продуманный шаг белградских властей привел к резкому росту популярности лидера Хорватской республиканской крестьянской партии**, который предстал в глазах хорватского общества в ореоле "неправедно гонимого борца" за свободу и независимость Хорватии. На выборах в Учреди-

*В соответствии с Лондонским протоколом 1915 года, оговаривавшим условия участия Италии в войне на стороне Антанты, приморские области Хорватии (Далмация) были обещаны ей в качестве территориальной компенсации.

**Так с 1919 г. называлась партия Радича.

тельную скупшину Королевства СХС, которые состоялись в ноябре 1920 года, партия Радича собрала 230 тысяч голосов, получив 50 мандатов из 419¹⁷.

Сам факт участия в выборах ХРКП не означал признания с ее стороны законности существующего государственно-правового статуса Хорватии как составной части Королевства сербов, хорватов и словенцев. Оппозиционные хорватские депутаты Учредительной скупщины, возглавляемые ХРКП, объявили о конституировании "Хорватского народного представительства", провозгласив его высшей законодательной властью на территории Хорватии. "Все наше хорватское прошлое, а особенно горький опыт последних двух лет свидетельствуют о том, что хорваты и сербы не могут составлять один народ в политическом отношении, т.к. Хорватия, где большинство представляет республикански настроенная крестьянская масса, не может составлять с Сербией единое государство, пока та остается королевством", — говорится в обращении к регенту Александру депутатов Учредительной скупщины от ХРКП, опубликованном (со значительными цензурными изъятиями) в 7-м номере газеты "Дом" за 16 февраля 1921 года¹⁸.

1 апреля 1921 года "Хорватское народное представительство" одобрило проект Конституции "Нейтральной Крестьянской Республики Хорватии". Провозгласив хорватский государственный суверенитет на территории 8 жупаний бывшей банской Хорватии*, "Хорватское народное представительство" вместе с тем заявило о возможности вступления Хорватии в "югославянскую союзную республику" (в более широком составе, с участием Болгарии, или в сербско-хорватско-словенском варианте), если будет достигнут межнациональный консенсус на основе свободно выраженного волеизъявления народа¹⁹. В июне 1922 года Радич в интервью белградскому журналисту Ђраловичу следующим образом определяет условия примирения с Белградом: признание суверенитета Хорватии (в том числе на территории Далмации), заключение союзного договора с Сербией, гарантом кото-

*Хорватские земли, входившие во времена Австро-Венгрии в состав Венгерского королевства, автономное правительство которых возглавлял бан.

рого выступала бы Лига наций, с целью создания конфедерации двух государств (с возможным участием Болгарии). По мнению Радича, рамки компетенции союзных структур должны определить соответствующие представительные органы, однако тут же он уточняет, что в любом случае Хорватии должна быть гарантирована полная финансовая самостоятельность, а общая оборона не должна предполагать создание единой армии²⁰.

Таким образом, радичевская концепция "югославской конфедерации" предусматривала, скорее, создание военно-политического союза формально независимых государств – своего рода исторической аналогии нынешнего СНГ. Однако подобная форма межгосударственных связей может быть только переходной: либо к полному разрыву, либо к созданию координирующих наднациональных структур, что неизбежно приводит к потере части национального суверенитета. Судя по всему, Радич был готов принять оба варианта развития событий, однако, первый ("ампутация Хорватии") был ему, все же, ближе. После неудачной попытки сближения с сербскими радикалами в 1923 году Радич отправился в многомесячное политическое турне по европейским столицам*, в ходе которого он зондировал почву для возможной радикализации своей политики. По собственному признанию Радича, его интересовало, насколько своевременна актуализация хорватского вопроса и сможет ли Хорватия избежать участи быть поделенной между Венгрией и Италией в случае "ампутации"²¹. Убедившись в тщетности своих усилий заручиться поддержкой сколько-нибудь влиятельных политических сил на Западе, Радич был вынужден сделать окончательный выбор в пользу "умеренного варианта" решения хорватского вопроса, предусматривавшего возможность внутреннего переустройства Королевства СХС в результате завоевания парламентского большинства на выборах в Скупшину. На встрече с журналистами в Москве в июле 1924 года Радич решительно отвергает обвинения в сепаратизме, заявляя, что "хорваты намерены остаться в Югосла-

*С целью избежать очередного ареста Радич тайно покидает страну в июле 1923 г., зарубежные скитания приводят его в Лондон, Вену, затем в Москву; в августе 1924 года Радич возвращается на родину из Советского Союза, но вскоре его арестовывают как "агента Коминтерна".

вии, чтобы превратить ее в федеративную республику"²². Осенью 1924 года из политического обихода Радича исчезают республиканские лозунги, искусно замененные на общедемократические. Мастер словесной казуистики, Радич с тем же пылом, с которым он прежде ратовал за республиканскую форму правления, теперь уверяет, что главное — республиканский дух правления, а не его форма: "Если уничтожить милитаризм и коррупцию, то тогда вопрос о республике становится чисто формальным, а для нас главное — суть, а не форма"²³. Логичным следствием подобной идейной эволюции стало сенсационное заявление одного из лидеров Хорватской крестьянской партии Павле Радича в белградской скупшине 27 марта 1925 г. (текст заявления был составлен самим Степаном Радичем, находившимся в то время в тюрьме). Павле Радич от имени партии заявил о признании Видовданской Конституции 1921 года, закрепившей строго централистскую модель государственного устройства "первой Югославии" и ее монархическую форму правления. Признавая Конституцию, партия, по словам П. Радича, не отказывается от своей идеи достижения народного соглашения сербов, хорватов и словенцев в целях возможной ревизии зафиксированного Конституцией государственного устройства. Однако решение об этом должно быть принято законным парламентским путем²⁴. Вскоре представители ХКП вошли в правительство (июль 1925 года), а сам Радич после освобождения из тюрьмы получил назначение в состав югославской делегации на Женевской конференции Лиги наций. С осени 1925 года он — член правительства в качестве министра просвещения²⁵.

Казалось, король Александр мог торжествовать победу. Радич, этот бескомпромиссный хорватский сепаратист, не просто сломлен, он — капитулировал. Была ли эта капитуляция вынужденным тактическим маневром или же она явилась следствием эволюции идейных взглядов самого Радича? Наверное сыграли свою роль оба фактора. Столкнувшись с полным равнодушием Европы к решению хорватского вопроса и убедившись в относительной стабильности "перводекабрьского режима", Радич был вынужден смириться с политическими реалиями своего времени. Отказавшись от крайностей экстремистско-радикального варианта обретения хорватской государственности, он избрал путь мед-

ленных эволюционных изменений. Победа Александра в негласном политическом поединке с Радичем оказалась, в конечном счете, "пирровой". Примирившись с идеей сохранения Югославии, Радич не отказался от попыток ее реорганизации, чему всячески противился Александр. После сентябрьских выборов 1927 года в Народную скупшину ХКП снова переходит в оппозицию к режиму, образовав совместно с Независимой демократической партией Светозара Прибичевича* единый "пречанский фронт" на антицентралистской основе²⁶. Страна оказалась на грани раскола и слово "ампутация", которое раньше произносили не иначе как шепотом, казалось, уже было готово сорваться с высочайших уст. Трудно сказать, как развивались бы события дальше, если бы не прогремели те роковые шесть выстрелов в белградской скупшине, которые стоили жизни трем хорватским депутатам, в том числе — Степану Радичу. Радич скончался от последствий ранения через полтора месяца после покушения, 8 августа 1928 года²⁷. Его похороны превратились во впечатляющую народную манифестацию, самую значительную, которую когда-либо видел Загреб. Популярность Радича уже при жизни была огромной. Тысячные толпы, затаив дыхание ловили каждое слово своего учителя как Откровение Господне, его имя произносилось с благоговением, а смерть оплакивалась как величайшая утрата для Хорватии со времен потери ею государственной независимости. Однако отношение хорватского общества к Радичу было не столь однозначным, как это может показаться на первый взгляд. Хорватский "политический истеблишмент" поначалу воспринимал Радича всего лишь как социального демагога, пытающегося дешевыми способами добиться популярности у народа. Многих настораживал несколько аффектированный австрийский патриотизм Радича, который, как полагали, был хорошо вознагражден венским правительством. Притчей во языцех стала неумная велеречивость Радича, его стремление постоянно быть в центре общественного внимания. Во время многочасовых выступлений Ра-

*Партия, пользовавшаяся особым влиянием в среде сербского населения Хорватии.

**Пречанами называли жителей тех областей, которые до войны входили в состав Австро-Венгрии.

дича в хорватском саоре (одно из них продолжалось так долго, что его пришлось перенести на следующий день!) многие депутаты демонстративно покидали зал заседаний, а газеты упорно отказывались печатать на своих страницах пространные рассуждения новоявленного вождя хорватского крестьянства, видимо, находя их не заслуживающими внимания. Лишь начиная с 1918 года "политические акции" Радича стали резко расти. После образования Королевства сербов, хорватов и словенцев Радич, возглавивший оппозицию белградскому централизму, превращается в глазах хорватского общества в своего рода символ народного сопротивления новому режиму. Те, кто еще вчера называли Радича "фанфароном", сегодня готовы были признать в нем "народного трибуна". По мнению Йосипа Хорвата, журналиста, хорошо знакомого со всеми перипетиями политической жизни Загреба 1910–1920-х гг., будущим историкам еще предстоит разгадать "феномен Радича": понять и объяснить то, каким образом этот человек с комической внешностью (Радич с детства страдал близорукостью, был невысокого роста, достаточно полный, круглолицый, с лукавой хитринкой в глазах), "донкихотовскими замашками" и полным отсутствием рационального начала (несмотря на его энциклопедическую образованность) мог оказывать такое влияние на массы²⁸. Радич как-то назвал себя "величайшим акробатом в политике"²⁹. Действительно, его "идейная эквилибристика" остается непревзойденным образцом политической казуистики. К примеру, с самым серьезным видом он мог доказывать, что республика — это "общественное устройство, при котором все граждане равноправны и равны", и что, следовательно, республиканскому духу несколько не противоречит монархическая форма правления (!). В зависимости от обстоятельств Радич мог быть монархистом или республиканцем (и даже республиканским монархистом!), австрославистом*, югославистом, хорватским националистом. Сегодня он говорил одно с тем, чтобы завтра с прежним пылом утверждать прямо противоположное. Один из ближай-

*Австрославизм — политическая концепция, исходившая из возможности федерализации монархии Габсбургов и ее превращения в "славянское государство".

ших сотрудников Радича очень верно заметил о нем: "Он (Радич. А.Г.) был человеком действия, всецело сориентированным на текущий политический момент. Его выступления, статьи и брошюры всегда были продиктованы конкретной ситуацией и рассчитаны на вполне определенный политический эффект... Именно поэтому очень трудно систематизировать идеологические воззрения Радича, а еще сложнее — представить их как нечто единое и законченное"³⁰. Радича трудно назвать "властителем дум" своего времени, его влияние на современников было, скорее, эмоционально-психологическим, нежели идейно-интеллектуальным. Радич прекрасно чувствовал настроения масс, знал не понаслышке об их надеждах и чаяниях. Его речь насыщена метафорами, пословицами и образными выражениями. искрится народным юмором, а манера поведения проста и естественна. Радичевское прожектерство, являвшееся объектом насмешек загребских интеллектуалов академической закваски, нисколько не умаляло, а скорее даже содействовало упрочению его репутации "народного политика". Реализм поставленных целей вряд ли способен увлечь за собой массы. Толпа всегда вдохновляется несбыточными идеалами, а Радич был, как раз, создателем и выразителем подобных идеалов. Он умел убедить людей в осуществимости их вековых чаяний — идеалов свободы и социальной справедливости: не в этом ли состоит секрет его необычайной популярности? Этой популярности весьма способствовал тот ореол "мученичества", который был создан вокруг его имени. Радича арестовывали 11 раз: 8 раз — в Австро-Венгрии и трижды — в Королевстве СХС. Полицейский надзор был установлен за ним еще в бытность его учеником гимназии, а затем слава "бунтаря" преследовала Радича всю его жизнь. И в королевской Югославии он снова — "вне закона". Сначала как "подрыватель устоев государства", затем — как "агент Коминтерна" (после его пребывания в Москве в 1924 году, закончившегося вступлением возглавлявшейся им партии в Крестьянский Интернационал).

Есть, наверное, своя закономерность в трагическом финале жизненного пути Степана Радича. Его жизнь оборвалась в тот самый момент, когда в Европе утверждались авторитарно-тота-

литарные режимы, для которых был столь характерен культ верховного правителя. Радич был слишком яркой и неординарной фигурой, чтобы вписаться в ту политическую систему, создателем которой был король Александр, известный своим властолюбием и приверженностью абсолютистским методам правления. По-настоящему примирить их могла лишь смерть. Шесть лет спустя после гибели Радича выстрелы террориста оборвали жизнь Александра. Началась новая фаза югославской драмы, свидетелями заключительной стадии которой мы являемся сегодня.

"Феномен" Радича еще требует своего осмысления. Радич не был национальным идеологом хорватского народа: сформулированная им программа национальной борьбы в главных своих чертах базируется на идейном наследии 19 века. Тем не менее по степени своей популярности Степан Радич далеко превзошел всех своих предшественников, претендовавших на то, чтобы быть выразителями хорватской национальной идеи. Так уж оложилось, что судьба избавила Радича от самого серьезного экзамена для политика — испытания властью. "Высшее достижение" его по политической карьере — пост министра просвещения, на котором он пробыл чуть больше года. Однако, не имея возможности напрямую влиять на ход политических событий в качестве государственного деятеля, Радич, тем не менее, на протяжении всего послевоенного десятилетия вплоть до своей трагической гибели в 1928 г. оставался ключевой фигурой югославской политической сцены. Он был "вечным оппозиционером", объединяя вокруг себя все те силы хорватского общества, которые были недовольны "ущемленным", как им казалось, положением Хорватии в Королевстве СХС. Трагическая развязка лишь усилила притягательность образа Радича, создав вокруг его имени героический ореол.

Примечания

¹ Radić S. Moj politički životopis / Politički spisi. Zagreb, 1971. S. 55.

² Horvat I. Hrvatski panoptikum. Zagreb, 1982. S. 179, 23.

- 3 *Marjanović M.* Стјепан Радић. Београд, 1937. С. 103.
- 4 Там же, с. 78; *Horvat I.* Povijest novinstva Hrvatske. Zagreb, 1962. С. 3.
- 5 *Radić S.* Politički spisi. С. 196, 232.
- 6 *Marjanović M.* Ст. Радић. С. 26.
- 7 *Radić S.* Politički spisi. С. 166–167, 176, 231–232, 251, 273.
- 8 *Krizman B.* Plan S. Radica o preuređenju Habsburške monarhije/ Istorija XX veka, XII Београд, 1972. С. 66–67.
- 9 *Hrvatska, Slavonija i Dalmacija.* Sabor. Stenografski zapisnici i prilozi (в дальнейшем – S. z.) 1908–1913 Sv. 1. С. 18–19.
- 10 S. z. 1913–1918 Sv. 2. С. 233, 245.
- 11 *Marjanović M.* Ст. Радић. С. 127.
- 12 “Dom”, 1918, br. 40.
- 13 “Dom”, 1918, br. 46.
- 14 *Čulinović F.* Jugoslavija između dva rata. Zagreb, 1961.
- 15 Enciklopedija Jugoslavije. Београд, 1968.
- 16 Ibidem.
- 17 *Čulinović F.* Jugoslavija...
- 18 *Radić S.* Politički spisi. С. 347.
- 19 Ibid. С. 366, 388.
- 20 Ibid. С. 542–545.
- 21 *Marjanović M.* Ст. Радић. С. 154.
- 22 Там же, с. 150.
- 23 Там же, с. 151.
- 24 Там же, с. 157–158.
- 25 Enciklopedija Jugoslavije. Београд, 1968.
- 26 Enciklopedija Jugoslavije. Београд, 1968.
- 27 *Kulundzić Z.* Predgovor/ Radić S. Politički spisi. С. 109–110.
- 28 *Horvat I.* Hrvatski panoptikum. С. 237.
- 29 *Marjanović M.* Ст. Радић. С. 139.
- 30 Там же, с. 139–140.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

После ознакомления с образами национальных лидеров первой трети XX века вполне естественно возникло желание поделиться своими впечатлениями.

Живя в нашем времени распада Союза, нам представляется оно — это время — крайне трудным для проживания в нем. Но стоит бросить лишь беглый взгляд в историческое вчера — и сразу станет видно, что мы ошибаемся. Да, трудно жить в наше время перемен, но начало века, когда бурлила вся Европа и привычные устои рушились вместе с империями: Османской, Российской, Австро-Венгерской и Германской — легче ли было современникам тех событий?

Политический анекдот не столь часто остается в память о эпохе. Только когда эмоционально-психологическая сила событий действительно велика. Так что лучше всего свидетельствовал о происходившем тогда анекдот о умалишенном австрийце, который вышел из сумасшедшего дома в 1919 г., не смог переварить всех перемен в жизни Европы и сам попросился в клинику, сочтя, что он сошел с ума. За два года его отсутствия закончилась Великая война, произошли революции в России, Германии, Австрии и Венгрии, образовались новые государства: Польша, Чехословакия, Финляндия, не стало империи Габсбургов.

Геополитический лик Европы претерпел в те годы ряд значительных пластических операций ради своего омоложения, ради рождения новых форм жизни — на месте многонациональных империй возникали буржуазно-демократические республики, а поскольку национальная идея была тем фундаментом, на котором закладывались новые территориально-государственные образования, то естественным было появление в центральноевропейском регионе и на юго-востоке Европы, там, где все еще для многих народов отечество не спело свою песню, лидеров наций, готовых возглавить каждый свой народ в грядущем переустройстве Европы. Так, на конкретно-историческом материале книги видно, что явление национального героя — закономерное для переломных эпох вообще — тем более закономерно для периода обретения независимости, каким стали годы войны и особенно 1918 год для поляков, чехов и словаков, для югославян и венгров.

Таким образом, само время вывело его исследователей на проблему лидера в истории.

Уделив основное внимание именно личности во крови и плоти, авторы сборника стремились вернуть истории живое человеческое лицо, что характерно сегодня для нашей исторической науки, благонамеренно изучавшей, как правило, в десятилетия идеологических пут процессы, документы, идеи и постановления.

Стараясь искренне увидеть человека ушедших эпох, исследователь выходит на новый уровень проблем, рассмотрение которых, возможно, облегчит нам проживание в сегодняшнем дне и даже завтрашнем. Поэтому стоит здесь хотя бы обозначить круг вопросов, возникших при изучении представленных портретов. Это и осмысление того, что такое случай и его значение для формирования политической судьбы, тем более что случай есть всего лишь непознанная закономерность, размышления о предназначении человека, о зависимости личности от условий рождения и времени проживания, а также о нравственности политика.

Второй круг вопросов связан с тем, что национальный деятель — это личность исторического масштаба, и ее место в истории зависит не только от самого человека, реалий его жизни, но и от капризных лучей славы. И здесь важными представляются проблемы эмоционально-психологического характера, с которыми связана мифологизация личности, имеющей обычно значение национального символа, ее адекватность интересам нации, с учетом, однако, того, что интересы целого народа даже самая популярная личность в состоянии выразить только до определенного предела, поскольку этнически чистых территорий, как и государств, просто не бывает.

Теперь — через категорию "национальных интересов" — мы прямо вышли на еще один пласт проблем. Небезынтересно было узреть, при знакомстве с материалами сборника, что нации, как и люди, могут иметь каждая свой национальный идеал: будь то Великие Болгария, Греция, Румыния, Сербия или Речь Посполитая для поляков. И эти идеалы словно призраки оживают в годы общественно-политических бурь, как и было в начале XX столетия в Европе. Очевиден также и международный характер национального вопроса, с которым связали свои судьбы герои рас-

сма­три­вае­мой кни­ги, а зна­чит и его ре­ше­ние как та­ко­во­го во мно­гом за­ви­се­ло от об­ста­нов­ки в ре­ги­оне и от ди­пло­ма­ти­че­ских да­ро­ва­ний Ве­н­и­зе­ло­са, Ма­са­ри­ка, Пи­л­суд­ско­го и дру­гих. Так в 1919 г. сло­жи­лась Вер­саль­ская си­сте­ма евро­пей­ских гра­ниц; ос­нов­ны­ми ав­то­ра­ми ко­то­рой бы­ли по­бе­див­шие в вой­не стра­ны. Вско­ре, од­на­ко, Вер­саль­ская си­сте­ма по­ка­за­ла свою зыб­кость, го­во­ря­щую о не­проч­но­сти ми­ро­по­ря­д­ка, ус­та­нов­лен­но­го на пра­вах си­лы, хо­тя и с уче­том на­ци­о­наль­ных про­б­лем ре­ги­она.

Та­ким об­ра­зом, чи­тая дан­ную ра­бо­ту, мож­но о мно­гом за­ду­мать­ся, мож­ет быть да­же луч­ше по­нять про­ис­хо­дя­щие се­го­дня со­бы­тия. Фи­ло­со­ф­ский по­тен­ци­ал пред­став­лен­но­го кон­крет­но-ис­то­ри­че­ско­го ма­те­ри­ала оче­вид­ен. Же­ла­ю­щих же вос­поль­зо­вать­ся опы­том ис­то­рии, как об­ыч­но, увы, по­ка нет.

М.Н. Бобрин

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Болгария	
<i>Р.П. Гришина.</i> Царь Борис III. 1894—1943.	10
Венгрия	
<i>А.С. Стыкалин.</i> Адмирал Миклош Хорти. 1868—1957. . .	33
Греция	
<i>К.Н. Семенов.</i> Элефтериос Венизелос. 1864—1936. . . .	57
Польша	
<i>М.Н. Бобрин.</i> Юзеф Пилсудский. 1867—1935.	77
Румыния	
<i>М.Д. Ерщенко.</i> Король Фердинанд I. 1865—1927.	100
Чехословакия	
<i>Е.П. Серапионова.</i> Томаш Гарриг Масарик. 1850—1937. .	119
Югославия	
<i>В.В. Зеленин.</i> Король Александр Карагеоргиевич. 1888—1934	137
<i>А.Л. Шемякин</i> Никола Пашич. 1845—1926.	162
<i>А.В. Городнянский.</i> Степан Радич. 1871—1928.	195
Послесловие	210

Если Вы хотите раскрыть для себя новые страницы политической истории стран Восточной Европы и их отношений с Россией в документах и фактах, — заказывайте и читайте научные издания Института славяноведения и балканистики Российской Академии Наук. В 1993 г. выходят из печати:

Новые документы о польско-советской войне 1920 г.

(отв. ред. *И.И. Костюшко*)

Публикация представляет рассекреченные документы из российских архивов, существенно дополняющие и корректирующие известные точки зрения, сложившиеся в историографии.

А.Л. Шемякин

Радикальное движение в Сербии

Зарождение, становление, первые шаги. 1875—1883 гг.

Сербские радикалы — кто они? О зарождении партии, которая привела Сербию через коллизии Балканских (1912—1913) и первой мировой (1914—1918) войн, о первых шагах на политическом поприще бессменного лидера радикалов, крупнейшего сербского политика Николы Пашича Вы прочтете в этой книге.

М.Д. Ерещенко

Монархия в Румынии: кризис власти (30-е гг.)

Раскрывается политическая "кухня" борьбы в высших эшелонах власти и психологический фантом монархии как символа идеи национального единства в Румынии в ее эволюции к режиму авторитарно-фашистской диктатуры в преддверии войны. Летопись истории учит читать прошлое, не оставаясь у него в плену.

И.В. Михутина

Советско-польская война 1919—1920 гг.

В работе представлена насыщенная реалиями своего времени картина столкновения геополитических интересов возрожденной Польши и Советской России.

Заказы направляйте по адресу:

117334 Москва, Ленинский просп., 32-а,

Институт славяноведения и балканистики РАН

Научное издание

ПЛЕННИКИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ

• Политические портреты лидеров Восточной Европы

Сборник статей

Сборник подготовлен в редакционно-издательской группе
Института славяноведения и балканистики РАН

Подписано в печать с оригинал-макета 26.03.93. Формат 84x108/32. Гарнитура академическая. Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,5. Тираж 250 экз. Заказ 00000. С-014.

**RUSSIAN
PRESS
SERVICE**

**Рекламное
Агентство
"Русская Пресс Служба"
предлагает:**

- размещение рекламы в газетах и журналах Издательского дома "Новое время", на которые мы обладаем эксклюзивным правом: газеты "Все для Вас", "Домашний Адвокат", "Московский обозреватель"; журналы "Новое время", "New Times International", "Amour", "We offer";
- публикацию рекламы в интересующих Вас регионах СНГ, а также за рубежом через наши представительства в Чикаго и Стамбуле;
- стилизованный рекламный дизайн;
- составление оригинальных рекламных текстов;
- размещение рекламы на телевидении и радио;
- написание сценариев для рекламных видео- и аудиоклипов;
- разработку фирменного стиля (логотип, торговая марка, эмблема сервиса);
- изготовление высококачественной полиграфической и сувенирной продукции самого широкого назначения (буклеты, визитки, блокноты, рекламные плакаты, фирменные бланки, значки, брелки, зажигалки, сумки, майки, ручки);
- организацию презентаций, выставок;
- организацию конкурсов;
- оперативное выполнение заказов;
- возможность сотрудничать с нами на условиях бартера и кредита.

НАША ЦЕЛЬ - УСПЕХ НАШИХ ПАРТНЕРОВ!

Телефоны: 200-21-10, 209-92-82, 209-95-81
Факсы: 209-51-78, 209-92-82, 200-41-92, 200-42-23

